

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТРЕТИЙ ЦИКЛ?

I. Коренные проблемы нового исторического цикла

II. Какое будущее мы создаем?

III. Россия среди других народов и цивилизаций

ГЛАВА I

КОРЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЦИКЛА

СТАРАЯ ИЛИ НОВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА?

Окончание второго глобального модифицированного инверсионного цикла, второго (советского) периода российской истории означало, что некоторая спрессованная в культуре, апробированная прошлым опытом программа воспроизводства (воплощаемая как инерция истории посредством экстраполяции ранее накопленного опыта на будущее) себя полностью исчерпала. Вновь во всей остроте встала проблема выбора между новым повторением этой программы и выходом на принципиально новые альтернативы. В принципе можно говорить о двух типах альтернатив, т. е. старой, существовавшей в рамках циклов двух первых глобальных периодов, и новой, где, может быть, откроется возможность выхода за рамки сложившихся циклов.

В истории нет и не может быть никакой predeterminedности, автоматизма, внешней для человека заданности, железной необходимости, которым люди были бы вынуждены следовать. Экзистенциалисты правы в том, что человек обречен на выбор. Отказ от выбора, например, от попыток реализовать некоторую скрытую культурную мутацию,— это практически выбор в пользу инерции истории. Даже максимально полная реализация инерции истории всегда происходит в той или иной степени в условиях, отличных от прошлого, что всегда делает проблематичными направленность и содержание социокультурной динамики и ставит сложные проблемы перед прогнозированием.

Любая массовая социальная инверсия на обыденном уровне может казаться для сознания, не прошедшего достаточно глубокий путь теоретического осмысления общества, чем-то принципиально новым, выходом к высшей Правде-истине, коренным качественным поворотом, революцией, отметающей ста-

рые Ошибки, заблуждения, преднамеренное злодейство, попытки «отвести глаза», а заодно и всю предшествующую историю. Эта иллюзия может господствовать по крайней мере до тех пор, пока новая Правда-истина сама не окажется сметенной следующим поворотом, новым, а возможно, еще более старым вариантом Правды-истины. Анализ цепи этих поворотов открывает для критики исторического опыта возможность видеть здесь форму стояния на месте и одновременно осознать необходимость осмысления того, что можно рассматривать в качестве больших изменений. Каждый значимый поворот в социокультурной динамике неизбежно ставит вопрос о характере его альтернативности: является ли новое в динамике общества инверсионным повторением старой альтернативы в рамках исторически сложившегося опыта, но в новой одежде, или новой альтернативой, преодолевающей этот опыт.

События конца второго инверсионного цикла (советского периода) ставят вопрос о характере дальнейшей социокультурной динамики, о том, в какой степени можно в этих событиях видеть повторение сложившегося цикла и в какой — выход за его рамки. От решения этой проблемы зависит отношение общества к самому себе, к собственной программе воспроизводства, к условиям своей жизни, к средствам и к самим целям деятельности на всех ее уровнях от повседневности до воспроизводства большого общества.

Анализ имевших место событий, массовой деятельности позволяет выдвинуть гипотезу, что общество, пережившее, как многие полагали, «революцию», вступило в новый период, в *третий большой инверсионный цикл*. Принятие этой гипотезы означает одновременно, что страна вновь осталась в «застывшем» состоянии между традиционной и либеральной суперцивилизациями. Это связано все с тем же глубоким расколом, с существованием множества его форм. Конечно, остается возможность опровержения этого подхода не только новым, более глубоким уровнем теоретического осмысления, но и массовой критикой исторического опыта, возросшей массовой творческой силой, которая бы нащупала иную, более глубокую альтернативу. Анализ этой возможности требует дальнейшего углубления рефлектирующей мысли в реальное содержание динамики исторического процесса.

ГОД 1917 И ГОД 1991

События августа 1991 года и падение государственности СССР означали беспрецедентную победу либерализма. Его катастрофическая гибель после прихода к власти большевиков,

казалось бы, не давала реальных надежд на возрождение. Тем не менее на этапе перестройки он приобрел большое влияние на правящую элиту. Идеал, в котором делается акцент на демократию, народовластие, свободу слова, печати, на свободную экономическую деятельность, был положен в основу формирования новой государственности, социального устройства общества.

Победа либерализма произошла при несомненно более благоприятных политических условиях, чем в феврале 1917 года. *Быть может, самым большим достижением либерализма за всю историю страны была его способность оказать сильное влияние на массовое сознание общества.* Оно освоило лексику либерализма. Либерализм усилил всеобщее убеждение в том, что массовые убийства оборотней зла, как бы они сегодня ни назывались, недопустимы сами по себе, разрушительны для людей, которые пытаются так поступить, а самое главное — не решают никаких проблем. Разумеется, это не было прямым результатом воздействия либеральной прессы, которая наконец вышла к читателю. В основе этой победы либерализма была прежде всего массовая инверсия, массовый отказ от обанкротившейся системы принуждения, насилия и террора, было осознание того, что именно перебитые интелликуталы, предприниматели, «кулаки», «враги народа» были теми людьми, от которых в первую очередь зависит существование и развитие общества. Стало в общем ясно, что созданное в России общество «низшего класса» является нефункциональным, утопичным. Либералы придали этому осознанно определенную систематичность. Этот поворот был подготовлен гнившими по психушкам и лагерям диссидентами, притаившимися в порах общества хранителями катакомбной культуры, российской эмиграцией, которая в период разорения культуры хранила и культивировала отступившие на задний план ценности.

Если сравнить совершеннейшее озверение, характерное для последнего этапа первого глобального периода, сопряженное с прямыми призывами к убийствам и гражданской войне, то современный переход к новому циклу представляется лишенным важного признака предшествующих катастроф — массовой гибели людей. Достаточно вспомнить не знавшую меры борьбу легальной оппозиции до 1917 года против власти. Например, министр императорского двора В. Б. Фредерикс говорил об оппозиции в первой Государственной думе: «Эти депутаты скорее похожи на стаю преступников, ожидающих сигнала, чтобы зарезать всех сидящих на правительственной скамье»¹. Край-

¹ См.: Наше отечество: Опыт политической истории. М., 1991. Т. 1. С. 235.

ние партии вели преступную террористическую деятельность, постоянно организуя покушения на царя и должностных лиц. Например, П. Столыпин пережил десять покушений. Еще более удручающее впечатление производит вовлеченность в борьбу за революцию представителей части буржуазии. Общеизвестна помощь крайним партиям, включая большевиков, со стороны С. Морозова. Крупные фабриканты П. Рябушинский и А. Коновалов склонялись к «надорганическому режиму» (т. е. к революции)². Сегодня нелишне напомнить, что даже некоторые активные деятели серебряного века сочувствовали террористическим актам революционеров³.

Существуют и более глубокие отличия начала второго периода от начала третьего. Важнейшее из них заключается в том, что в первом случае существовало массовое стремление ликвидировать целые слои населения, которые, по мнению уравнительного большинства, были носителями кривды, эксплуатации, несправедливости. Крестьянство, стремившееся к уравнительности, боролось за уничтожение сословий помещиков, собственников на землю вообще, тех, кто, по их мнению, угрожал уравнительности. Рабочие также были крайне агрессивны настроены против хозяев. Существовал мощный стойкий источник массового насилия.

Во втором случае положение оказалось принципиально иным. Крестьяне, несмотря на все насилие, которое они претерпели за время второго периода, в своем подавляющем большинстве не несли в себе реальной альтернативы, за которую они хотели бы вступить в истребительную схватку с силами зла. Скорее, наоборот, преобладало похмелье от насилия, хотя, конечно, можно привести много фактов, которые этому противоречат. Валено, однако, что стремление к насилию не приобрело в России массовую организованную форму, опирающуюся на определенную идеологию, как это было в прошлом.

Принципиальное различие между началом третьего и второго периодов заключается, следовательно, в том, что на этот раз переход не ознаменовался уничтожением элитарной культуры, наиболее квалифицированных, творческих сил общества. Сама ранее немыслимая возможность выхода этой книги является иллюстрацией этого различия. Сегодня в России практически нет целей, ради которых массы людей готовы были бы умирать. Основная масса населения не стремилась к значительным социальным переменам, требующим уничтож-

² См.: Агурский М. У истоков национал-большевизма// Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 4. С. 147.

³ Шерер Ю. Религиозные поиски начала XX века// Общественные науки и современность. 1991. № 2. С. 170.

ния каких-то сословий, групп, и в своих стремлениях не шла дальше попыток сменить начальство. Однако стремление увеличить свою долю дефицитных ресурсов может породить серьезные конфликты. И здесь заслуга либерализма оказалась в том, что он открыл возможность более или менее мирной борьбы с начальством, замены «никудашного» начальства на хорошее через выборы. Это придало выборам особый привкус голосования не столько «за», сколько «против» (если не касаться голосования за харизматического вождя). Иначе говоря, либерализм открыл определенную, хотя и весьма ограниченную, отдушину для мирной реакции на дискомфортное состояние. Кроме того, сам идеал, за который можно было бороться, приобрел, в отличие от прошлого, менее ясные социальные черты. В 1917 году этот идеал воплощался в лозунгах «власть советам», «земля крестьянам», «фабрики рабочим». Эти лозунги теперь утратили свой смысл. И хотя вину за утрату этих ценностей можно было возложить на алчное «начальство», все же для миллионов людей оставалось что-то загадочное в том, что эти идеалы каким-то образом испарились.

Разумеется, и в 1991 году существовали силы, которые, используя свободу печати и другие средства, разжигали страсти, пытаясь пустить страну по пути массового взаимного избияния. Разумеется, при определенном росте кризисной ситуации, провале очередных прожектов эта деятельность может иметь успех. Тем не менее если сегодня определенные круги лишь пытаются нагнетать ненависть до опасного уровня, то в 1917 году эта грань была уже пройдена. Инверсионное массовое отпадение от крайнего антилиберализма, крах антилиберального общества толкнули людей к либерализму, к поддержке еще недавно гонимых и презираемых демократов. Еще вчера, как казалось, сторонников академика Сахарова можно было усадить на один диван. Переход к третьему периоду ознаменовал массовое появление последователей академика.

ПОБЕДА ЛИБЕРАЛИЗМА?

Победа либерализма на улицах Москвы в августе 1991 года была вполне очевидна. Речь идет прежде всего не столько о тех, кто собрался вокруг Белого дома. Там были разные люди, объединенные скорее ненавистью к начальству, чем позитивными идеалами. Победа либерализма заключалась уже в том, что он проник изнутри в гигантское воинство, которое оказалось парализованным. Армады танков бессмысленно толклись по улицам Москвы, и казалось, что они больше всего боялись что-то нарушить. Как военная сила они оказались бесполез-

ными. Они совсем не внушали страха, а скорее вызывали сильное раздражение у водителей автомашин, которые объезжали создавшиеся дорожные пробки, прорываясь через тротуары, перерезая колонны танков. Общая атмосфера психологически исключала возможность пустить эти лавины танков и БТР против защитников Белого дома. Ослабление культа насилия в душах людей оказалось главным врагом сторонников смещения Горбачева. Все это бросает яркий свет на характер событий и их место в общей динамике страны. Они, кстати говоря, подтверждают ту мысль, что *в России победа новой власти является результатом не столько организованности и силы заговора победителей, сколько саморазвала проигравшей стороны.*

Либерализм пришел к власти в России в результате не силовой конфронтации, но очередной массовой инверсии, идущей от антилиберального общества к его противоположности. Инверсия, вызревшая в советском периоде, резко повернула от господства антилиберализма к либерализму. В результате исторически сложившийся, но изживший себя порядок развалился сам собой.

Это обстоятельство дает основание рассматривать исходную точку третьего периода, начало нового модифицированного инверсионного цикла, исходя из гипотезы, что общество уже вступило на путь утверждения либеральных ценностей, путь демократии, связанной с рыночными отношениями, с преодолением системы псевдо, монополии на дефицит и т. д. В связи с этим возникает важный теоретический вопрос, имеющий большое практическое значение. Опыт предшествующих периодов показывает, что лежащая в основе каждого глобального периода некоторая исходная социокультурная клеточка всегда оказывалась лишь одним из полюсов, одной из реальных возможностей, которая периодически переходила в свою противоположность. Соборность, с которой начался первый период, была амбивалентна авторитаризму, так же как и советы второго периода. Переход к противоположности в обоих глобальных периодах был настолько силен, что позволил многим специалистам расценивать первый период как вотчинный, как развитие авторитарной государственности, а второй — как тоталитарный. Реальность исторической динамики России включает постоянное переворачивание исходной клеточки, периодическое обращение к ее альтернативе в рамках каждого периода.

Исходной клеточкой в новом периоде является демократически избранный институт, обладающий всей полнотой власти в соответствующем сообществе. Опыт прошлого не-

избежно ставит вопрос о возможности перехода демократического института в свою противоположность, о характере циклов в новом периоде, о возможности и характере альтернатив его динамики. Этот вопрос можно поставить иначе: является ли победа либерализма при переходе к третьему периоду реальным свидетельством субстанциальных сдвигов в воспроизводстве, в массовом менталитете, выхода на уровень гибких новых альтернатив, или речь идет об экстраполяции либерального языка на унаследованный вечевой соборный идеал, о возникновении нового массового мифа, о развитии некоторого двусмысленного гибридного идеала? По сути дела, решение этой задачи и должно дать ответ на вопрос: «В каком обществе мы живем?» — но применительно к новому периоду.

Общество, постоянно ищущее себя, периодически себя находящее и вновь теряющее, следуя сложной системе переходов от одной крайности к другой, все же встало под знамена либерализма. Но это значит, что оно согласно перейти на либеральный язык и следовать либерализму в определенных рамках, не разрушая свои глубинные ценности. Это означает, что общество сделало попытку жить по новым принципам. С этой попыткой в основном согласны все или почти все, все принимают соответствующие новые правила игры и новый язык. Впрочем, это не исключает, но предполагает, что все могут нести на заднем плане сознания иные ценности. *История как бы предоставляет обществу очередной шанс*, в данном случае либеральный, история как бы говорит: «Вот вам новая альтернатива обновления, спасения от разрушительных инверсий». Демон истории предлагает игру в либерализм. Он дает шанс. Воспользуется ли им общество? Поймает ли дьявола на слове? Или вновь потеряет этот шанс в сутолоке жизни из-за лености и частных склок на межах своих огородов?

Совсем недавно диссиденты уже дали урок такой игры. На знаменах общества советского периода были написаны либеральные лозунги свободы, законности и т. д. Некоторые из диссидентов не стали говорить, что это все обман, но пытались жить по этим принципам. И в конце концов они выиграли, — выиграли в том смысле, что поймали демона истории на слове, заставили его по крупицам реально признавать то, что он признавал лишь номинально. Они выиграли, так как общество подхватило эту игру, предоставив либералам политическую власть и согласившись всерьез играть в либеральную игру. Значит ли это, что демон истории проиграл? Само общество должно в своей сложной и повседневной деятельности ответить на этот вопрос. Продолжит ли оно эту игру до превращения ее в реальность своей повседневности или вновь, как гоголевский

герой, воскликнет: «Лучше бы не было того пира»,— вновь отдаваясь дьявольской разрушительной игре инверсий? Сегодня, как и всегда, мы играем ва-банк! Играем всерьез. Даже слишком серьезно, без иронии. Исчез даже не знающий преград анекдот. Однако ему на смену пришли карикатуры. Они подмигивают нам со страниц газет, как бы из другого мира. Однако смертельная игра продолжается.

ЛИБЕРАЛИЗМ ИЛИ СОВОРНОСТЬ?

Либерализм пришел к власти, разоблачая ложь идеологии второго глобального периода. Достаточно вспомнить солженицынское «жить не по лжи». Наблюдения за современной жизнью общества показывают, что суть лжи не сводится к попытке власти, газет и т. д. намеренно на основе каких-то злодейских мотивов ввести в заблуждение народ. Дело в чем-то другом, в том, что *сам язык, на котором мы говорим, сами, казалось бы, очевидные идеи, которые мы защищаем, сами институты, которые мы строим, сами цели, которые мы преследуем, содержат в себе какую-то двусмысленность, свое самоотрицание.* Эту двусмысленность нельзя преодолеть обращением к Правде, содержание которой всегда столь же двусмысленно и абстрактно. Либерализм пришел к власти, сражаясь с упрощенным представлением о лжи как результате злонамеренности и корысти. Но либерализм оказался неподготовленным к тому, что двусмысленность пронизывает нашу жизнь до самых ее метафизических основ и вовсе не готова рассеяться от одного слова Правды. Грозная опасность, которая стоит перед либерализмом у власти, возникла не с той стороны, откуда ее ожидали: не от остатков номенклатуры, а из каждой клеточки нашей жизни. Отсюда опасность того, что решения, принятые на либеральной основе, вновь созданное государство, реформы, включая экономическую, окажутся некоторым образом двусмысленными, т. е. содержащими в себе элемент саморазрушения.

Инверсия, приведшая к новому периоду, породила массовую веру «в наших демократов» (не столько в демократию, сколько именно в демократов). В ответ на эту веру они должны спасти страну, т. е. в некотором смысле совершить чудо, на которое способен лишь тотем. В противном случае общество готово отказаться им в доверии, чтобы заменить их кем-либо другим, точно так же как не оправдавший себя божок может быть наказан и заменен другим. Таков реальный менталитет общества, его культурная основа. И сегодняшняя власть, как и предшествующие, опирается именно на эту специфическую

культурную основу, которая является по своей сути долиберальной. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать между февралем и октябрём 1917 года. *Существование либеральной власти означает не господство в стране либерального нравственного идеала, но, возможно, господство особого соборно-либерального идеала.* Либерализм имеет в стране слишком слабые культурные почвенные корни. Он может быть господствующим при иной социальной субстанции: в условиях массовой частной инициативы, развитой формы частной собственности, массовой ответственности за большое общество.

Либерализм в России ведет за собой людей, тяготеющих к соборному идеалу, к разным формам утилитаризма, включая и умеренный. Эти слои, порожденные традиционализмом, склоняются к локализму, но нуждаются в языке, лозунгах либерализма для доказательства якобы причастности сил локализма к ценностям большого общества. Им это необходимо для объединения сил в борьбе с властью, с государством, бюрократией, коррупцией, для возвышения до уровня целого. *Либеральные лозунги нужны локализму прежде всего для решения отрицательных задач, т. е. прежде всего для сокрушения государственности, превращения ее в собственную тень, для перехода монополии на дефицит на нижние уровни.* Эти по сути антилиберальные цели свидетельствуют о внутренней расколоте соборно-либерального идеала, о его гибридном характере. На последнем этапе первого периода этот идеал распался на свои ипостаси, вступившие в кровавый конфликт, который выявил *антитрадиционистскую суть либерализма*, в результате чего либерализм, «кадет» (т. е. либерал) стал главной и непосредственной жертвой поднявшейся волны архаики.

Соборные ценности, существующие в рамках соборно-либерального идеала и прикрытые либеральными оболочками, постепенно, не сразу раскрывают свою антилиберальную сущность. Идеи демократии, борьбы против удушающего централизма, против бюрократической номенклатуры оказываются на самом деле направленными на борьбу за локализм, стремящийся разбить все формы интеграции страны без соответствующей опоры на культурные интеграторы. Тем самым страна может превратиться в хаотический конгломерат захолустных провинций, каждая из которых лишь стремится захватить ресурсы в границах своего региона, не считаясь с жизненными потребностями соседей. Этот процесс в различных формах продолжается в масштабе не только бывшего СССР, но и собственно России. Локалистские тенденции проявляются то на Дальнем Востоке, то в Калининградской области, то на Урале, то в республиках, входящих в Российскую

Федерацию. Таков же характер возникших в 1991 году идей создать Енисейскую республику вместо Красноярского края, образовать Сибирскую советскую федеративную республику как субъект Российской Федерации, создать Русский автономный округ Енисейской республики⁴. Депутаты всех уровней Иркутской области предложили признать эту область территориально-государственным образованием с расчетом «обрести право принимать собственные законы»⁵. Высказывались предположения, что на территории стран, входивших ранее в СССР, может сформироваться 40-50 различного рода образований государственного типа, между которыми возможно возникновение конфликтов самой разной степени остроты⁶.

Пульсирующий процесс дезинтеграции по своей социокультурной сущности аналогичен процессам, протекавшим при окончании первого периода, когда на территории бывшей Российской империи летом 1918 года существовало по крайней мере 30 «правительств». На первом этапе первого периода существовало примерно 15 независимых княжеств-земель. Можно подумать, что исторический опыт существует лишь для того, чтобы его игнорировать. Эта сложная реальность, обусловленная исторической слабостью социокультурных интеграторов, создает весьма слабую базу для либерализма, для устойчивого перехода к либеральной цивилизации. Дело несколько не улучшается, а скорее ухудшается тем, что все эти процессы странным образом отождествляются с демократическими, либеральными и т. д.

Локализм разрушает всю структуру государства, систему управления, разгоняет квалифицированные кадры управленцев: «Ликвидация союзных министерств сейчас идет так, что может произойти лишь хаотический „сброс" людей, профессионально знающих условия хозяйствования... Мы обрекаем себя на паническое формирование уже в недалеком будущем новых государственных структур из новичков... лишаем себя шансов ускорить движение к рынку»⁷. Точно так же, как после падения царской власти, новая система управления оказалась крайне неэффективной. Важнейшая ее особенность — это то, что представительные выборные органы власти стремятся

⁴ Тарасов А. Быть ли Енисейской республике// Известия. 1991. 22 нояб.

⁵ Сбитнев В. Съезд в «Иркутском государстве»// Там же. 18 нояб.

⁶ Основные направления дальнейшего осуществления социально-политических и экономических реформ в России. М., 1992. С. 19.

⁷ Пайнс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917-1918 гг.)// Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 3. С. 94.

⁸ Храповицкий Д. Союзные министерства: последние дни// Известия. 1991. 14 нояб.

по советскому образцу соединить в себе и законодательные, и исполнительные функции. Беззакония в деятельности местных органов власти стали обычным делом. Нарушаются законы, указы Президента, никто не несет за это ответственности, что порождает эскалацию безответственности. При этом государственная система постоянно теряет свою органическую целостность, так как главные держатели монополии на дефицит смещаются на средние уровни. Имеет место сращивание соответствующих звеньев государственного аппарата и хозяйственных структур там, где это не произошло еще раньше. Хаотичность и неэффективность управления нарастают.

Аппарат Ельцина подготовил интересный документ «О дезинтеграции и срочных мерах по борьбе с сепаратизмом»⁹. Из него видно, что центральное правительство России не столько противостоит локализму, сколько само является важным элементом его нарастания. В документе говорится, что в последние месяцы (имеется в виду конец 1991 — начало 1992 года) резко возросло давление республик, краев и некоторых областей на правительство с целью получения прав по регулированию хозяйственной, внешнеэкономической деятельности, распоряжению государственной собственностью, распределению материальных и денежных ресурсов. Поток обращений возрастает каждую неделю, что превращает правительственный аппарат в механизм по предоставлению льгот отдельным регионам, влечет за собой экономическую дезинтеграцию страны. Авторы документа считают, что возникла серьезная угроза распада экономического пространства на автономные регионы с уникальными режимами хозяйственной деятельности. Вслед за хозяйственной дезинтеграцией неизбежна дезинтеграция государственного регулирования, которая, в свою очередь, приводит к политической дезинтеграции. В записке содержится перечень административных единиц, которым указами президента, решениями правительства предоставлены различные льготы в использовании ресурсов, освобождение от экспортных пошлин. Эта сокрушительная волна локализма повышает в каждом локальном районе возможность коррупции, истощения ресурсов.

Очевидно, что либерализм в условиях развитой либеральной суперцивилизации, как это имеет место на Западе, и либерализм в стране, еще не ставшей либеральной, — различные явления. Российский либерализм нуждается в серьезной перестройке, в преодолении своего абстрактного характера, в отказе от фетишистской веры в волшебный результат воплощения

⁹ См.: Льготы, «выбитые» для регионов, местная администрация неплохо использует для себя// Независимая газета. 1992. 24 марта.

либеральных идеалов любимыми средствами. Неорганичное развитие российского либерализма привело к тому, что он подчас заражен все теми же манихейскими представлениями, верой в возможность инверсионного воплощения в жизнь своих идеалов (например, уверенность в возможности легких очевидных решений). Здесь можно проследить далеко идущую аналогию с ленинской идеей мгновенного переворота, программа которого может быть воплощена «одним указом», «одним ударом». Либерализм часто, отражая общий настрой, склоняется к такой точке зрения: «По сути нам действительно придется насаждать реформы в это общество, которое, по всей видимости, их отвергает»¹⁰. В России, к сожалению, это обычный метод проведения реформы. Еще П. Столыпин считал, что не следует «ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы: народ темен, и неизвестно, когда он дозреет до понимания ее настоятельной необходимости»¹¹.

В приведенных высказываниях сформулирован важнейший элемент трагедии российского либерализма, выброшенного к вершинам власти. *Российский либерализм оказался и дома, и одновременно неприютным. Либерализм с вершин мирового опыта в этой драматической ситуации пытается делать ставку на меры, которые неприемлемы для большинства населения, что в конечном итоге означает сползание либерализма с его собственных либеральных позиций.* Такая двойственность, внутренняя противоречивость либерализма в условиях господства локальной соборности создает условия для элементов *либерального утопизма*, для веры в воплощение либерального идеала через слово и административное насилие. «Утопия смотрит на нас из каждой журнальной статьи, из каждого газетного заголовка... Это уже не „город солнца" или „страна на Луне", а Запад или Америка... Этот Запад и эта Америка не более реальны, нежели „города солнца" и „сны Веры Павловны"... Новые утопии не менее опасны, чем прежде»¹².

Это переворачивание либерализма в России — результат расколотости общества, существования в нем двух взаиморазрушающих противоположностей — не означает невозможности либерализма в России. Но в этой необычной ситуации либера-

¹⁰ Федоров Н. Остаюсь бороться// Российские вести. 1991. №26, ноябрь. С. 11.

¹¹ См.: Зырянов П. П. Столыпин и судьба русской деревни// Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 124.

¹² Кагарлицкий Б. Отречемся от Томаса Мора?// Столица. 1991. № 29. С. 12-13.

лизм должен быть иным: он должен преодолеть свой абстрактный характер.

Положение либерализма осложняется тем, что он не смог осмыслить значения превалирования в системе управления страной хромающих решений и противопоставить им нечто иное. Власть до сих пор на всех уровнях постоянно захлестывается стихией хромающих решений. Например, в апреле 1992 года планово-бюджетная комиссия Верховного Совета рассматривала проект постановления «О прогрессивном налогообложении прибыли предприятий и организаций торговли и общественного питания в 1992 году», где предусматривалось обложение предприятий, получающих прибыль свыше 3-8%, по ставкам 75—90%. Вместе с тем в выступлении Б. Ельцина в январе говорилось о возможности снижения торговой надбавки примерно до 8%¹³. Очевидно, что все это отрицало сам замысел проводимой в стране экономической реформы. Решение об обложении 60-процентным подоходным налогом доходов иностранцев, живущих и работающих в России, заставит большинство крупных компаний переменить свои планы, так как этот налог большинству окажется не под силу. Правда, американская газета «Джорнэл оф коммерс энд коммершл» замечает на это, что «пока среди иностранцев в Москве никто не паникует, поскольку в местных обычаях менять законы в последний момент»¹⁴. Эти хромающие решения стали фактором обсуждения с другими государствами. Впрочем, сами эти решения — старая стойкая непрерывная российская традиция. Еще в прошлом веке в делопроизводстве была такая ситуация, что «составлять журналы по каждой бумаге совершенно излишне, потому что то и дело одна бумага отменяет другую»¹⁵.

Итак, действующий в России либерализм носит абстрактный характер, т. е. он недостаточно глубоко и широко прорабатывает социокультурную реальность через принципы либерализма, не проявляет достаточной озабоченности развитием самих принципов либерализма в специфических условиях России. Абстрактность либерализма проявляется сегодня, во-первых, в том, что он оказался недостаточно подготовленным к решению задачи, поставленной необходимостью формирования повседневного воспроизводства государства. В этом сказалась и традиционная оппозиционность большинства либеральной интеллигенции к власти как таковой. Эта оппозиционность выражает не что иное, как превалирова-

¹³ См.: Мельников В. Проект налога на торговлю: мы на горе всем буржуям...// Коммерсанта. 1992. № 17. С. 1.

¹⁴ См.: Российские вести. 1992. № 5. С. 3.

¹⁵ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 435.

ние в ее сознании освоенных интеллигентским сознанием массовых догосударственных ценностей. Во-вторых, либерализм сегодня не в состоянии осмыслить свое положение как фактора формирования государственности в социальной среде, требующей сложных решений, не сводимых к расхожим ценностям здравого смысла. Иначе говоря, либерализм стоит перед угрозой собственной неспособности найти путь, ведущий к либеральной государственности. В этом — серьезная угроза либерализму, так как борьба за укрепление государственности как неизбежная реакция на ослабление государства может в этих условиях происходить не в рамках диалога разных форм либерализма, а в усиливающейся борьбе против либерализма. В-третьих, важнейший слабый пункт абстрактного либерализма — ограничение поиска выхода из создавшейся ситуации реформой, которая сводится к экономическим преобразованиям. По существу такой редукционизм противоречит принципам либерализма, является попыткой свести его суть к плоскому утилитаризму. Это теоретическое заблуждение само по себе достаточно, чтобы подорвать либеральную власть.

Критическая ситуация, в которой находится пришедший к власти либерализм, — свидетельство отсутствия оснований полагать, что имел место выход страны за рамки промежуточной цивилизации, что реально был осуществлен переход к либеральной суперцивилизации. Это означает, что в обществе пока еще господствует не либеральный, а соборно-либеральный нравственный идеал.

ПОПЫТКИ РЕФОРМ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Общая вера во всемогущество начальства в стране не находит своего подтверждения в повседневной жизни. Если говорить о хозяйственном развитии, то слишком часто складывается впечатление, что «собака лает, а караван идет»: позитивное влияние правительства на хозяйственное развитие слабее, чем воздействие спонтанных процессов, протекающих в самом хозяйстве. Впрочем, это не относится к негативным разрушительным действиям, которые являются результатом попыток реформировать хозяйство. В этой связи большое значение имеет накопленный исторический опыт реформ в России, который слабо изучен и слабо осмыслен.

Многие задачи, которые сегодня ставят себе реформаторы, в особенности в сельском хозяйстве, уже неоднократно были содержанием проектов реформ, попыток их воплощения. Еще во времена правления царевны Софьи ее приближенный князь В. В. Голицын составил обширную радикальную программу,

сочетающую замену натурального хозяйства денежным с освобождением крестьян с землей. Однако он не мог похвастаться успехами в осуществлении своих замыслов.

В 1766 году обсуждался проект перевода вотчинных крестьян царицы на подворное владение. Екатерина II предполагала отдать землю в вечное владение своим вотчинным крестьянам, прекратить общинные переделы земли. Крестьяне, однако, отнеслись к этим проектам негативно. Тем не менее разработка проектов, направленных на разрушение общины, продолжалась. В 1772 году среди вотчинных крестьян императрицы, имевших основания предполагать, что предстоящее размежевание ставит целью ввести подворное владение, имели место волнения, что помешало внедрению такого рода проектов. Цесаревич Павел, будущий император, в своем Гатчинском имении пытался превратить крестьян в фермеров. Видимо, предполагаемая реформа проводилась в более благоприятных условиях, чем современная. Крестьяне были снабжены всеми необходимыми техническими средствами, была предоставлена ссуда, организовано соответствующее обучение. Однако уже через два года крестьяне просили ввести у них старый порядок. К этому времени они утратили всю новую собственность и не были в состоянии платить ничтожный оброк¹⁶. Очевидно, будущий император, как и современные реформаторы, не учитывал какие-то скрытые параметры, которые мешали и продолжают мешать осуществлению великих замыслов.

А. Герцен писал о подобных попытках: «Бывали помещики, хотевшие ввести европейскую систему раздела земли на участки и частную собственность. Эти покушения исходили большей частью от дворян прибалтийских губерний, но все не удовлетворялись и обыкновенно кончались убийством помещиков или поджогом их замков»¹⁷. Отец М. А. Бакунина также пытался освободить своих крестьян. В 1820 году будущий декабрист, помещик И. Якушкин пытался освободить крестьян и перевести их на аренду, но получил ответ: «Оставайся все по старому: мы ваши, а земля наша». Нельзя не напомнить о реформаторской деятельности министра государственных имуществ при Николае I П. Д. Киселева. Его попытки реформ были достаточно умеренны. Он отказался от проектов, связанных с ликвидацией общины, и пытался преодолеть малоземелье среди государственных крестьян, ввести более совершенную систему фискального обложения, поднять производительные

¹⁶ *Семевский В. И.* Государевы крестьяне в XVIII веке // Русская мысль. 1901. № 1. С. 36-42.

¹⁷ *Герцен А. И.* Сочинения. Т. 6. С. 405.

силы государственной деревни путем агрономических и культурно-бытовых улучшений. Крестьянство ответило на эти реформы волнениями, которые прокатились по 22 губерниям. Государственный секретарь М. А. Корф писал во времена реформ Киселева, что не видно «никакого плода от его (Киселева) операций над казенными крестьянами, сколько они ни поглощают миллионов и как они ни наводняют свою часть морем новых постановлений»¹⁸. Реформы закончились контрреформами, которые проводил новый министр М. Н. Муравьев.

Реформационные попытки высшей власти, касающиеся свободы торгового оборота в стране и открытости внешнего рынка для сбыта сельскохозяйственных продуктов, можно отметить в законодательстве с середины XVIII века. В том же году, когда Екатерина II издает указ о безусловной свободе торговли, орловский губернатор запрещает вывоз хлеба из губернии. Правительство постоянно боролось против местных властей за свободу торговли¹⁹. Подобные хромающие решения постоянно парализовывали попытки реформ.

Вспомним «Барышню-крестьянку» Пушкина, где помещик рассматривал попытки своего соседа перестроить хозяйство на основе английского опыта как пустую трату сил. Эффект от подобных нововведений мог иметь место лишь тогда, когда они вписывались в реальную конструктивную напряженность субъекта воспроизводства, нацеленного на развитие и прогресс, когда каждый результат капиталовложений становился бы стимулом и фактором соответствующей перестройки воспроизводства, развития творчества. Если же у работника преобладает стремление рассматривать всякое новшество как навязанный элемент условий, к которому следует приспособиться на основе сложившихся ценностей, то вложенные средства могут стать лишь фактором издержек. Это камень преткновения, на который постоянно наталкивается модернизация в России.

Самой массивной попыткой страны вырваться из архаики была столыпинская реформа, ответом на которую стала полная победа общинных отношений. Общество с начала XX века хорошо поработало над подавлением отдаленных предпосылок ослабления уравнительности. Например, в результате поджогов в 1907-1913 годах в Смоленской губ. горело по 10-15 зажиточных хозяйств в месяц²⁰. Никакая реформа, которая игнорирует такого рода опыт, не может рассчитывать на успех.

¹⁸ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 576-577, 284.

¹⁹ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Л., 1924. С. 106-107.

²⁰ Неуслышанные голоса: Документы смоленского архива/ Сост. С. Максудов. Кн. 1: 1929. Кулаки и партейцы. Мичиган, 1987. С. 42.

Интересен в этой связи анализ политики различных белых правительств во время гражданской войны. Самарское эсеровское правительство, правительства А. Колчака и А. Деникина пытались проводить политику свободы торговли и сохранения свободных цен. Однако эта политика не позволила им обеспечить элементарное снабжение населения и армий продовольствием²¹, она вступала в противоречие с мощной инверсионной волной локализма и натурализации.

ПОДАВЛЕННЫЙ РЫНОК ИЛИ МОНОПОЛИЯ НА ДЕФИЦИТ?

Главная причина реформаторских неудач заключалась в том, что в процессе формирования замысла реформ от внимания реформаторов ускользали определенные пласты реальности, которые при реализации этих замыслов возникали, как риф на пути корабля. Таким грозным рифом был исторически сложившийся менталитет уравнительного общинного типа, соответствующий образ жизни подавляющего большинства населения. Эту близорукость унаследовали и современные либеральные реформаторы. Они не учитывали, что либерализм может быть вполне приемлемым лишь как некоторая тенденция в масштабе мировой истории. Идеи реформаторов не могут быть в массовом масштабе реализованы на том отрезке времени, в который пытаются втиснуть реформу. К сожалению, проекты экономической реформы, которые пытаются реализовать реформаторы на первом этапе современного периода, представляют собой яркий образец абстрактности принимаемых решений.

Соображения, толкающие либералов к экономической реформе, достаточно просты и определяются в числе прочего и некоторыми бесспорными истинами. Они заключались прежде всего в констатации полного банкротства советского хозяйственного порядка, основанного, как полагало большинство, на управлении из единого центра. Бесспорной представляется необходимость развития рыночной экономики как единственно способной обеспечить рост и развитие, минимальные потребности общества. Отсюда, казалось бы, простой вывод — необходимость системы мер, направленных на превращение натурального по сути хозяйства в рыночное. Проблема, следовательно, заключалась в том, как это сделать. Игнорирование реформаторами содержания массового сознания, массовых

культурных стереотипов открывает путь для чисто конструктивно-инженерного подхода к реформам, для существования мнения, что реформу можно провести не только в 500 дней, но и в неделю.

Любая программа реформы основывается на определенной хозяйственной концепции. Проект реформы выступает как некоторая определяемая этой концепцией система параметров, на которые, по мнению реформаторов, государство может воздействовать таким образом, чтобы общество было приведено в желательное состояние. Очевидно, что различные концепции приводят к выделению разных показателей. По поводу устройства нашего хозяйства существуют разные точки зрения: «Авторы практически всех без исключения предлагаемых для России программ перехода к рынку исходят из того, что в России в принципе существует экономика в том смысле, какой привыкли вкладывать в это слово на Западе, и проблема, по их мнению, в том, что эта экономика больна. Поэтому фактически целью предлагаемых программ является, как правило, лечение такой больной экономики... В действительности же, по-видимому, правильнее будет говорить о наличии больной „неэкономики“»²². Что же это за «неэкономика»? Выше я пытался обосновать правомерность характеристики хозяйства, сложившегося в России, как монополии на дефицит. Этому подходу противостоит концепция, расценивающая наше хозяйство как экономику в «западном» смысле и лежащая в основе экономической реформы, проводимой на первом этапе третьего периода. С этой точки зрения наше общество по своей сути было и есть рыночное, но в условиях тоталитаризма эта рыночность была искусственно подавлена политическими средствами. Задача реформы, следовательно, — создать все необходимые условия для того, чтобы люди могли вступать друг с другом в разнообразные рыночные отношения. Причем склонность к этим отношениям рассматривается как нечто естественное, как постоянное свойство человека. Для его выявления, пробуждения необходимо устранить административные препоны и создать определенные условия, прежде всего финансовые. Я уже имел возможность анализировать важнейший слабый пункт такого подхода. Массовое стремление людей в России вступать в товарно-денежные отношения является предметом веры, а не знания, и вера эта — результат основного заблуждения русской интеллигенции. Совсем недавно предметом веры были прямо противоположные принципы — безграничный

---

²² Реформа без шока: Выбор социально приемлемых решений. М.; Сан-Франциско, 1992. С. 31.

подъем в коллективах без эксплуататоров на основе энтузиазма и т. п.

Проблема, однако, гораздо глубже. Исторически сложившаяся слабая приверженность к рынку и товарно-денежным отношениям создала в условиях России *совершенно особый тип хозяйства*, который выше назван мною *господством монополии на дефицит*. Вряд ли можно надеяться, что перевод *теории монополии на дефицит* на язык реформы приведет к тому же самому проекту реформ.

Попытка начать экономическую реформу открывает возможность анализа реакции общества на действия реформаторов, что позволит оценить соответствие массовой реакции той или иной концепции. На этой основе можно дать оценку возможным альтернативам нашего развития. Для решения этой проблемы важно рассмотреть *реакцию общества на «либерализацию цен» в свете обеих концепций*, выявить, какая из них способна реально прогнозировать события, привести хаос фактов в некоторую теоретически осмысленную систему, не противостоящую культурному опыту.

С точки зрения концепции подавленного рынка, положенной в основу проводимой правительством реформы, «либерализация цен» должна привести к массовому банкротству в результате того, что повышение издержек производства делает экономическое воспроизводство нерентабельным, невозможным с экономической точки зрения. С позиций же концепции господства в обществе монополии на дефицит значимость ценового аспекта этого процесса отступает на второй план, тогда как на первый план выходит способность предприятия сохранить свою монополию. Этот процесс непосредственно от цен не зависит, но при ухудшении хозяйственной ситуации может послужить даже фактором укрепления этой монополии, т. е. рост цены на товар несет в себе возможность уменьшения его доступности, усиления его монополизации. Так говорят теории. Положение дел недвусмысленно свидетельствует в пользу второй точки зрения. «Сегодня в России неоплаченные поставки товаров и услуг составляют 800 миллиардов рублей. Ни одного банкротства нет. Парадокс?»²³ Да, парадокс, но лишь с точки зрения первой концепции, согласно которой судьба предприятия зависит от экономической окупаемости производства, способности компенсировать свои издержки, сохранять устойчивость на конкурентном рынке, получать прибыль. С позиций второй концепции жизнеспособность предприятия зависит от его способности сохранять монополию на дефицит.

²³ Шохин А. «Наладить экономику можно лишь жесткими методами...»// Российские вести. 1992. № 2. С. 1.

В соответствии с концепцией подавленного рынка, «либерализация цен» должна привести с определенного момента к снижению цен, так как только в этом случае можно будет в процессе конкуренции обеспечить реализацию, увеличение количества продаж. С позиций концепции господства монополии на дефицит, носители этой монополии должны на любое потрясение отвечать стремлением усилить свою монополию, что требует, в частности, дальнейшего накопления натурального дефицита при сравнительной малозначимости самой проблемы цен. Печать сообщает, что предприятия еще в январе-феврале 1992 года, т. е. в самом начале реформы, ответили на новую акцию власти тем, что «бросились накапливать ресурсы, не доверяя „живому рублю"»²⁴. Именно скупкой материальных ресурсов предприятия ответили на реформу. Более того, вся система платежей в результате попыток рыночной реформы оказалась разрушенной, начался кризис неплатежей, т. е. полное нежелание платить поставщикам за продукцию. Предприятия не вступили на зыбкий и неясный для них путь рыночных отношений и сконцентрировали все ресурсы на собирании любого дефицита.

Согласно первой концепции, снятие преграды для торговли, упорядочение финансов открывает путь рынку, т. е. все научут покупать и продавать и даже производить для того, чтобы продать. Вторая концепция предполагает, что резкое изменение хозяйственных связей (например, в результате краха, полного или частичного, сложившихся форм и связей системы монополии на дефицит) будет побуждать держателей дефицита не столько стремиться к рынку, сколько искать прикрытие, «крышу», некоторую могущественную монополию, некоторого мощного держателя дефицита, который обеспечивал бы стабильный обмен дефицитом, осуществлял защиту в социальной среде. Цитированное выше высказывание А. Шохина ясно показывает, что именно эта тенденция у нас является определяющей. Коренное различие между первой и второй концепциями заключается в том, что первая ожидает от масс стремления к свободному рынку, тогда как вторая — роста монополии из каждой клеточки общества как адекватной формы поведения в социальной среде, где существует раскол между потребностями в росте потребления и потребностями в соответствующих формах труда, воспроизводства.

Особенно ярко стремление к монополии выявилось при самых первых тенденциях отмены госзаказа. «Даже если министерства уменьшали свои госзаказы, нередко предприятия сами

²⁴ Кононенко В. Трехсторонняя комиссия склоняется к идее подчинить Центральный банк правительству // Известия. 1992. 3 июня.

старались увеличить их долю до 100%. При госзаказах предприятие избавлено от хлопот по поискам потребителя его продукции и уверено в том, что государство обеспечит ему поставщиков сырья. Без госзаказа завод сам должен брать на себя риск искать заказчика и договариваться с поставщиками... Большинство руководителей отказалось рисковать»²⁵. Социальное поведение руководителей предприятий показало, таким образом, что они отнюдь не мечтали о том, как бы им освободиться от стоящих над ними держателей монополии на дефицит.

ГЛАВНАЯ ПРЕГРАДА — МОНОПОЛИЯ НА ДЕФИЦИТ

Опасность укрепления монополии на дефицит на еще не появившемся рынке достаточно очевидна. Об этом говорит весь опыт истории России, где, например, купечество всегда добивалось у власти разрешения на торговлю и производство, стремясь одновременно к монополии в своей области, и находило достаточную поддержку. Монополии готовы охватить все новые сферы. Существует, например, угроза монополизации экспортных ресурсов России, сосредоточения основной части дохода от экспорта в руках наиболее развитых структур в результате либерализации внешнеэкономической деятельности²⁶.

Если рыночная концепция рассматривает всю современную хозяйственную деятельность как борьбу рыночных и антирыночных сил (к последним относят главным образом недобитую номенклатуру, мафию и т. п.), то концепция господства монополии на дефицит, не отрицая элементов подобной борьбы, в целом исходит из того, что *главный конфликт, основу интерпретации современной хозяйственной (и не только хозяйственной) ситуации следует искать в борьбе разных форм и уровней монополий на дефицит*. Сегодня налицо сдвиг не от монополии к рынку, а от центральной власти как главного и единственного держателя дефицита к держателям дефицита средних и нижних уровней. Распад СССР привел к переходу этих монополий на уровень республик, а точнее говоря, наоборот, переход монополии на уровень республик привел к распаду СССР. Неуклонно возрастает значимость держателей дефицита среднего уровня: ведомств, регионов, разного рода объединений, а также смещение держателей дефицита на низшие уровни (предприятия, колхозы, мелкие группы посредни-

²⁵ Славинский А. Ельцин указал открыть российскую экономику и закрыть валютную торговлю// Коммерсантъ. 1991. 11—18 нояб.

²⁶ Грешнова И. Советский демпинг на рынке вооружений// Там же. С. 21.

ков и т. д.). Борьба держателей монополии на дефицит является центром социальной жизни и подчиняется определенным законам, циклам, по своему значению далеко выходящим за рамки чисто хозяйственных проблем. Первая концепция даже близко не подходит к объяснению этой борьбы, не только ее общесоциального, но и чисто хозяйственного смысла. Только концепция господства монополии на дефицит в состоянии объяснить мощную натурализацию, архаизацию хозяйства, которую стали стыдливо называть бартером. Это одна из наших традиций называть архаичные феномены новыми для нас иностранными словами. Именно натурализация отношений, выступающая как форма активизации борьбы за укрепление монополии на дефицит, смещение главных держателей дефицита от когда-то всемогущего государства вниз объясняет стремление производителя, например, колхозов, не захватывать рынок, а накапливать у себя готовую продукцию, одновременно сокращая объем производства и упрощая ассортимент выпускаемых товаров.

Экономистами и публицистами все процессы описываются в неадекватных реалиям рыночных категориях, что порождает совершенно искаженную, иллюзорную картину состояния хозяйства. Это относится и к самим проектам реформ.

КАК БЫТЬ С РЫНКОМ?

Видимо, самый болезненный факт, не находящий объяснения при первом подходе, заключается в том, что в результате попыток освободить цены не складывается равновесие между спросом и предложением. Этого не произошло при нэпе, когда идея смычки города и деревни, т. е. экономической связи между сельским хозяйством и промышленностью на основе взаимоприемлемых цен, так и не нашла своего воплощения. Это оказалось невозможным и сегодня при «либерализации цен», когда никак не удается отказаться от бюджетных (т. е. государственных) дотаций.

Опыт нэпа как рыночной формы хозяйства у нас сильно идеализирован. Исследования показывают, что легальный внутренний рынок 1921-1923 годов состоял из обособленных, самостоятельных частей, вследствие чего спрос и предложение на нем были разобщены, т. е. «не было понятия рыночных цен» (А. М. Лежава). Отсутствие единого рынка, неустойчивая конъюнктура и малая емкость обособленных частей хозяйства затрудняли создание достаточных стимулов к развитию производства и повышению его товарности. Слабый товарооборот не мог способствовать снижению товарного голода и выравнива-

нию динамики цен, т. е. формированию устойчивых рыночных цен²⁷. Хозяйственная ситуация свидетельствовала о том, что отсутствие условий для развития рынка не могло быть результатом определенных политических событий недавнего прошлого, но имело глубокие корни, устранение причин этой ситуации выходило за рамки возможностей быстро исправить положение политическими и административными средствами. Исторически не сложился на рыночной основе баланс между топливно-энергетической промышленностью и остальными отраслями, между сельским хозяйством и промышленностью. Промышленность возникла и развивалась на дорыночной крепостнической основе, как зависимая от государства, задолго до введения «директивного планирования». Сельское хозяйство покупало технику и удобрения по заниженным ценам и получало дотацию на продаваемую продукцию. *В этой ситуации теоретически немыслима цена равновесия. Любая мыслимая цена либо не устраивает производителя, так как не позволяет покрыть издержки производства, либо не устраивает потребителя, как несоразмерная с его доходами.*

Нынешняя ситуация сходна со временем нэпа. Например, в Тюмени на складах скопилось огромное количество мясopодуkтов с очень высокими ценами. Это при том, что объем производства уже был уменьшен в два раза. Попытались снизить цены на 15%. Могут снизить еще на 15%, но это тоже не даст результата. Больше уже снижать невозможно, иначе производство станет убыточным. Другой не менее яркий пример. Потребление молока за год снизилось в Туле с 500 до 180 грамм на человека. Причина в том, что «потребитель не может покупать, а производитель — производить». Проблема в том, что, с одной стороны, нынешние цены на молоко — 6-9 руб., сметану — 40 руб., масло — 220 руб. — «неприемлемы для рабочих». Но, с другой стороны, закупочные цены 6,5 руб., а также еще дотация 2,3 руб. за литр молока убыточны. Общий рост цен на энергоносители, технику, стройматериалы, комбикорма сводят на нет и повышение закупочных цен, и дотацию. Все это приводит к снижению производства на молокозаводах. Цены, очевидно, по крайней мере в этом регионе, достигли критической величины, когда «спрос на молоко падает с каждым витком цен». Это приводит к снижению качества продукции, к стремлению молокозавода работать на склады, которые забиваются маслом и сухим молоком, к снижению потребления сметаны и сливок в 6 раз, мясopодуkтов — на 11%, сахара — на 14%, фруктов — на 25%. Стали больше есть лишь

²⁷ См.: Крюкова С. Опыт становления рынка в период нэпа// Вопросы экономики. 1991. № 2. С. 145-146.

хлеба и картошки. В результате — не только простаивание мощностей перерабатывающей промышленности, но и «катастрофическое сокращение поголовья скота и птицы в колхозах и совхозах»²⁸. Возникает и нехватка продукции, и ее затоваривание. Например, из выработанных в январе — мае 1992 года товаров народного потребления на 1 241 млрд. руб. товары на 215 млрд. остались в запасах розничной сети из-за неприемлемых для покупателей цен, что составляло 18,5%²⁹. Практически это означает, что общество не в состоянии установить взаимоприемлемые цены, т. е. установить хозяйственные связи, отношения производителя и потребителя на экономической основе, потому что в условиях господства монополии на дефицит отсутствует механизм перелива капитала в более прибыльные сферы. *Экономически нерентабельные предприятия не могут быть ликвидированы не только по социальным причинам, но и потому, что в условиях монополии на дефицит они по-прежнему могут выпускать жизненно важную для общества дефицитную продукцию.*

Обнажаются все несообразности в сфере издержек производства, которые раньше прикрывались различными типами принудительной государственной перекачки ресурсов. Способ проведения реформы грозит не только социальными потрясениями, затрагивающими каждую клеточку общества, но и полной неспособностью упорядочить этот хозяйственный хаос при расчете на стихийные силы. Налицо катастрофическая реальная нерентабельность производства. «Добавленная стоимость (чистая продукция) в большинстве отраслей советской промышленности и сельского хозяйства является отрицательной»³⁰. В этой ситуации трудно себе представить систему устойчивых сбалансированных цен, зато вероятно постоянная гонка цен и доходов, где любое изменение дезорганизует отношение между разными отраслями и группами населения. На пути рыночных отношений стоит также невероятно низкий удельный вес потребления в национальном доходе, что делает потребителя с его доходом величиной весьма незначительной, даже в некотором смысле аномальной в системе хозяйственных отношений.

Анализ показывает, что вместо возникновения в результате «либерализации цен» всеобщей связи *на первый план выходят естественные природные различия в непосредственной фор-*

²⁸ Пушкарь А. Пить молоко стало слишком дорого, производить — невыгодно // Известия. 1992. 17 июня. С. 2.

²⁹ Рытое Ю. «Экватор» года позади. Однако до «экватора» реформ еще очень далеко // Российские вести. 1992. 4 июля.

³⁰ Реформа без шока: Выбор социально приемлемых решений. С. 55.

ме, обнажаются дорыночные формы хозяйства, которые можно с определенной долей условности рассматривать как «естественные». Тем самым *создается новый импульс для локализма, распада*. «Либерализация цен» ставит в неоправданно выгодное положение регионы, обладающие запасами дефицитных природных ресурсов. В результате «экономика России неизбежно окажется разорванной на части». Возрастает значимость такого критерия, как время отдачи вложений. В связи с этим в худшее положение попадают «строительство, энергетика, металлургический комплекс, транспорт, фундаментальная наука, а также отрасли, где влияние удорожания сырья на затраты производства особенно велико»³¹. Теряется интерес к техническому прогрессу. Иначе говоря, реформа, как она выступала до сих пор, не только не переструктурирует хозяйство на рыночной основе, но подчиняет хозяйственные отношения структуре сложившегося дефицита, который определяется и чисто естественным фактором, и стремлением реализовать монополию наиболее простым и быстрым образом. Это ведет к упрощению, к попыткам использовать конъюнктуру без учета перспектив. Следовательно, изменения идут не в направлении экономически оправданных структурных сдвигов, но в противоположную сторону.

ЭЛИТАРНЫЙ РЫНОК

Повышение цен долгое время поразительным образом не влияло на спрос, что не находит своего объяснения в концепции подавленного рынка. «Все проводившиеся реформы оптовых цен в нашей стране мало влияли на экономические процессы и не оправдали ожидания их создателей, ибо они устанавливали некоторое подобие равновесия спроса и предложения весьма приблизительно и на короткий срок»³². Поэтому можно не удивляться тому, что после отпуска цен ни на один товар не установилась цена спроса-предложения³³. Академик С. Шаталин как-то не то в шутку, не то всерьез сказал, что цены будут зависеть от спроса, лишь если их увеличить в 1 000 раз, подчеркнув тем самым удивительную независимость спроса от цен. С позиций концепции монополии на дефицит это явление находит свое адекватное объяснение, поскольку

³¹ См.: Шпрыгин В. «Прыжок» в рынок// Российские вести. 1992. 11 мая.

³² Логинов В. Особенности перехода к рынку в СССР// Вопросы экономики. 1991. № 5. С. 14.

³³ См.: Демченко И. Наша промышленность благополучно движется к натуральному обмену// Известия. 1992. 6 янв.

изменение цены — второстепенный фактор хозяйственной жизни.

«Либерализация цен» приводит к их фантастическому взлету и тогда, когда спрос начинает уменьшаться. С определенного уровня подъема цен потребитель уже не может взять барьер и оттесняется из сферы потребления. Зажатые элементы рынка, которые всегда существуют даже в условиях господства монополии на дефицит, циклически могут то расширяться, то резко сужаться, оказываясь под угрозой полной ликвидации. «Либерализация цен» в такой ситуации может оказать на эти элементы рынка противоречивое воздействие. Она действительно активизирует рынок. Но этот рынок имеет свои особенности. Он душил потребителя, разрушая сложившийся порядок, обеспечивавший раньше каждому свою пайку. *Развитие рынка, когда огромная масса потребителей оказывается за бортом потребления или вынуждена кардинально его сократить, приобретает форму элитарного рынка, где акты купли на многие жизненно важные товары может совершать лишь существенно ограниченная часть потребителей.* А. Нечаев по этому поводу очень дипломатично выразился, сказав, что либерализация цен привела к улучшению положения на потребительском рынке, но «это связано с искусственным отсечением части потребителей»³⁴. Но ведь эта «часть потребителей» составляет миллионы людей.

Цены, которые складываются на элитарном рынке в коммерческой торговле, «нельзя считать ценами свободного рынка. Они приемлемы для очень узкого круга потребителей, а по некоторым категориям только для одного процента покупателей, среди которых и иностранцы», — пишет глава представительства Комиссии европейских сообществ в Москве Майкл Эмерсон³⁵. Резкая дифференциация доходов, связанная, в частности, с тем, что некоторые группы работников в результате забастовок выбивают себе по современным масштабам чудовищно большую зарплату, означает, что в ответ на это немедленно формируется элитарный рынок, который и близко не допускает к себе остальных потребителей. Например, резкое увеличение заработной платы горняков Донбасса до 10-12 и даже 30 тыс. руб. в месяц при средней зарплате в Донбассе менее 1,7 тыс. руб. вызвало резкое подорожание товаров и оттеснило от потребления тех, кто не входит в эту элитарную

³⁴ См.: Нарзикулов Р. Можно сменить правительство, но нельзя сменить проблемы: Министр экономики России Андрей Нечаев полон оптимизма// Независимая газета. 1992. 9 апр. С. 4.

³⁵ См.: Сычев А. Нынешний обменный курс рубля// Известия. 1992. 25 апр. С. 5.

группу³⁶. В условиях господства монополии на дефицит при слабом государстве определенные социальные группы получают возможность бесконтрольно увеличивать свой групповой и личный доход, стимулируя тем самым элитарный рынок. Например, средняя зарплата в Башкирии составляет 2 200 руб. в месяц, тогда как директора концернов, комбинатов и т. п. устанавливают сами себе оклады более чем в 120 тыс. руб.³⁷

Элитарный рынок возникает и в аграрных обществах как некоторая «точка роста», которая затем может стимулировать распространение рынка на все общество. Необычно другое. Все, кто раньше не удостоивался чести пользоваться элитарным рынком, не очень страдали от этого, так как жили своим натуральным хозяйством. Так, собственно, было и в России. Положение изменилось тогда, когда миллионы людей оказались оторванными от натурального хозяйства и стали зависеть от государственной пайки, которая теперь должна доставляться им не через государственное распределение, а посредством рыночного механизма. Для этого необходимо массовое производство, зависящее от рынка. Но это, в свою очередь, возможно лишь в результате медленной перестройки производства через его втягивание в рынок при одновременном сбалировании этого процесса, при его обеспечении отрывом широких масс людей от натурального хозяйства. В расколотом обществе мы сначала произвели этот отрыв от естественной базы потребления, а теперь, вися в воздухе, пытаемся восстановить то ли хозяйства первобытных земледельцев, то ли самые передовые в мире очаги производства.

Выявилась явная закономерность нашего элитарного рынка: цены на нем двигаются за элитарной группой, за группой, которая повысила свой доход, оттесняя всех иных, что влечет за собой, несомненно, важные социальные последствия. Экономическая теория для российского хозяйства, если бы кто-нибудь пытался ее создать, без сомнения, должна была бы обратить внимание на то, что потенциальный и вроде бы безграничный рост цен в условиях господства монополии на дефицит при отсутствии государственного, общественного механизма их контроля все-таки имеет верхнюю границу. Эта теория должна учитывать такой мощный для страны фактор, как постоянное стремление власти, различных организаций поддерживать прежде всего массовыми выплатами ту часть населения, которая вытесняется с рынка. Фактически речь идет о конфликте двух противоположных дезорганизующих друг друга процес-

³⁶ Лисовский, Н. Противников рынка в Донбассе стало больше// Известия. 1992. 4 апр.

³⁷ Растет жизненный уровень директоров// Там же. 6 июня.

сов: монополизации дефицита и приспособления к нему элитарного рынка, с одной стороны, и борьбы общества за расширение участия в потреблении дефицита, за расширение участия в элитарном рынке, поскольку таковой существует, с другой стороны. Эта форма раскола придает обществу неустойчивый характер, повышает возможность резких разрушительных инверсионных поворотов.

АНТИРЫНОЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Важнейшее различие между двумя концепциями и, следовательно, между возможными программами реформ приводит к принципиальным различиям в направленности поисков путей наращивания ресурсов. Рыночная концепция исходит из того, что развитие конкуренции приводит к росту ресурсов за счет повышения предпринимательской активности, за счет необходимости победы в конкурентной борьбе. Процесс этот может быть медленным, т. е. сама скорость должна быть оценена и учтена реформаторами. Сама по себе система монополии на дефицит не содержит в себе потенциальных возможностей существенного повышения эффективности производства, роста общественного богатства путем интенсификации. Более того, переход монополии на дефицит сверху вниз приводит к снижению производства, к уменьшению богатства. Это объясняется двумя разнородными причинами. Во-первых, усиление монополии на дефицит возможно при уменьшении количества и разнообразия дефицита, находящегося в руках того или иного сообщества. Во-вторых, переход господствующих форм монополии на дефицит сверху вниз позволяет уменьшить производство, так как фактически частично или полностью освобождает сообщества от необходимости воспроизводить общество в целом, государство. Реформаторы, которые ощущали эту особенность исторически сложившегося порядка, пытались разрешить проблемы за счет притока ресурсов извне или за счет беспощадного выжимания ресурсов из того или иного внутреннего источника. Это могло делаться за счет чрезмерного экспорта, что позволяло, например, увеличить ввоз техники, как это имело место, например, с начала застойного этапа или еще до 1917 года, когда две трети технологического оборудования ввозилось из-за рубежа. Разумеется, при недостаточном внутреннем творческом потенциале эти методы также не дают эффекта. Подобные попытки сделать ставку на завоз оборудования периодически имели место, в том числе и в начале перестройки.

Противостояние двух описанных выше подходов может, конечно, рассматриваться на чисто экономической основе (например, в процессе анализа самой экономической возможности существования рынка при несколько странной ситуации с производством чистого продукта и не менее странной для рынка патологической структуре национального дохода). Однако главный спор лежит в сфере мотивов массового поведения. Коренное различие между двумя подходами заключается именно в понимании мотивов, лежащих в основе реального поведения людей. Общеизвестно, что ученый-экономист «просто воспроизводит рациональные представления предпринимателей, участвующих в бизнесе с целью максимизации своих прибылей, и описывает реакции потребителей...»³⁸. Эта предпосылка не доказывается в теории, а является ее исходным пунктом. Подобный подход естествен для стран либеральной цивилизации, но представляется совершенно необоснованным для страны, где из каждой клеточки растет стремление к монополизму. Кроме того, вряд ли обоснованно сводить жизненно важные реформы к экономическому аспекту.

Неадекватность теоретических предпосылок принятого в стране типа реформы реальному функционированию общества грозит серьезными последствиями. Попытки убедить общество, что этот вариант реформы не имеет альтернативы, нельзя принимать всерьез. Это — дань инверсионной логике. Проблема лишь в том, какая из мыслимых альтернатив имеет шансы на успех. Явная нефункциональность попыток перевода сразу всего архаичного хозяйства на рельсы рыночных отношений неизбежно становится фактором в борьбе различных держателей монополий.

В борьбу за свой проект реформы уже вполне очевидно вступают различные группы монополий, в первую очередь наиболее мощные из них. Это промышленные монополии, в которых заняты громадные массы людей, стремящихся к стабильности. Эти люди в ситуации катастрофического ослабления государства как источника дотаций, как гаранта и покупателя значительной части продукции не уверены в способности сохранить промышленное производство, гигантскую индустрию, все достигнутое в процессе индустриализации. Они страшатся того, что в результате краха хозяйственного порядка значительная часть производимой ими продукции потеряет свой дефицитный характер. В этих кругах возник проект реформы, защищающий систему монополии на дефицит. Его цель — прежде всего сохранить сильные позиции государства

³⁸ Леонтьев В. Экономические эссе. М., 1990. С. 101.

в экономике, государственную собственность на крупные предприятия и государственные дотации им. По этому проекту предполагается остановить рост цен на горючее и смазочные материалы (т. е. в тех сферах производства, которые в результате искусственно заниженных цен осуществляют скрытую дотацию промышленного производства) и провести приватизацию, в результате которой государству будет принадлежать 100% акций. Продажа акций может быть произведена лишь тогда, когда предприятие станет рентабельным³⁹, чего нет оснований ожидать.

Печать справедливо отметила, что такие прожекты весьма сходны «с моделями восточно-азиатских стран», проникнуты ностальгией по более авторитарному и закрытому режиму в экономическом, а следовательно, и политическом плане⁴⁰. Другой отклик в газете: «Экономика „отрицательной производительности“, поглощающая больше, чем производит, не захотела мириться с рынком. Смею заметить, что этот „накопленный потенциал“ вообще не производство — это откровенно паразитическое потребление невозполнимых материальных и человеческих ресурсов»⁴¹.

Эта программа практически не в состоянии решить хозяйственные проблемы, прежде всего ослабить удушающее влияние на общество беспредела в росте издержек производства; она обострит борьбу с аграрными монополиями за перераспределение ресурсов как раз в то время, когда они начали новый раунд борьбы за перекачку инвестиций в свою пользу. Налицо очередной акт хромящих решений реформаторов, когда задача финансовой стабилизации, сбалансированности бюджета как предпосылки рынка уплывает вдаль.

Все проекты промышленных монополистов могут оказаться в какой-то момент отодвинуты под давлением лобби аграрных монополий, которые меньше представлены в политической жизни, но обладают главным дефицитом. Их постоянные требования о повышении закупочных цен суть не что иное, как инверсионная попытка локальных сельских миров, освободившихся от политического давления, взять реванш за систему насильственного перераспределения ресурсов в пользу государства.

То, что получается вместо рынка, есть лишь открытый полигон, ристалище для смертельной схватки монополий разного

³⁹ Лукьянченко П. Пора делить деньги. «Я — за команду»// Аргументы и факты. 1992. № 21. С. 5.

⁴⁰ Вишневский Н. Обновляемся?// Российский вестник. 1992. 9 июня.

⁴¹ Леонтьев М. Стабилизация производства на трупе финансовой системы: Альтернативная программа «Гражданского союза»// Известия. 1992. 23 июля.

типа в условиях превышения потребностей в ресурсах над способностью их воспроизводить.

* * *

Спор между двумя подходами, вообще говоря, сам по себе при его анализе не только показывает тупиковость определенных путей выхода из кризисной ситуации, но и позволяет нащупать возможные направления реформ. Если инверсионный поворот к рынку столь же бесперспективен, сколь и попытка существенно увеличить ресурсы общества, опираясь на систему монополии на дефицит, то, следовательно, выход следует искать не на путях инверсионной конфронтации между ними, но на путях перехода. Его следует искать в переходе, возможно, длительном, от патологической системы монополии на дефицит к возрастанию низовой экономической инициативы, на путях поиска переходных форм от монополии на дефицит к рынку.

При этом, однако, должен быть ряд факторов, существование которых очевидно, но узость эмпирической базы не позволяет качественно взвесить их значимость. Это прежде всего логически очевидное столкновение стремлений монополий на дефицит усиливать свою монополию через повышение цен с неизбежной ограниченностью платежеспособного спроса. Этот конфликт углубляется традицией безразличия к издержкам. Если общество не впадет катастрофическим образом в полную архаизацию с принудительным распределением натуральных ресурсов, то возможно, что эта проблема будет выходить на передний план. Во-вторых, возможно вращение части хозяйства в мировой рынок. Хотя это может происходить при неблагоприятных условиях и ограниченными видами производств, сырьем и, возможно, оружием, тем не менее это может позволить нейтрализовать некоторые катастрофические хозяйственные диспропорции, прежде всего нехватку продовольствия, ширпотреба. Это позволит выиграть время и изменить структуру монополий. И в-третьих (возможно, это главный фактор), неясен хозяйственный и политический потенциал предпринимательства в стране, его способность переломить ситуацию.

ГЛАВА II

КАКОЕ БУДУЩЕЕ МЫ СОЗДАЕМ?

МУКИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Любой прогноз неизбежно умирает, настигаемый и поглощаемый историческим процессом. Поэтому существует постоянная гонка между прогнозом и историей. История постоянно захлестывает прогнозы, то воплощая их в действительность, то критикуя, то отбрасывая как вздор, как плод случайного мнения, как игру воображения. Человек постоянно зондирует свое будущее, опираясь на накопленное богатство культуры, на свои способности критически преодолевать свою ограниченность. Одновременно *история, поглощая этот прогноз, сама выступает как критика прогноза*, создавая тем самым предпосылки для повышения уровня, эффективности прогнозирования, для создания некоторого всера альтернатив, которые отличаются разной вероятностью своего воплощения, разными последствиями. Поэтому прогноз постоянно исчезает и вновь возникает на новой осяове.

Предлагаемый ниже прогноз — это определенный этап работы над книгой, один из следующих друг за другом вариантов. Работу над первым вариантом прогноза я закончил в 1979 — январе 1980 года. Работа над вторым вариантом была прекращена летом 1982 года. К сожалению, в моем распоряжении нет этого незаконченного неопубликованного текста. Оба они составлялись еще в рамках шестого этапа прошлого периода. В 1991 году был составлен третий прогноз, который стал первым из опубликованных — в первом издании этой книги. Следовательно, есть возможность при последующей работе сопоставлять ранее составленные прогнозы с дальнейшим ходом исторического процесса, оценивать эффективность предлагаемой методологии и совершенствовать ее для последующих вариантов. Ниже воспроизводятся фрагменты прогноза 1979 года.

Прогноз социокультурной динамики России должен опираться на все богатство знаний о глобальных периодах, о зако-

номерностях развертывания модифицированных инверсионных циклов. Этот пласт знаний — предпосылка для формирования «уверенности в том, что второй глобальный период и впредь будет развиваться на основе четко выявившейся исторической инерции. На этой основе можно предположить, что кризис современной шестой версии псевдосинкретизма потребует реформ, как это имело место в результате банкротства умеренного позднего авторитаризма прошлого глобального периода. Вступление на путь реформ означает поворот к новой — седьмой версии псевдосинкретизма.

Далее, опыт истории прошлого глобального периода подсказывает, что реформы могут развязать инициативу низов, вдохнуть жизнь в коченеющее тело медиатора, но, вместе с тем высвободить силы, ориентированные на локальные ценности, угрожающие существованию государственности.

Отсюда опасность краха седьмой версии псевдосинкретизма, что, если судить по прошлому, может означать конец второго глобального периода, а возможно, и крах государственности, четвертую в истории России национальную катастрофу. Подобный прогноз подводит к выводу, что общество и государство, возникшее на основе попытки разрешить противоречия промежуточной цивилизации, возможно, потеряют крах. Противоестественный союз синкретизма и организационных, технических, культурных элементов либеральной цивилизации не сможет преодолеть внутренних противоречий, решить медиационную задачу во все более трудных условиях, предотвратить смыкание порогов. Пружина русской истории, сжатая национальной катастрофой 1917 года, полностью освободится, исчерпав заложенную в ней программу исторического процесса. Если это произойдет, то это оставит страну перед альтернативой — либо снова сжать пружину в единую плоскость и вновь начать дважды пройденный путь сначала, либо искать новые пути...»¹

Основная мысль этого прогноза, составленного в 1979 году, полностью оправдалась. Шестой этап, т. е. поздний авторитаризм, сменился седьмым, получившим название «перестройка», где господствующим идеалом стал соборно-либеральный. Вместе с ним окончился второй глобальный период, произошло катастрофическое разрушение государственности, развал всей нравственной, политической, хозяйственной системы. С карты мира исчез СССР. Прогноз 1979 года исходил из факта мощ-

¹ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 2. С. 300-301.

ного движения к торжеству вечевого (соборного) идеала, к локализму как инверсионной реакции на господство умеренного авторитаризма, как завершающему акту инверсионной реакции на крах крайнего авторитаризма (тоталитаризма). В издании 1991 года приведены обширные выдержки из этого прогноза, в котором излагаются его основания, сложившиеся на шестом этапе². Прогноз 1979 года исходил из того, что на протяжении второго (советского) периода ценой гигантских жертв обществу удавалось избегать катастрофы при переходе к каждому новому этапу. В конце второго периода решение этой проблемы стало сложнее на порядок, так как речь шла о конце не только этапа, но и периода модифицированного инверсионного цикла. Здесь прогнозировалась возможность очередной катастрофы, а также неизбежность начала реформы.

Таков первый пласт прогноза 1979 года. Он предполагал повторение модифицированных инверсионных циклов, уже имевших место в истории. В нем пока еще не взвешены большие альтернативы, выводящие общество за рамки исторической инерции, за рамки апробированного опыта, за рамки модифицированного инверсионного цикла.

В принципе прогнозы могут быть рассчитаны на различные сроки.

Это, во-первых, прогноз в рамках этапа, который рассматривается как *краткосрочный*; во-вторых, *среднесрочный прогноз*, который охватывает полупериод или период; и, наконец, в-третьих, *долгосрочный прогноз* может выходить за рамки глобального периода. Эта классификация прогнозов основана на определенном представлении о сложившейся инерции исторического процесса России, на его внутренней расчлененности, на определенной уверенности в том, что эта историческая инерция обладает достаточным потенциалом для того, чтобы вновь и вновь себя воспроизводить. Однако суть прогноза, тем не менее, именно в том, чтобы непрерывно нащупывать возможность, вероятность альтернатив. Речь идет о повторении старых альтернатив, качественных поворотов, которые уже имели место как на уровне этапов, так и периодов. Однако главное в прогнозе — это попытка нащупать большие альтернативы, выходящие за рамки исторической инерции, это прогноз возможностей общества сдвинуть гигантский маховик исторической инерции, сместить циклы исторического процесса, отодвинуть их на задний план, выдвинуть на первый план некоторый конструктивный творческий процесс созидания. Тем самым прогноз перерастает в анализ возможности изменений,

² Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 301-303.

в проект реформ, которые опирались бы на реальную возможность, содержащуюся в массовом воспроизводственном процессе, а не на очередную утопию, которая вновь насильно проталкивает нас по ухабам истории. Именно обоснованная альтернатива в наших условиях — главная задача прогноза.

Прогноз дает предполагаемым реформам ответы на вопрос о вероятности различных вариантов социальных процессов и о возможности внести изменения в реальный социокультурный процесс, повышающие вероятность благоприятных вариантов и снижающие вероятность неблагоприятных вариантов развития. В 1979 году можно было сделать вывод, что содержание альтернатив российского общества «определяется прежде всего самим промежуточным характером цивилизации. Она предполагает возможность по крайней мере трех вариантов прогноза.

Первый основан на предположении, что весь дальнейший обозримый исторический процесс пройдет при господстве модифицированных циклов, что окончание второго глобального периода откроет путь третьему модифицированному глобальному периоду в рамках промежуточной цивилизации. Этот вариант прогноза ставит вопрос о взаимном приспособлении уровня социального разнообразия, например, его насильственного сокращения, и социальных интеграторов, например, возможного их совершенствования по сравнению со вторым глобальным периодом.

Второй вариант предполагает возможность выхода за рамки промежуточной цивилизации, переход к либеральной, преодоление исторической инерции, циклического характера изменений. Этот вариант требует творческого создания социальных интеграторов иного типа, которые не только не боятся разнообразия, но наоборот — основаны на нем, на его росте.

Принципиально возможен и третий вариант — возвращение из промежуточного состояния к древней цивилизации, ликвидация прогресса и максимальное подавление роста, абсолютное господство циклов, периодически избавляющих общество от разнообразия. Этот вариант возможен лишь в том случае, если разнообразие в обществе будет доведено до уровня, характерного для глубокой древности.

Разумеется, каждый вариант может предполагать бесконечное множество подвариантов»³.

События показали, что хотя окончательный выбор между этими тремя вариантами не является одноразовым актом, тем

³ Ахиезер Л. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 304-305.

не менее уже можно сказать, что по своим ценностям общество устремилось по либеральному пути, по пути второго варианта. Тем не менее сохранение раскола — значимый фактор. Он свидетельствует в пользу того, что общество еще не вырвалось из «застрявшего» состояния, осталось в рамках первого варианта.

В прогнозе 1979 года говорилось: *«Советская система возникла как реакция инверсионного типа на старую систему и, следовательно, не могла не быть в каком-то смысле ее прямой противоположностью. Эту противоположность можно видеть прежде всего в существенном различии нравственных оснований, в противоположности дуальной оппозиции: национальное (выступающее в форме православия) — всемирность (выступающая в форме народной Правды как всеобщей и одновременно как воплощение науки). В первом глобальном периоде господствующей оказалась национальная идея, важнейшей формой выражения которой был тезис: „Москва — третий Рим“. В качестве его противников рассматривались нехристи, басурмане, паписты и т. д.»*⁴

Социальная катастрофа, крах государственности сопровождалась отступлением национальной идеи, инверсионным выходом на первый план противоположной идеи, т. е. всемирного братства бедняков («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). В качестве ее противников рассматривались богачи, эксплуататоры, империалисты, т. е. те, кто во имя корыстных целей разрушает всеобщее братство. Православие было оттеснено с господствующих позиций идеалом интернационализма, идеей единого советского народа.

Господство культуры манихейского типа в массовом сознании обоих глобальных периодов периодически порождало крайне острые формы борьбы между господствующим идеалом и идеалом, оттесненным на второй план. Борьба могла приобрести характер массового истребления разоблаченных оборотней зла. Противоположные идеи постоянно переходили друг в друга. Национальная идея превращалась в классовую (например, стремление к национальному возрождению в борьбе с правящим классом, который рассматривался как предающий свой народ); классовая — в национальную (рассмотрение определенных народов как буржуазных, как проводников идей классовых врагов). Тем самым идеологически готовилась очередная инверсия.

В прогнозе 1979 года предполагалось, что идеология, которая может возникнуть в третьем глобальном периоде и претен-

⁴ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 323.

довать на господство, «по-видимому, вновь будет носить гибридный характер, так как раскол, существование враждебных систем ценностей при слабом развитии культуры диалога не оставляет другой возможности. Видимо, вновь идеология будет носить характер некоего „псевдо“, т. е. фиксировать его некоторую претензию на то, чтобы быть тем, чем она является лишь отчасти. Это может быть и псевдопочвенная идеология в связи с ростом русского национального самосознания и одновременной невозможностью государства в России без определенного отхода от почвы, без ее критики во имя государственности. Это может быть в случае сохранения преемственности власти и псевдосинкретическая идеология с претензией на то, что именно теперь воплощена некая Правда Октябрьской революции»⁵.

В обществе, возникшем на основе либерализма, государство не смогло взять на себя выдвижение и официальную защиту некоторой государственной идеологии, рассмотрение ее как единственно возможной. Но нельзя, однако, исключить такого варианта в будущем. В прогнозе 1979 года проблема идеологического синтеза освещалась следующим образом: «Как идеологическая окраска нового синтеза, так и само его содержание во многом зависит от характера перехода от второго глобального периода к последующему. Если не сохранится преемственность власти, если разразится национальная катастрофа с вышедшим на улицу массовым озлоблением, с разрушительным накалом стихии анархии, если наши пока еще находящиеся в тени хомейни всплывут вверх на волне возбужденного синкретизма, то можно ожидать возникновения новой гибридной идеологии, внешне, но не по существу прямо противоположной существующей...»⁶, т. е. господствующей идеологии второго периода. В этом отрывке предполагалось, что новая идеология должна быть инверсионной противоположностью идеологии второго периода. Можно констатировать высокую вероятность инверсионного поворота от интернациональной официальной идеологии к национальной, определенного инверсионного рывка к исходной точке, т. е. к идеологии, близкой к идеологии первого глобального периода. Речь, разумеется, идет не о буквальном повторении, но лишь о тенденции. Она давно готовится в многочисленных изданиях, пытающихся свести счеты с периодом господства интернационализма. Для этого направления, однако, характерен не только национализм вплоть до его крайних форм, но прежде всего стремление создать идеологию на основе возврата к

⁵ Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 324.

⁶ Там же. С. 325.

архаичным ценностям. Производя рецепцию древнейших племенных языческих форм культуры, идеологи этого типа заняты не только естественной для каждого народа работой над осмыслением развития ценностей собственной культуры, но и попыткой положить их в основу жизни современного общества. На основе возврата к архаичным этапам развития культуры формируется идеология, которая при всех индивидуальных различиях пытается подчас вернуть общество из промежуточной цивилизации на путь традиционализма.

Это идеологическое направление защищает свою позицию ссылкой на необходимость развивать национальную культуру, национальную самобытность. При этом игнорируется, что эта бесспорная необходимость, этот важный аспект роста национального самосознания может развиваться бесконечным количеством путей. Из них подчас выбирается один — тот, который противостоит плюрализму, диалогу, специфике современного мира и независимо от субъективных намерений идеологов толкает к насильственному подавлению плюрализма и диалога.

Тем не менее в прогнозе 1979 года в условиях дефицита информации трудно было учесть значительное снижение массового эмоционального накала, ярости к врагам, ведущей к взаимоистреблению.

ПРОГНОЗ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

В основе прогнозирования дальнейшей динамики России должен лежать прогноз развертывания модифицированного инверсионного цикла, возможность качественных сдвигов в этом цикле, его дальнейшей модификации. Еще более конкретный подход требует анализа возможности сдвигов России как страны промежуточной, «застывшей» между двумя основными цивилизациями, прогноза возможности изменения этого состояния, смещения в ту или иную сторону. Для решения этой сложной проблемы необходим анализ факторов, которые по своим масштабам и значимости могли бы расцениваться как реально и потенциально способные изменить положение страны между двумя цивилизациями. Эти факторы могут быть по своей природе разнородными. Они могут быть рассмотрены с нравственной точки зрения, т. е. как изменения социокультурной значимости в обществе массовых идеалов, несущих в себе определенную программу единства воспроизводства общества. Эти силы могут быть рассмотрены как политические, способные доминировать в правящей элите и стать основой для

объединения общества на основе ее программы. И, наконец, эти силы могут быть рассмотрены с точки зрения реально сложившихся или складывающихся социальных и хозяйственных структур, представляющих собой некоторую опору для позитивных изменений. Возможны и иные факторы.

Самым динамичным нравственным идеалом, который должен быть учтен в процессе прогнозирования, является утилитаризм. Его значение видно хотя бы из того факта, что советская система могла возникнуть лишь на основе имевшего место значительного роста утилитаризма. Он проявляется как процесс разложения традиционного сообщества, его расщепления в процессе деятельности противостоящих друг другу людей, преследующих свои индивидуальные утилитарные цели, и одновременно как попытка самих сообществ подчиняться утилитарным целям. Очевидно, что эти две тенденции противостоят одна другой и могут даже принять характер разрушительного раскола.

Органический путь от традиционной к либеральной цивилизации лежит именно через развитой утилитаризм. Утилитаризм имеет длинную и сложную историю. Вначале он был замкнут на узко понятую пользу, на ее наращивание, на ожидание благ от внешних сил: идола, барина, власти. Затем он перерос в развитую форму, где блага расцениваются как результат собственного творчества, инициативы и личных усилий. Этот рост развитой формы сам проходит ряд этапов: от стремления увеличить поток благ, развивая инициативу в древних сообществах, до создания сообществ, подчиненных задаче получения возрастающей массы натуральных благ и денег. Такой процесс выражается прежде всего в увеличении численности людей, отказывающихся от принятия решений лишь на основе обычая, от веры во внешние силы и склонных искать новые организационные формы деятельности; тех, кто в большом обществе гибко и оперативно восполняет беспомощность государства в разных сферах. Для них проясняется связь оплаты с количеством и качеством затраченного труда, характерен постоянный поиск новых точек приложения усилий, они выступают как активная динамичная сила.

Ориентация реформаторов на умеренный утилитаризм неизбежна и необходима. Однако этот путь имеет тот недостаток, что он органически неспособен быть основой превращения рынка в господствующий фактор, в устойчивую форму хозяйственной жизни, он не может преодолеть господство монополии на дефицит. Хотя умеренный утилитаризм стимулирует приобретательство, но он не готов еще к преодолению статичных потребностей традиционализма. Напротив, ориентация на

развитой утилитаризм может стимулировать прогресс рыночных отношений, но одновременно она может способствовать развитию изощренных форм коррупции. Не следует забывать также, что развитой утилитаризм имеет сегодня слабую массовую базу, и ориентация на него некоторого меньшинства, даже если это меньшинство — высшая власть, может создать кризисную ситуацию в обществе в целом, конфликт с массовым ограниченным утилитаризмом. В принципе бесконфликтный рост развитого утилитаризма является главным фактором, определяющим возможность качественно новых альтернатив, преодоления исторической инерции. Он — стимул организационных сдвигов.

Прогнозирование развития утилитаризма — сложная задача. Неясно, какова определяющая закономерность его роста. Можно выдвинуть гипотезу, что утилитаризм растет по некоторой кривой, и до определенного предела его рост имеет слабый кумулятивный характер. Можно предположить, что в определенной социокультурной среде достижение им некоторого порога роста стимулирует нарастание массового и крайне опасного для общества дискомфорта, и это может в конечном итоге сильно понизить уже достигнутый уровень частной инициативы, как произошло после октября 1917 года. Можно сформулировать общее предположение, что развитие утилитаризма зависит от его уже достигнутого ранее уровня и масштаба страны. Самые поверхностные наблюдения показывают рост утилитаризма в среде молодежи, стремление ее к торговле, обогащению и т. п. Тем не менее это не исключает возможности попятного движения. Можно, однако, надеяться на медленный прогресс, если он не будет прерван массовым насилием борцов за уравнительность, традиционализм, умеренный утилитаризм.

Тем не менее прогноз не может не учитывать мощного массового антирыночного поведения, которое выявляется эмпирическими методами. Даже в условиях кризиса неплатежей происходят странные вещи. «Посмотрите, как ведет себя большинство руководителей предприятий,— говорил тогда министр экономики России А. Нечаев.— Вместо того, чтобы снижать цены, продавать активы, продавать запасы материалов (их особенно много у оборонных предприятий), они приходят ко мне и говорят: „Дайте заказы, дайте деньги"»⁷. Было бы странно, если бы они поступали иначе. В условиях господства монополии на дефицит смешно менять дефицитные материа-

⁷ См.: Нарзикулов Р. Можно сменить правительство, но нельзя сменить проблемы: Министр экономики России Андрей Нечаев полон оптимизма// Независимая газета. 1992. 9 апр. С. 4.

лы, открывающие доступ к каналам иных дефицитов, на деньги, которые сами по себе не открывают новых возможностей, и тем более снижать цены, что связано с необходимостью модернизации и роста производства. Очевидно, эти люди инстинктивно защищают исторически сложившуюся систему монополии на дефицит, отвечая мощным противодействием на всякую попытку ее ограничить и тем более разрушить. Это, в сущности, *обычный тип поведения людей, защищающих систему отношений, в которую они интегрированы.*

В этой связи любопытно наблюдать иных наших современных богачей, тех людей, которые по тем или иным причинам стали получать большие деньги. Некоторые из них страдают угрызениями совести, полагая, что их нужно расстрелять за нарушение разделяемых ими нравственных норм. Это тип людей, которые некогда на заре русского капитализма мучились нравственной ущербностью, предосудительностью своей предпринимательской деятельности, помогали революционерам и воспитали детей, которые привели Россию к катастрофе. К сюжетам о таких персонажах не раз обращался, например, М. Горький. Они — предшественники тех жертв сталинского террора, которые искренне считали себя предателями, так как не вели достаточно «праведный» образ жизни. Это прежде всего свидетельствует о слабой нравственной базе бизнеса, что разъедает его изнутри.

Информация о *враждебном отношении к частной инициативе* часто появляется в нашей прессе. Например, сообщается, что «Алапаевск сегодня один из многих малых городов, где начались погромы цыган, армян, азербайджанцев, привозящих в города продукты питания, овощи, фрукты. Подобные факты стали почти ежедневно мелькать в средствах массовой информации. Исподволь формируется образ нового врага — предпринимателя, торгового посредника». Автор статьи задает естественный вопрос: «Как развивать предпринимательство, если даже в таких его примитивных формах, как цыганский „бартер“, оно нетерпимо в народе?»⁸

Несоответствие действий реформаторов массовым ожиданиям усиливает антирыночные настроения. Исследование Донецкого облстатуправления показало, что доля людей, выступающих против «вольного ценообразования», возросла. Число приверженцев рыночной экономики сократилось, а число противников увеличилось на 15%. Исследования, проведенные в Сибири, показывают, что «село плохо понимает, что такое...

⁸ Пашков А. Выстрелы в Алапаевск// Известия. 1991. 29 июня.

⁹ Лисовенко Н. Противников рынка в Донбассе стало больше// Там же. 1992. 4 апр.

„рыночный механизм“, а потому и опасается его. Если в целом за рынок выступает 21%, то в деревне всего 10 %»¹⁰. Симптомы массового дорыночного поведения достаточно многочисленны.

Сегодня, когда рынок кажется якорем спасения, из десяти лучших директоров только трое при тестировании на элементарные знания о рынке ответили на слабую «тройку»¹¹. По некоторым данным, лишь 4-5%, максимум 10% населения страны обладают истинной предпринимательской жилкой¹². Дело, однако, не только в проценте предпринимателей. Известный минимум их имеется, и они никогда не составляют большинства населения. Суть в другом: главная проблема — в способности основной массы населения терпеть их и сотрудничать с ними, работать с ними, наниматься к ним и уж во всяком случае не бороться за их уничтожение. Речь идет не о равнодушии, а о сопротивлении рынку. Это является старой традицией страны по отношению к рынку, превышающему некоторый приемлемый для большинства уровень.

Социологические исследования, показывающие приверженность рынку, не заслуживают доверия по той же причине, по какой по результатам выборов нельзя судить о развитии демократии. Люди обычно голосуют не «за», а «против», т. е. преобладает не позитивный идеал, а негативное отношение к власти, к тем или иным кандидатам. При результатах социологических обследований следует учитывать, что экономика находится в кризисном состоянии, что «преобладающая часть населения при дихотомической постановке вопроса „план — рынок“ выбирает рынок»¹³. Обследования, проведенные в июле 1991 года, показали, что лишь 3,9% опрошенных стали или настойчиво стремятся стать предпринимателями, тогда как 46% не хотят этого, 20,3% хотят, но ничего не делают для этого, 21% вообще не смогли ответить на вопрос о своем отношении к предпринимательству¹⁴. Положение мало изменилось с тех пор, как Г. П. Федотов написал: «Народ, в общем, готов признать элементарный, мелкий капитал, еще не отошедший от трудовой основы, но понимание функций круп-

¹⁰ Коган В., Вавилина Н. У каждого третьего сибиряка настроение «в основном» плохое// Известия. 1992. 31 июля.

¹¹ Вольский А. И. Мы самые богатые, но... бедные// Аргументы и факты. 1991. № 42. С. 4.

¹² Чернов Е. Централизм: цель или окно в будущее// Диалог. 1991. № 12. С. 50.

¹³ Основные направления дальнейшего осуществления социально-политических и экономических реформ в России. М., 1992. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 13.

ного капитала ему еще недоступно»¹⁵. Сегодня исследования приводят к выводу, что «большинство населения поддерживает введение частной собственности на мелкие предприятия и выступает против приватизации крупных фабрик и заводов... Психологически население страны тяготеет к коллективным формам собственности — арендным, акционерным, совместным предприятиям — и значительно меньше поддерживает кооперативы, частные фирмы, в том числе и иностранные»¹⁶. Более того, существует сопротивление сдвигам в образе жизни, которые могли бы приближаться к рыночным. «Цены растут, материальные проблемы все труднее решать, но многие по-прежнему не меняют образ жизни»¹⁷. Изменяющиеся обстоятельства, видимо, мало влияют на эти настроения, хотя именно на такого рода сдвиги и возлагали надежды реформаторы.

Возможно, более интересными, чем опросы, оказываются культурологические выводы, основанные на исследовании массовых реакций на телевизионные передачи. Массовая реакция людей свидетельствует о том, что нет угрозы «внедрения через телевидение и другие средства массовой информации американского образа жизни», культивирующего идею, что «человек — кузнец своего счастья». «Если нас сегодня что-то и привлекает в Америке, то не образ жизни, а результаты его — богатство, комфорт, культ здоровья... Судя по триумфу „Богатых“, „Никто, кроме тебя“, нам как раз ближе латиноамериканский способ бытия — сидение у моря в ожидании погоды и золотой рыбки. Латиноамериканизация нашей культуры — вот действительно реальная угроза, перед лицом которой мы сегодня находимся...»¹⁸

Это отставание России в отношении к рынку находит свое объяснение в наследии исторически сформировавшейся формы традиционализма. «Беды и тупики российской истории уходят корнями... в недостаточную зрелость, сформированность добуржуазной цивилизации, национальных культурных традиций»¹⁹. С одной стороны, формы исторической жизни России не изжили себя полностью, они содержали возможность определенного развития, прогресса в рамках традиционной цивилизации. Но, с другой стороны, эти возможности оказывались

¹⁵ Федотов Г. П. И есть и будет. Париж, 1932.

¹⁶ Основные направления... С. 12.

¹⁷ Ботанели Н. Инфляция растет, но люди не меняют свой образ жизни// Известия. 1992. 12 мая.

¹⁸ Богомолов Ю. Почему бедные страдают, когда «богатые плачут»// Там же. 11 сент. С. 8.

¹⁹ Хорос В. Ответы, порождающие вопросы: Размышления вокруг книги А. С. Ахиезера о России// Вопросы философии. 1993. № 2.

недостаточными с точки зрения не только мирового опыта, но и исторически сложившихся потребностей самой России. Например, община не исчерпала в начале века возможностей своего развития, но нет основания думать, что реализация этих возможностей была бы достаточной для общества. Подобное несоответствие потребностей и возможностей их удовлетворения обуславливает чудовищные трудности, которые стоят перед реформаторами, перед любым реальным движением к либеральной цивилизации. Для успеха необходимо не только формирование основ либеральной цивилизации, но и решение еще нерешенных проблем традиционной цивилизации.

Очевидно, детальное отслеживание массового утилитаризма в разных группах, анализ его перерастания из умеренного в развитой могли бы дать значительную информацию для прогноза динамики страны. Это исследование должно включать прежде всего выявление слоя людей — носителей хозяйственной инициативы, способных «заводы заводить», создавать новые воспроизводственные структуры. Такие люди есть, хотя и в явно недостаточном числе. Однако сейчас они все еще находятся в неблагоприятной среде и предпочитают зарабатывать в сфере обращения, а не производства. Видимо, нужны большие отрезки времени спокойного развития для превращения этого слоя в хозяйственно определяющий. Кроме того, все они склонны в той или иной форме к монополизму, к использованию дефицита, иными словами, если мы и идем к рынку, то весьма кружным путем. Сегодня прогнозирование не может опереться на достаточно ясные знания о перспективных сдвигах на микроуровнях хозяйственной жизни.

Указанные соображения не дают основания прогнозировать в ближайшее время существенное массовое возрастание значимости развитого утилитаризма. Медленное развитие утилитаризма создает возможность для медленных, растянутых во времени реформ, направленных на стимулирование и реализацию экономической инициативы, ограниченного экономического прогресса. При решении этой задачи большое значение имеет преодоление обществом, государством ситуации, про которую бизнесмены, пытающиеся начать дело, могут сказать, что «все схвачено», т. е. монополизировано, самостоятельное дело создать нельзя.

ПОИСК ЗНАЧИМЫХ ФАКТОРОВ ПРОГНОЗА

Задачи прогнозирования предполагают постоянный поиск реально и потенциально значимых факторов, способных существенно воздействовать на промежуточное состояние стра-

ны, способных вывести ее из этого состояния. Такие факторы неизбежно должны принять характер массовых действий, движений, сдвигов в активности людей, способных радикально изменить ситуацию в обществе. Именно анализ этих сил, отслеживание их динамики и реальных возможностей должны быть в центре внимания при прогнозировании. Например, отслеживание рабочих забастовок говорит о сохраняющемся преобладании инверсии. Бастующие шахтеры «не допускали никаких компромиссных решений...» Подавляющее число участников забастовок «настроено на гораздо более быстрые, если даже не немедленные перемены»²⁰.

Все перемены можно рассматривать через оппозицию двух движений. *Первое* — абстрактный либерализм, который в явной или скрытой форме выдвигает задачу перехода страны к либеральной цивилизации, но одновременно в силу специфичности исторического опыта страны может выступать своеобразным прикрытием для самых различных течений и массовых стремлений. Сложность природы либерализма в России и, следовательно, прогнозирования его роли в стране заключается в том, что он имеет два источника развития. *Во-первых*, это мировая культура, культурное богатство мирового либерализма, которое постоянно стимулирует развитие либерализма в России. *Во-вторых*, это стимулы, идущие от развития утилитаризма в России, который в отличие от западного утилитаризма не имеет адекватного обоснования в элитарной культуре, не имеет санкционированной, достаточно укорененной массовой нравственной основы. Поэтому утилитаризм питает российский либерализм не вполне адекватным природе либерализма образом.

Российский либерализм несет в себе все недостатки этого синтеза, эффективность которого всегда под вопросом, а раскол всегда очевиден. Отсюда абстрактность либерализма, неспособность противостоять хромающим решениям.

Адекватное развитие либерализма требует сложных решений, что, в свою очередь, вызывает необходимость в глубокой самокритике, во внутреннем диалоге, в критике исторического опыта России, в критике места и роли либерализма в этом процессе. Обнадеживающим представляется развитие в стране консервативного либерализма, который ищет новый синтез российской реальности и мирового опыта либерализма²¹. Здесь можно надеяться на конструктивное развитие либерализма,

²⁰ Каца А. М., Жарков Б. Н., Михайлова Л. М. Трудовые конфликты на предприятиях России: проблемы регулирования // Проблемы трудовых отношений в России в условиях перехода к рынку. М., 1992. С. 23, 24

²¹ Матвеева С. Я. Власть радикальная // Господин Народ. 1992. № 10.

который, в отличие от абстрактного, соизмерял бы свои решения с реальными процессами в обществе. Степень развития этого процесса, его значимость в обществе являются важным фактором прогнозирования.

Противоположным полюсом либерализма являются различные модификации так называемого почвенничества, или псевдопочвенничества, которые в той или иной форме и степени пытаются предложить стране программу выхода из промежуточного состояния через возврат к традиционализму. В этом движении, как и в абстрактном либерализме, не учитывается влияние раскола и роста утилитаризма. Поэтому оно практически и оказывается псевдопочвенным, выдвигающим ценности почвы, которых либо уже нет, либо вообще никогда не было. Оно, как и первое движение, представляет собой некоторый логический полюс, реальное нравственное содержание которого проблематично, а формирование на его основе функциональной социокультурной системы представляется утопичным, но это не исключает, однако, возможности превращения лозунгов этого движения в господствующие на каком-либо ограниченном отрезке времени.

В принципе, оба эти течения нуждаются в мощной критике и самокритике, так как они всегда суть нечто иное, чем то, за что они сами себя принимают и выдают. Существование такой дуальной оппозиции с логической неизбежностью ставит задачу постоянного поиска меры между полюсами. Сложность ее поиска заключается в том, что мера не сводится к случайному манипулированию полюсами, к поиску некоторой «пропорции» между ними. Мера может быть найдена лишь в процессе постоянного углубления обеих точек зрения, постоянного их взаимопроникновения на все более глубоком содержательном уровне. Эта сложная задача требует, не в последнюю очередь, повышения уровня интеллектуализации этого цивилизационного по своей сути спора между либерализмом и традиционализмом.

Следующей дуальной оппозицией прогнозирования является оппозиция *«монополия на дефицит — рынок»*. Прогноз должен выступать как постоянный поиск меры между ними, а реформа — как маршрут достижения этой меры.

Необходим прогноз динамики соотношения между разными типами монополии, прогноз перехода от господства одного уровня монополии к доминированию другой, перерастающий в прогноз возможности оттеснения монополий на дефицит всех уровней под нажимом рынка.

Сложность этого прогнозирования заключается не только в недостатке значимой информации. Дело в том, что эта оппо-

зия неизбежно несет в себе иллюзорное представление, определяемое не столько стремлением идентифицировать себя с традиционной для России системой оппозиций «авторитаризм — соборность», осложняемой утилитаризмом и затем либерализмом, сколько стремлением адаптироваться к абстрактным альтернативам «реакция — прогресс», «демократия — реакция». Речь, разумеется, идет не о необходимости замены вторых оппозиций первыми, но о постоянном поиске меры.

Важным условием прогнозирования является *постоянный поиск новых явлений*, которые могут оказать значимое влияние на содержание прогноза. Анализ показывает, что существуют глубокие процессы формообразования различного рода сообществ, социокультурных форм, занятых различного рода воспроизводственной деятельностью. В этой области много деклараций и обещаний, вплоть до перевода всего хозяйства страны на артельные формы, имеющие в истории страны свою традицию, которая, однако, подавлялась еще в первом периоде. Тем не менее этим процессам необходимо уделять максимальное внимание. Соблазнительность активизации артельных форм производства заключается в том, что их можно интерпретировать, если прибегать к языку Запада, как возможность «союза труда и капитала». В России артельную форму можно рассматривать как форму производственного патернализма, как попытку вернуться в промышленности к идее А. С. Хомякова, что помещик крестьянину родной кровный брат. Эта мысль, однако, не нашла своего подтверждения в дальнейших событиях. Тем не менее она не может игнорироваться как одна из форм преодоления противоречия между двумя тенденциями — либеральной и традиционной. Если предположить возможность ее реализации в массовом масштабе, из нее можно было бы сделать ряд выводов прогнозного характера, в частности, о возможности усиления локализма и затем медленного его преодоления на основе способности этих сообществ вступать друг с другом в рыночные отношения. О скорости этого процесса пока говорить невозможно из-за отсутствия информации. Другой — противоположный — вывод заключается в том, что артельные сообщества могут усилить политическое влияние местных бизнесменов и их объединений, которые смогут управлять забастовочным движением и, следовательно, оказывать мощное, возможно, разрушительное воздействие и на политическую жизнь, на центральную власть в пользу локализма. Все это, однако, требует дальнейшего исследования.

Подобный путь подчас отождествляют с японским. Это сравнение не лишено смысла. Однако не следует забывать, что исторически японская культура, японский менталитет совер-

шенно иные. В Японии давно сформировались достигательные ценности. Следовательно, здесь прямое заимствование невозможно.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПРОГНОЗ

Содержание прогноза в определенной степени определяется успехами политики правительства, ее эффективностью, способностью контролировать события, определять ход событий. Низкий уровень этой политики означает, что для прогноза ее позитивное значение может оказаться не слишком большим. Она может играть даже роль фактора дезорганизации. Слабость власти соответственно усиливает значимость для прогноза спонтанных стихийных процессов. В качестве своеобразной лакмусовой бумажки для определения эффективности этой политики можно рассматривать «либерализацию цен».

Определенные итоги этой политики, составляющей сердцевину реформы, позволяют констатировать следующее. *Во-первых*, до ее начала цены были случайны по отношению к их экономической сути, в частности, случайны по отношению к исторически сложившимся издержкам производства, обращения и т. д. Цены на сырье были занижены, а цены на продукты обрабатывающей промышленности, машиностроения завышены. В результате предметы потребления оказывались недоступными для потребителя без государственной дотации. Исторически сложившаяся система цен была проводником и носителем всех уродливых беспрецедентных отношений между потреблением и накоплением в национальном доходе. Вся система цен формировалась в результате стремления власти перераспределять потоки ресурсов, исходя как из исторической зависимости значительной части промышленности не от рынка, а от государства, так и из стремления власти перераспределять ресурсы, опираясь на различные, часто сугубо идеологические соображения, далекие от хозяйственных. «*Либерализация цен*» в этой ситуации означала сокрушительный удар по всей системе хозяйственных отношений в стране, по сложившемуся порядку, независимо от того, хорош он был или плох, буквально в каждой клеточке хозяйства, по системе социальных отношений, сложившихся культурных стереотипов. Однако этим дело не кончается, но лишь начинается.

Во-вторых, сами издержки производства в условиях господства монополии на дефицит могли быть случайны, так как основывались на случайных ценах, включали в себя неоправданные затраты: воровство, перекачку средств в другие отрасли, разгильдяйство, стремление увеличить затратные по-

казатели. Поэтому *«либерализация цен» неизбежно должна была вызвать легализацию этих подчас разорительных разбойничьих издержек*, превращающих богатство общества в мусор, труху. Но и это еще не все.

В-третьих, отпуск цен при отсутствии в обществе механизма снижения издержек производства, кроме административного, который был сокрушен на этапе перестройки, означал сигнал к повышению этих издержек, «инфляцию издержек», подчас совершенно беспардонную, включая в некоторых случаях фантастическое повышение зарплаты, не оправданное производительностью, но явившееся результатом использования монополии на дефицит. Но и это не все.

В-четвертых, в этом расточительном обществе постепенно в результате исчерпания различного рода источников ресурсов, от разрушительной эксплуатации крестьянства до прекращения золотого потока нефтедолларов, возникла ситуация, когда и сельское хозяйство, и большинство отраслей промышленности стали производить отрицательный чистый доход, т. е. работали в убыток, что выражалось в некупаемости издержек производства. В этой ситуации *«либерализация цен» вывела наружу раньше скрытый внутренний неразрешимый хозяйственный конфликт*, невозможность естественного механизма распределения ресурсов между отраслями через установление цен равновесия. Тем самым *«либерализация цен» раскрывала тайну псевдоэкономики*, т. е. нарастание неспособности к самокупаемости, снижение способности производить чистый продукт. Раньше эта тайна маскировалась принудительной перекачкой ресурсов государством, постоянным поиском источников этих ресурсов — от ограбления крестьянства и природы до иностранных займов и попытки печатания при Сталине фальшивых долларов. Теперь, однако, положение изменилось, и «либерализация цен» открывает поле для ожесточенной борьбы за ресурсы, открытой гонки цен между разными группами держателей дефицита. Эта борьба принимает мифологические формы, т. е. рассматривается как борьба с коррумпированным начальством, с мировым капиталом, с предпринимателями и т. д., которые якобы злодейски оставляют нас без ресурсов. Трагедия этой борьбы не только в ее мифологичности, фетишизме, но и в том, что, вообще говоря, она ведется вокруг ресурсов, которые еще надо воспроизводить, без ясного представления о реальном объеме ресурсов, которые могут расходоваться. Например, депутатов при обсуждении размеров пенсий, кажется, мало интересовало, есть ли в стране ресурсы для их увеличения. Для подобных обсуждений вообще характерно полное отсутствие интереса к увеличению ресурсов, ко-

торые бы в минимальной степени отвечали бурной активизации потребности в «справедливом» распределении.

В-пятых, все это может привести к резкому обострению конфликтности в обществе. Когда общество не желает в должной степени использовать полезную конкуренцию, экономические противоречия, способствующие росту и развитию, в этих условиях создание определенных предпосылок для экономической конкуренции неизбежно приводит к повышению социально-политических конфликтов, направленных на «справедливое» распределение уменьшающегося пирога.

Неспособность реформаторов владеть ситуацией приводит к явлению, которое присуще теряющему влияние нравственному идеалу, т. е. происходит уход жизни из системы. На подобное явление обращает внимание, например, постановление второго съезда Межрегионального биржевого союза, где констатируется, что практически вся торгово-посредническая и частично производственная деятельность переместилась в сектор теневой экономики и черного рынка. Значительная часть сделок вытесняется в нелегальную область. Все чаще контракты заключаются в обход бирж и законов²². Единственное рациональное объяснение «либерализации цен» заключается в том, что *власть пыталась лишь легализовать и упорядочить то, что произошло стихийно в результате напора локализма.*

Влияние государства на хозяйство шло не только по пути легализации роста издержек, устранения препятствий для их роста, т. е. для инфляции издержек, но и по пути, способствующему инфляции спроса. Она — неизбежный результат попыток повышения дохода рядового потребителя, результат необходимости его участия в потреблении в условиях разрушения исторически сложившейся системы монополии на дефицит.

Уже здесь можно видеть две расколотые, дезорганизующие друг друга политики. С одной стороны, политика, открывающая возможность инфляции издержек, что оттесняет потребителя от потребления, создает элитарный рынок. С другой стороны, политика, стимулирующая инфляцию спроса, что, наоборот, максимально расширяет круг потребителей. Обе формы инфляции переходят друг в друга и друг друга стимулируют. Но первая политика, по сути, непосредственно укрепляет систему монополии на дефицит, ставя ей на службу механизм цен. Вторая действует в противоположном направлении. Делаются попытки преодолеть монополизм держателя дефицита, непрерывно поднимая доходы потребителя, тем са-

²² См.: Демченко И. Теневая экономика на территории бывшего СССР вытесняет легальный бизнес// Известия. 1992. 27 мая.

мым пытаюсь сбалансировать спрос и предложение. Поскольку это происходит в денежной форме, возникает тенденция независимости потребителя от конкретной монополии. Одновременно политика, ориентированная на инфляцию в любых формах, противостоит политике, ведущей к формированию рынка.

ОПЯТЬ РАННИЙ АВТОРИТАРНЫЙ ИДЕАЛ?

Определяющий характер хозяйственной системы монополии на дефицит, борьба между разными уровнями субъектов монополии как важнейшее содержание хозяйственной жизни, осознание обществом необходимости защиты элементов рыночного хозяйства от монополий означают, что *в обществе существуют мощные факторы, которые постоянно будут стимулировать разрешение проблем на пути усиления авторитаризма*. Сама борьба разных уровней монополии на дефицит включает и борьбу высшей власти за свою монополию, т. е. обращение к авторитаризму в масштабе общества. Возможность роста дискомфорта в результате массового соборного локализма также несет в себе угрозу авторитаризма. Рост дискомфорта очевиден. Налицо массовый шок. Старая жизнь рухнула. Она стала «бывшей», и бывшими стали мы. Шок возник в результате «необходимости оперативно перестраивать весь свой психологический аппарат принятия решений», в результате расслоения, того, что «людям приходится расставаться со многими жизненными иллюзиями». Очевиден «крах всей прежней жизни при не слишком-то больших надеждах приспособиться к жизни новой»²³. Народ чувствует себя обманутым во всех чаяниях. Это неизбежно приводит к *накапливанию потенциала новой инверсии*. Рано или поздно инверсионная волна локализма себя исчерпает, и массовая волна может обратиться к авторитаризму, способному, как многие полагают, подавить хаос, «справедливо» распределить ресурсы. На пути реализации этой возможности, однако, лежат другие возможности: осознание значимой частью общества соответствия этого варианта потере стабильности.

Традиционализм постоянно наряду с локализмом рождает авторитаризм. Исследования показывают, что если в городах Сибири за возврат к жестко-административным методам управления выступает четверть всех опрошенных, то среди селян «стать объектами жестко-административного воздействия

хотели бы две трети»²⁴. При этом не следует забывать, что в Сибири не было помещичьего крепостничества. К авторитаризму толкает и крайняя слабость государственной власти, а это стимулирует представление, что авторитаризм и есть путь к ее укреплению.

Подчас установление авторитаризма представляется упрощенно как результат некоторого тайного сговора властных структур: номенклатуры, армии, военно-промышленного комплекса и т. д., т. е. эта проблема рассматривается в свете теории заговора. Более вероятным представляется сценарий, когда те или иные властные структуры будут более настоятельно усиливать свое повседневное влияние на принятие решений, стимулируя рост массового недовольства, общей дезорганизации, следуя призывам снизу восстановить уравнильное распределение. Другой движущей силой может быть активизация имперских ценностей, инициируемая психологической и другими формами давления народов, вставших на путь национального развития, движения к независимости. Давление этих двух сил может вызвать к жизни весьма реакционную форму авторитаризма. Такого рода настроения не редкость. Например, «наблюдатели считают умеренный авторитаризм в России практически неизбежным, и только является вопросом, сколь быстро он перерастет из умеренной фазы в неумеренную»²⁵. К авторитаризму толкает кардинальная неспособность общества молниеносно, как это соответствует массовым ожиданиям, создать какие-то качественно новые, принципиально более эффективные политические, экономические и прочие механизмы.

Важнейший вопрос — это характер авторитаризма. Авторитаризм возможен, как показывает опыт нашей истории, в результате гражданской войны, победы одной из сторон в ней, и тогда на побежденных, как на противников некоторой манихейской идеологии, обрушиваются террор и расправа. Но авторитарная власть, возникшая в сравнительно спокойной обстановке, может быть этапом на пути к рынку и даже, в конечном итоге, к демократии. Она может рассчитывать на поддержку по крайней мере части либералов. *В принципе переход к авторитаризму несет в себе альтернативу между традиционалистским авторитаризмом, авторитаризмом, склонным перерасти в тоталитаризм, и возможностью либерально-авторитарного идеала.* Можно как угодно относиться к такой перспективе, но невозможно ее игнорировать.

²⁴ Коган В., Вавилина Н. У каждого третьего сибиряка настроение «в основном» плохое.

²⁵ Злотин Л., Соколов М. Российские органы власти: когда нас всех пошлет товарищ Ельцин// Коммерсантъ.. 1991. № 37. С. 3.

Важнейшим условием авторитаризма является незрелость демократии. Она «не смогла найти у нас того гражданского общества, надстройкой над которым только и может быть демократия. Поэтому у нас демократия оказалась достаточной для разрушения тоталитаризма, но совершенно непригодной даже для того, чтобы хотя бы дать 15 соток земли даже при великом изобилии земли. Демократия выродилась в схватки за микрофоны в залах выборного органа. Сами по себе демократы — без аппаратных сил — оказались не способными руководить»²⁶. Отсюда вывод: «Основным действующим лицом должна стать исполнительная власть». Г. Попов предлагает, в частности, приостановить деятельность всех советов, ограничиться раз в пять лет выборами Президента России, губернаторов земель, мэров городов и старост поселений. Остальные руководители «должны назначаться вышестоящими выборными административными руководителями». При этом предлагается ввести систему федеральных земель²⁷.

Подобное отрицание авторитаризмом исходного начала исторического периода (в данном случае демократического) не является в истории страны необычным делом. В двух предшествующих глобальных периодах изначально влияние соборности оказалось нефункциональным. В первом случае она превратилась в авторитаризм монархической власти, во втором — была вытеснена властью партии нового типа. Существуют различные формы авторитаризма. Его наступление может сопровождаться борьбой между его разными версиями, между авторитаризмом как разновидностью вечового идеала и теоретически возможным либерально-авторитарным идеалом, переходящим в либерально-почвенный. Нельзя исключить, что борьба за второй вариант в рамках авторитаризма может стать реальной нравственной проблемой для либералов.

Переход от завершающего этапа второго периода («перестройка») к первому этапу третьего, несмотря на четкие даты — 19-21 августа, 8 и 25 декабря 1991 года — был по сути постепенным, так как в обоих этапах значительную роль играло стремление осуществить либеральный идеал. Перерыв постепенности и крах советской государственности внешне произошел в результате инверсионной попытки так называемого августовского путча. На самом деле этот крах надвигался давно. Авторитарные устремления зародились еще в конце горбачевского этапа — в виде неудачной попытки установить президентский режим. Попытка насильственного утверждения режи-

²⁶ Попов Г. Х. Что дальше? Заметки по текущему моменту// Известия. 1991. 3 окт.

²⁷ Там же.

ма ГКЧП была уже прямой заявкой на восстановление авторитарной власти. Тема авторитаризма постоянно звучит в обществе.

Обычно эта проблема рассматривается в масштабе общества в целом, раньше — в масштабе СССР, теперь — России. Однако авторитаризм может устанавливаться и в регионах. Более того, каждое локальное образование, получившее определенную самостоятельность, в процессе нарастания соборного локализма может строить свою жизнь в своих собственных рамках на основе авторитаризма. Одна из черт локализма как раз и заключается в том, что он под лозунгом демократии тяготеет к независимости от центра на основе тенденции к авторитаризму. Причем в локальном мире авторитаризм может носить значительно более жесткий догуманистический характер. Поэтому торжество локализма может оказаться предпосылкой для торжества системы авторитарных сообществ. При этом может остаться открытым вопрос о характере обратной авторитарной волны, т. е. не приведет ли она к укреплению авторитаризма в локальных мирах, не захлестнет ли общество в целом, т. е. не произойдет ли установление авторитарной власти центра над всеми локальными мирами или над частью из них.

Проблема возможного авторитаризма исключительно важна. Россия после каждой катастрофы стояла перед перспективой распада. Однако каждый раз ее объединяла внешняя опасность, активизировавшая элементы государственности. Большевику удалось предотвратить распад на основе соединения идеи государственности с массовыми утилитарными стремлениями к идее Правды, носящей мессианский характер. Теперь, однако, положение принципиально иное. Внешней опасности нет. Идеология большевизма не только обанкротилась, но и породила обратную инверсию, либеральную волну, которая крайне плохо даже в модифицированном виде сочетается с авторитаризмом. Это может стимулировать вялый характер инверсионной волны. Более того, не исключено, что инверсионная волна может сама распасться на регионы, а авторитаризм в специфических условиях регионов способен, опираясь на местные традиции, приобрести крайние формы или, наоборот, стать слабым, бессильным. Без сомнения, авторитарная волна имеет тем больше шансов выйти за рамки отдельных регионов и охватить все общество, чем сильнее будет разруха в результате распада и возможного ожесточения, чем непримиримее окажутся прямые столкновения между распавшимися частями, выше уровень всеобщей дезорганизации. Следовательно, важнейшая проблема прогноза заключается в прогнозировании не

только возможности и характера авторитаризма как основы интеграции в результате выявления нефункциональности соборного локализма, но и способности авторитаризма выйти за рамки локальных миров, распавшихся частей, охватить все общество. Сегодня на пути авторитаризма стоит высокий уровень дезорганизации общества и государства, но и мощь локализма, пока не склонного сгибать шею перед центральной властью.

РЕФОРМА И ПРОГНОЗ

Очевидно, идеалом должна быть такая реформа, которая, с одной стороны, обеспечивала бы реализацию назревших в обществе целей, сложившихся потребностей, а с другой стороны, могла бы в силу своей обоснованности быть положена в основу прогноза. Промежуточный характер ситуации, в которую попала страна, означает, что в основе реформы не может и не должна лежать альтернатива инверсионного типа, исключаящая всякие полутени: либо рынок, либо административная система. Инверсионный подход хорош в логике, где он дает общеметодологическую основу для последующего конкретного анализа социокультурных процессов, но не как непосредственная модель решения реальных сложных проблем. Каждое общество имеет свой рынок, отличный от всех других. Более того, динамика любого общества включает и изменение места и значимости рынка в обществе. Реальная экономическая реформа может иметь шансы на успех, если пойдет по пути поиска меры между логическими крайностями. Господство в обществе дорыночных, натуральных отношений не исключает возможности ограниченной сферы рыночных отношений. Они могут быть ограничены запретом на изменения исторически сложившихся отношений (например, патриархальных, дружеских, трудовых), которые могут быть вызваны ростом торговли, потребностями в новых видах производства и т. д.²⁸

Необходима разработка маршрута изменения рыночных отношений, включающего возможность маневра, отступления, учета исторически сложившихся циклов, альтернатив. Это методологическое условие *предотвращения опасности быстрого или медленного превращения реформы в контрреформу*. Поиск меры, по сути, есть поиск альтернатив. Постоянная работа над альтернативными вариантами на случай провалов и неудач реформы является жизненной необходимостью.

²⁸ Ахиезер А. С. Какой рынок нам нужен// Вестник Академии наук СССР. 1991. № 8.

Эта мера должна воплотиться в тонкую и сложную политику, чтобы пройти между Сциллой и Харибдой двух грозных опасностей: между деградацией от подавления инициативы и ростом массового дискомфорта в результате укрепления элитарного рынка, тесно связанного с удушающим наступлением монополий.

Эта мера должна пролегать на грани умеренного и развитого утилитаризма, на грани поддержки имеющихся в обществе реальных рыночных сил, частной инициативы и соответствующих ограничений монополии на дефицит.

Проблема эффективной реформы не сводится к построению некоего хитроумного плана в рамках сложившихся представлений, до комбинации которых наконец додумалась какая-то умная голова. Проблема упирается в необходимость коренных сдвигов в самом подходе к способу решения проблем, в конечном итоге, качественных сдвигов менталитета. Необходимо прежде всего мышление, нацеленное на преодоление хромающих решений. Необходимо мышление, которое преодолевало бы представление, что человек в обществе имеет дело с простыми процессами. Необходимо развивать методику разрешения проблем крайне сложных объектов. Например, проблем развития больших городов как систем большой сложности²⁹.

Большой город — частный случай ситуации, в которой находится наше общество в целом. Незрелая система принятия решений неизбежно приводит к социальной патологии в возрастающих масштабах. Очевидно, необходимо хорошо знать запреты, налагаемые спецификой системы, так как их нарушение вызывает нарастающую дезорганизацию общества. В качестве примера таких запретов можно указать на невозможность существования общества, обеспечивающего массовую потребность в росте потребления благ и одновременно отстающего в своих потребностях в росте соответствующего производства, на невозможность существования общества, стремящегося к росту и развитию на основе дорыночного хозяйства, на несовместимость господства системы хромающих решений и механизмов прогрессивного развития общества и т. д. Без исследований в этой области невозможно понять, что с нами происходит.

Важнейшим, достаточно простым, даже элементарным требованием к реформе должна быть ее обоснованность историческим опытом, превращение его в предмет исследования и критики. Например, невозможно реформировать сельское хозяйство, если не знать, что в Московской Руси правительству

²⁹ Гольц Г. А. Проблемы развития большого города // Энергия: экономика, техника, экология. 1989. № 1. С. 42-45.

часто приходилось прибегать к принудительному распределению хлеба: «Чтобы всяких чинов люд изо всех Понизовых и Украинских городов всякий хлеб везли к Москве и на Москве продавали мерного ценою не из больших прибытков». Не исключалась и конфискация. Например, в одном указе говорилось: «И мы, Великий Государь, указали и бояре наши приговорили: для нынешние хлебные торговли и для прокормления служилых и всяких скудных людей... взять стрелецкий хлеб и из того сборного хлеба дать... наше годовое хлебное жалование»³⁰. Вся последующая история изживала эти механизмы, чтобы через хромающие решения вновь к ним вернуться. Налицо застарелый раскол между городом и деревней, и сегодня представляющий собой осевую проблему. Исследования показывают, что «почти по всем позициям горожане и селяне противостоят друг другу. Особенно выразительными становятся различия, когда речь заходит о поисках путей выхода из кризиса»³¹. Сельское хозяйство выступает как система естественных монополий на дефицит, пытающихся усилить свою монополию в борьбе с другими монополиями.

Попытка свести реформу к некоторому конструктивному решению, нацеленному на наведение порядка в той форме, как эта задача представляется в сегодняшней повседневности, в отрыве от накопленного исторического опыта невозможна. Замысел реформы начинается с критики повседневности (например, нехватки продуктов, повсеместных очередей, несправедливости и т. д.). *Однако реально реформа является не только и не столько критикой этой повседневности, но и критикой накопленного исторического опыта.* История всегда с нами. Она существует в программе наших повседневных действий, которые мы можем не рефлексировать. Но тем не менее инерция исторического опыта диктует нам поступки, действия, пока мы не согласились изменить программу поведения, воспроизводства.

Трудность реформы в России объясняется расколотостью исторического опыта между традиционализмом, усеченным либерализмом и утилитаризмом, между их воспроизводственными программами. Специфика России в том, что ни одна из этих программ не смогла стать основой для выхода из кризиса, и это вновь и вновь создавало неопределенность дальнейшей динамики страны.

Если государство стремится бросить всю силу своей власти и авторитета на усиление значимости движения к либеральной

³⁰ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Л., 1924. Т. 1. С. 88.

³¹ Коган В., Вавилина Н. У каждого третьего сибиряка настроение «в основном» плохое.

цивилизации, то, следовательно, оно должно облечь свои решения в правовую форму. Вместе с тем невозможно надеяться на то, что систему господства монополии на дефицит можно одновременно уничтожить путем законодательного запрета. Невозможно также рассчитывать, что, обеспечив этим монополиям свободу, стихийная самоорганизация в обществе установит хозяйственный порядок. В борьбе с монополией на дефицит государство должно облечь свои действия в юридическую форму, т. е. создать систему законодательства, которую общество способно реально воплощать в жизнь, направляя ее прежде всего на поддержку массовой частной инициативы, мелких предпринимателей, ремесленников, кустарей, фермеров, их объединений. Возможности государства обеспечивать воплощение своих законов не безграничны. Поэтому в каждый момент времени государство должно стремиться не к абсолютной победе, например, к полному и одновременному уничтожению монополий на дефицит, но к установлению определенных рамок для них, соразмерных со своей способностью реально держать монополии в этих рамках. При этом никогда нельзя забывать, что успехи в борьбе против монополий на дефицит в конечном итоге определяются не самой административной властью, но способностью общества заместить функции монополии на дефицит иными механизмами, т. е. рынком, конкуренцией. В противном случае борьба государства с монополиями, которые растут из каждой клеточки общества, бесперспективна. В этом случае неизбежно, независимо от намерений людей борьба против монополии на дефицит фактически будет борьбой между собой ее разных форм и уровней.

Поиск меры между полюсами при проектировании и воплощении реформы должен выступать в разных формах. В попытках найти меру между развитием рынка и сохранением исторически сложившихся монополий на дефицит необходимо, очевидно, фокусировать внимание на развитии тех форм рынка, которые в сложных и хаотических условиях современной разрухи оказываются менее задействованы в сложной системе хозяйственных отношений. Это прежде всего торговля, добыча сырья, сельское хозяйство. Это мелкий бизнес, малые предприятия. Необходимо всеми силами избегать того пути развития промышленности, который начался задолго до конца первого периода, до 1917 года, — развития монополистического производства, подавляющего кустарей, ремесленников, мелкое производство, т. е. массовую почвенную инициативу, что, без сомнения, сыграло роковую роль в хозяйственном развитии страны.

Абстрактный подход к реформам порождает глобальные инверсионные тенденции. Реальные возможности, однако, лежат в другой плоскости, хотя они и не отвечают массовым ожиданиям очередного чуда. Государство не может одним ударом уничтожить монополию на дефицит, так как сила исторической инерции несоизмеримо велика по сравнению с силами чиновников. Государство в поддержке мелкого бизнеса стоит перед трудной задачей несоизмеримости политического давления на власть мелкого бизнеса и монополии на дефицит. Сегодня рост малых предприятий явно замедлился, так как, наряду с другими причинами, возросла необходимая сумма первоначального капитала. Это крайне неблагоприятный симптом, который стимулирует прогноз последующей динамики прежде всего как битвы монополий при слабом росте рыночных сил.

Важнейшая проблема реформы заключается в том, что в реальности российского хозяйства переплетены, перепутаны два взаимоисключающих принципа, связанные с двумя цивилизациями. Реформа практически мыслится как очищение общества от одного из цивилизационных компонентов и развитие другого. Между тем формирование всей социокультурной жизни общества на протяжении всей истории происходило под постоянным воздействием раскола. Значит, одними абстрактными методами (например, воздействием финансовой системы) разделение этих элементов немыслимо, так как эти принципы заглублены в повседневную деятельность. Существует точка зрения, что необходимо избрать метод *рыночной реорганизации*. Государство само должно было «конструировать» национальный рынок, преобразуя планово-распределительные структуры управления во вспомогательные структуры конкурентно-рынка³².

Гибкое лавирование — трудный путь. Оно лишено тупой прямолинейности и однозначности. Оно не обещает чуда и требует от власти сложных решений, способных не только прямолинейно вести к цели (возможно, утопической), но и манипулировать вариантами, искать обходные пути и т. д. Это путь медиации. Это очень трудно в обществе, где от реформы требуют простоты, быстрого спасения и последовательности. Быстрота в сочетании с якобы простотой победы утопизма над реальными возможностями общества лежала в основе торжества большевизма. Последовательность же в расколотом обществе, где любое значимое решение немедленно вызывает активизацию противоположных стремлений, — трудно достижимый идеал. Общество может отойти от края пропасти лишь через

³² Ольшевич Ю. Я. Рекомендации МВФ: вариант для СССР? М., 1991. С. 50.

способность принимать решения, которые по своей сложности и глубине поднимаются до уровня сложности самого общества, его проблем.

Удача реформы означала бы успех в движении к либеральной суперцивилизации, формирование ее важных элементов. Неудача реформы означала бы сохранение общества в состоянии промежуточности, неспособности выхода за ее рамки, еще одно проявление слабой способности общества формировать перспективную альтернативу.

Как это ни странно, но сегодня, быть может, важнее не то, какие именно меры предлагают и пытаются реализовать реформаторы (так как каждая из них в условиях господства хромающих решений рискует превратиться в свою противоположность), но изменение метода подхода к реформе. Пока еще не выявилось достаточно явных элементов, свидетельствующих о том, что реформаторская деятельность привела или приведет в ближайшее время к значимому развитию рынка. Элементы рынка в стране и сегодня воплощены в толпе перекупщиков, заполонивших тротуары около метро и магазинов, перепродавая все, что им удалось достать раньше других. Возможно, эти толкучки — необходимый элемент развития рынка, и здесь формируются будущие бизнесмены. Но сегодня невозможно надеяться, что финансовые манипуляции правительства приведут к торжеству рыночного хозяйства. Современная хозяйственная ситуация не сводится к борьбе рынка и дорыночных отношений. Банкротство государства как высшего держателя дефицита вынудило его переложить расходы по содержанию общества на держателей дефицита низших уровней, на само общество в той степени, в какой это возможно, пытаясь одновременно сохранить доступ большинства к некоторой пайке. Это открывает путь для борьбы друг с другом разных форм монополии на дефицит, осложняемой существованием на заднем плане элементов рыночных отношений. Ожесточенного столкновения следует ожидать между промышленными и аграрными монополиями. Их попытка договориться о взаимоприемлемых ценах не имеет шансов воплотиться в устойчивое согласие. Оно будет постоянно нарушаться, обходиться прямо или косвенно обеими сторонами. Крестьян всегда будут не удовлетворять цены на промышленную продукцию, которые будут для них слишком велики из-за низких доходов. Попытка же увеличить доходы сельского хозяйства за счет роста цен на его продукцию будет неизбежно делать эту продукцию неподъемной для горожан из-за огромных издержек сельскохозяйственного производства и его низкой производительности. Впрочем, массовый импорт продовольствия может изменить

ситуацию. Следует ожидать, что *общество будет искать выход прежде всего в борьбе разных монополий за дотации*, а власть судорожно искать средства для них, и не в последнюю очередь — в инфляции. Именно сейчас военно-промышленный комплекс и получил такую дотацию в значительных размерах. Курьез в том, что это делает то же самое правительство, которое поставило своей целью погрузить общество в рынок.

Борьба за дотации и против них, вокруг их распределения — важнейший элемент хозяйственной и политической жизни.

Правительство вынуждено в процессе нарастания массового разочарования отступить, вести политику хромающих решений, проводить две взаимоисключающие, взаиморазрушающие друг друга политики одновременно. Налицо попытка одновременно жать на газ и на тормоз. Правительство пытается лавировать между разными типами монополий на дефицит, пытается сохранить некоторое равновесие между ними, выиграть время в надежде, что заработают рыночные механизмы, что те, кто требует новых дотаций, каким-то образом повысят эффективность своего производства, освободят власть от необходимости дотаций и будут стоять на собственных ногах. Если оставить элементы маниловщины, то практически эта ситуация объективно будет толкать высшее руководство (вопреки собственной философии или в соответствии с ней) к тому, чтобы восстановить, хотя бы частично, свое положение как держателя дефицита. В противном случае оно окажется беспомощным перед лицом битвы гигантов за ресурсы при ограниченной способности воспроизводить последние на приемлемых для общества условиях. Следует иметь в виду, что в этой борьбе монополий за дефицит речь идет о самом существовании псевдоэкономических структур, о борьбе за существование нерентабельных предприятий и отраслей, в которых заняты десятки миллионов людей.

Нельзя закрывать глаза на то, что сегодня сельское хозяйство, как и церковь, как и промышленность, еще никогда не были так независимы от административной власти государства, за исключением, может быть, кратковременного периода после февраля 1917 года.

Поэтому можно прогнозировать продолжение циклов преобладания монополий разных уровней в сочетании с медленным колебательным ростом частной инициативы, которая сама будет стремиться постоянно искать прикрытие в монополиях. Борьба за «социализм» в этих условиях будет означать лишь форму борьбы крупных монополий между собой как борьбу одной сверхмонополии за государственный социализм, а борьба

против этого других монополий может выглядеть как борьба за общинный социализм.

Отсюда возможность среднесрочного прогноза, который указывает на высокую вероятность повторения модифицированного инверсионного цикла. Можно лишь надеяться, что если дело не дойдет до массовых разрушительных столкновений в стране, то этот цикл будет более мягким, с несколько большей дозой рефлексии, критики исторического опыта, чем в прошлый период. Есть определенный шанс ослабления инверсии на последующих этапах, шанс отхода от разрушительного инверсионного типа развития.

ПРОГНОЗ ТРЕТЬЕГО ПЕРИОДА

По прогнозу 1979 года предполагалось, что «общество вновь будет двигаться по сложной кривой, получающейся в результате сочетания двух форм социальных изменений. Однако центр тяжести борьбы будет смещаться от столкновения синкретизма и элементов либеральной цивилизации к борьбе между умеренным и развитым утилитаризмом. Борьба, вероятно, будет идти вокруг степени, масштабов частной инициативы. Она будет, видимо, сосуществовать с бюрократией, регулирующей частную инициативу, устанавливающей для нее ограничения. Эти ограничения будут поддержаны массами, страшящимися свободной конкуренции, соревнования талантов в сфере организации и экономики. Однако вероятно, что степень масштаба этой ограниченности станет важнейшим отличием одной версии господствующего идеала от другой. Возможно, что на первом этапе третьего глобального периода частная инициатива в результате инверсионной реакции против запрета на нее в прошлом достигнет значительных масштабов. Однако это вызовет серьезные трудности, резкую дифференциацию доходов, неспособность во многих случаях преодолеть стремление к монополизации дефицита. Это даст импульс попытке власти обуздать „жидкий элемент“, что, видимо, найдет поддержку в массовой инверсии тех, кто будет разочарован хаосом локализма.

Многое в дальнейшем будет зависеть от способности найти меру и организационные формы этого стремления к порядку. Если эта попытка превратится в стремление задавить инициативу, возросшую активность утилитаризма, то неизбежна новая инверсия в противоположную сторону, т. е. к ослаблению власти бюрократии над развитием утилитаризма.

Этот инверсионный путь, возможно, приведет к новому крайнему авторитаризму, попытке навести порядок крайними мерами. Именно тогда выявит свой тайный смысл шепот массового сознания — „порядка нет“. Тогда выплеснется вверх тлеющая повсеместная тоска по новому Сталину, который все знает и берет ответственность на себя, освобождая всех от непосильной ответственности, упорядочит хаос. Новая инверсия будет направлена против „богачей“ и „спекулянтов“, хотя она вряд ли полностью уничтожит частную инициативу. Возврат к крепостничеству времен Сталина будет возможен лишь в результате исключительных обстоятельств, т. е. массовых бедствий, опустошения городов, борьбы за хлеб как основной экономической задачи страны. В основе этого поворота будет лежать стремление ликвидировать хаос возвратом к древним формам организации. Если общество будет ориентировано на узко понятые национальные ценности, оно может принять весьма непривлекательные формы. Можно надеяться, однако, что позиции, завоеванные к этому времени частной инициативой, потребности организаций поставят определенную границу произволу. Возможно, что произойдет усиление влияния права. Тем не менее вряд ли в этот период можно ожидать возникновения правового государства и разделения властей.

Авторитаризм не может бесконечно сохраняться и будет, видимо, сметен новой инверсионной волной. Падение крайнего авторитаризма неизбежно, поскольку он окажется препятствием дальнейшему социально-экономическому и культурному развитию. Кроме того, ему, возможно, придется столкнуться с реальной оппозицией. Ослабление или падение диктатуры, возможно, откроет путь либерализму.

Вероятно, что период усиления влияния либерализма вызовет новый антилиберальный взрыв. Это может произойти как реакция на авторитарное движение в одной из инверсий конца третьего глобального периода.

Не исключена возможность того, что и третий глобальный период не приведет страну к либеральной цивилизации. Невозможно предвидеть, каковы будут результаты такого варианта развития. Возможно, что общество не выдержит бесконечных колебаний между двумя типами цивилизаций: судьба некогда могущественных древних империй может дать некоторые аналогии прогнозирования судеб России»³³.

Сегодня в принципе нет оснований отказываться от этого прогноза 1979 года. Его недостатком следует признать недо-

³³ См. Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 328-330.

оценку сложности далеко зашедшего развития псевдоэкономики, создавшей разветвленную систему социальной патологии, исключительную трудность ее преодоления. Следует также отметить, что хотя при любом развитии событий власть вынуждена будет постоянно опираться на силу утилитаризма, способного обеспечить качественный сдвиг в хозяйстве, нести в себе импульс реального экономического развития, тем не менее мощные силы уравнительности ограничивают возможность такой опоры. В этой связи пока перспективы развития среднего класса представляются крайне узкими.

Другим недостатком прогноза 1979 года следует признать отсутствие гипотезы, касающейся общей оценки третьего глобального периода. Возможно, в третьем периоде цикл оказался смещенным от авторитаризма к локализму, что можно также рассматривать как ослабление инверсионного маятника, ослабление его разрушительного характера. Это может быть объяснено ростом медиации, утилитаризма, либерализма. Тем не менее не исчезла возможность нарастания катастрофизма, начавшегося в результате гибели советской государственности. Она не только обуславливается господством инверсии, но приобретает вполне реальные социальные контуры. Важнейший из них заключается в исторической слабости культурных интеграторов, гипертрофированном использовании в истории России для интеграции общества административно-организационных средств. Недостаток культурных интеграторов приобрел особенно острые формы в связи со стремлением к росту и развитию, модернизации, урбанизации, т. е. к процессам, казалось бы, немислимым без роста соответствующей ментальности. Каждый шаг, каждое значимое изменение в этих условиях чревато дезинтеграцией. Именно поэтому и на этот раз прогресс в условиях России объективно грозит авторитарно-тоталитарными тенденциями. Однако начавшаяся либеральная волна создала неблагоприятные условия для административных форм интеграции, в результате чего общество получило более благоприятные условия для развития культурных форм интеграции. Но этими условиями еще надо уметь воспользоваться, не говоря уже о том, что для этого нужны значительное время и отсутствие разрушительных катастроф. В противном случае не исключена возможность, что в условиях массовых бедствий, голода, эпидемий, развала технической базы хозяйства на первый план выйдет стремление каждого локального образования решать свои проблемы, углубляя локализм. Рост локализма неизбежно приводит к повышению вероятности столкновений между локальными мирами вплоть до возможности определенной формы «вяло текущей гражданской

войны» (В. Д. Соловей) между образованиями государственного типа, что может повлечь за собой не только разрушение России на государственном уровне, но и культурный распад, регионализацию культуры. Это может привести к краху России, и причиной его будет не чей-то злодейский план, но исторически сложившаяся исключительно слабая культурная и экономическая интеграция страны, что в истории страны замечалось административной интеграцией.

Гражданская война в расколотом обществе имеет свою специфику, так как она приводит в конечном итоге к поражению обеих сторон. Самая большая ошибка белого движения заключалась именно в том, что оно вообще вело войну с советской властью, так как именно война ее укрепила. Кризис власти наступил после окончания войны. Гражданская война, которая могла бы вестись за националистические идеалы, с попытками насильственного возврата отделившихся в результате распада СССР народов, привела бы к катастрофическим результатам. В случае такой войны бедствия обрушатся на все народы, но для России она чревата полным крахом.

Еще одна важная проблема, которая, без сомнения, оказывает влияние на дальнейшую динамику страны, заключается в ее бедности, т. е. в пониженной способности освоения богатейших естественных ресурсов в экономически и экологически приемлемых формах. Причина хозяйственной отсталости заключается прежде всего в том, что в стране устойчиво сложилась псевдоэкономика, которая понуждает огромные массы людей в промышленности и сельском хозяйстве «производить» отрицательную чистую продукцию, т. е. на самом деле продать богатства страны. Из этого следует, что прогноз должен учитывать нарастающую борьбу за перераспределение ресурсов между отраслями, за монополию на дефицит, за цены как средство перераспределения ресурсов. Для прогноза это обстоятельство имеет фундаментальное значение, так как инверсионные повороты в этих условиях неизбежно будут носить характер переходов от победы деревни, т. е. от установления высоких цен на ее продукцию, к победе города, т. е. к изъятию без соответствующей компенсации продукции сельского хозяйства, и наоборот. В эту идеальную модель, однако, хозяйственные связи с Западом могут внести существенные коррективы.

Выход следует искать в новых тенденциях, которые создают новые ситуации и возможность новых решений. Новая ситуация складывается, например, в результате того, что рост цен в сочетании с борьбой против инфляции приводит к ограничению спроса. Именно к этому оказываются неподготовленными

монополии на дефицит, у которых практически не было проблемы сбыта. Попытки правительства обеспечить продвижение к рынку чисто финансовыми средствами не могут достигнуть цели, так как эти методы бессильны против инфляции издержек. Они могут снижать спрос, что сокращает производство. В этой сложной ситуации нужна тонкая сбалансированная политика, которая могла бы решать взаимоисключающие задачи: осуществлять давление на монополии, чтобы прекратить рост инфляции издержек, угрожающий перекрыть всякую хозяйственную активность, но одновременно поддерживать определенный спрос разными методами, включая некоторую инфляцию спроса, чтобы стимулировать производство. Эта внутренне противоречивая политика, требующая постоянного поиска меры, может быть эффективной при условии усиливающегося давления на хозяйственную жизнь растущего слоя частных предпринимателей. В противном случае ее результатом окажется лишь очередная перестройка системы монополии на дефицит.

Негативные процессы происходят в глубинах социокультурного организма, лишь проявляясь в поверхностных политических движениях. Эти процессы обнаруживаются в неспособности общества найти выход из сложившейся ситуации, в попытках спастись от одного мифа бегством к другому. Можно предположить, что поражены глубинные нравственные основания общества, что раскол проник столь глубоко и понимание обществом сути этого процесса столь недостаточно, что страна не в состоянии нащупать даже общее направление поиска выхода. *Общество как бы потеряло инстинкт самосохранения*, решая свои задачи за счет саморазрушения собственных подсистем, за счет экономии на всем — на медицине, образовании, экологии, на дублирующих системах защиты *ft* т. д.

Возможно, многие посетуют, что этот прогноз недостаточно оптимистичен, что он не обещает счастливую жизнь, т. е. жизнь, соответствующую разным исключаящим друг друга утопиям. Однако никто не гарантировал нам лучезарной жизни. Слова одного из персонажей В. Г. Короленко, что «человек создан для счастья, как птица для полета», не следует считать истиной. *Неблагоприятный прогноз надлежит воспринимать как напоминание о том, что человек не баловень истории*. Он может существовать не только следуя истории (т. е. собственному накопленному историческому опыту, исторической инерции), но и в *постоянном споре с историей*. Смысл этого спора заключается в развитии способности человека изменяться, совершенствовать себя, постоянно соединять, синтезировать в своей воспроизводственной деятельности изменяющиеся

условия, средства и цели, не позволять противоречиям между ними достигать разрушительных масштабов. Это означает, что *мало радующий прогноз должен рассматриваться как стимул, возбуждающий стремление людей к новым, более глубоким решениям.* На пути этого стоит удивительная массовая инфантильность. С одной стороны, общество постоянно ожидает чуда то от индустриализации, то от химизации, то от кукурузы, то, наконец, от рынка, который чудесным образом наполнит полки магазинов. Какой еще сказкой соблазнит общество очередной пророк? Общество может погибнуть потому, что вера в один фетиш сменяется верой в другой. С другой стороны, реформаторы также поражают образцами инфантилизма. Разве не инфантилизм — пытаться ввести рынок в сложном и одновременно ничего не знающем о законности в хозяйственной жизни обществе и не проявить при этом заботы о подведении законодательной базы под реформы? Образовавшийся вакуум немедленно заполнили преступные элементы, которые стали выполнять «бесхозные функции» гарантов нормализации выплаты долгов и других обязательств.

Спасение страны не в очередном проекте, а в способности всех живых сил активно брать на себя конструктивную ответственность за общество, идет ли речь об открытии магазина, воспроизводстве государственности или обеспечении общей стабильности и порядка.

ГЛАВА III РОССИЯ СРЕДИ ДРУГИХ НАРОДОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

МЕЖДУ ПЛЕМЕНЕМ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Уже забытой, кажется, исходной точкой становления современного общества являются локальные образования, племена. Начало истории — множество локальных культур, ориентированных на отождествление соответствующих локальных сообществ с человеческим обществом вообще. При этом члены других сообществ, имевшие другой тотем, могли рассматриваться как нелюди. Для начала человеческой истории, до появления «неолитических людей», геноцид, «поголовное физическое устранение» людей иных сообществ, племен, был правилом¹.

Каждый последующий шаг развития человечества включает поиск некоторой меры между полюсами дуальной оппозиции «племенная культура — культура гражданского общества, правового государства», через смещение этой меры формируются формы единства народов, человечества в целом.

Возникновение объединений племен, народов постоянно опирается на племенные культуры, которые могут экстраполироваться на большое общество, создавать для него ограниченную форму всеобщего. Постепенно культура локальных сообществ интерпретируется, изменяется, этот процесс включает развитие культурного самосознания народов, осознание больших этнических и межэтнических формирований как ценности. С определенного этапа на этот процесс наслаивается возрастающая ценность личности. Попытка задержать его, т. е. возвратиться к чисто этническим сообществам, где личность растворяется в некотором абстрактном целом, может рассматриваться как форма расизма. Такой подход пытается свести большое общество к миру одного народа, одной языковой груп-

¹ Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной. М., 1991. С. 114.

пы, одной религии, если она рассматривается как основание этнической общности. Представляется крайне опасным законодательное закрепление преимущества одного народа перед другим, злоупотребление представлениями о коренной национальности.

В основе гражданского общества лежит представление о высшей ценности личности как гражданина независимо от его принадлежности к той или иной племенной, национальной группе, религии и т. д. Племенное сообщество основано на представлении о своей естественности. Оно определяет происхождение каждого человека, его родство, своеобразную биологическую принадлежность к некоторой общности. Изгнание человека из нее равносильно смерти. Принятие в нее людей из других сообществ возможно, но оно рассматривается как их своеобразное перерождение, превращение, требующее инициации. В гражданском обществе общность основана на культурном принципе, согласно которому все в равной степени обладают правами человека, правом на защиту обществом независимо от тех или иных врожденных или приобретенных качеств. Очевидно, что у истоков традиционного общества лежат племенные культуры, тогда как гражданское общество и правовое государство являются разными определениями общества либеральной суперцивилизации.

Советское общество как многонациональное при своем возникновении встало перед проблемой определения своего места между полюсами все той же оппозиции «племенная культура — культура гражданского общества». Советское государство пыталось решить эту проблему, встав на позиции абстрактного интернационализма. Практически это была попытка отказа от племенной идеологии, попытка ее замены усеченной либеральной идеей о равноправии народов и граждан перед лицом государства. Слабость этой идеи, однако, как и слабость других усеченных либеральных идей, вошедших в систему официальной советской идеологии, в том, что она игнорирует культуру как особую форму реальности, игнорирует специфику различных культур. Общество отказалось от слияния с племенным полюсом и одновременно не могло слиться с противоположным полюсом. И здесь оно оказалось в промежуточном положении.

Идея интернационализма в той ее форме, как она сложилась в официальной советской идеологии, представляла собой, с одной стороны, некоторую абстрактную выжимку из разнообразия национальных культур, так как в каждой культуре содержится возможность диалога с другими культурами. Но, с другой стороны, в силу необходимости решать медиационную задачу она неизбежно была ориентирована на культуру или

культуры того народа или народов, которые представлялись наиболее важными, решающими в тот или иной момент, т. е. вопреки логике интернационализма тяготела к племенным ценностям. Эти два расколотых полюса разрушали друг друга внутри советской идеологии. Идеологическая интерпретация культуры или культур игнорировала все многообразие их богатства, но ориентировалась лишь на те аспекты, которые были необходимы для решения медиационной задачи. Стремление идеологии опереться преимущественно на одну культуру могло достигнуть такой силы, что фактически абстрактный интернационализм мог, по крайней мере на определенных этапах, стать формой, прикрывающей ведущий характер племенного принципа культуры.

Поиск меры осложнялся признанием права нации на самоопределение, что практически противоречило не только ориентации на ценность личности, но и ориентации на интернациональное государство. Фактически это означало признание в качестве субъекта государственности сообщества людей, связанных этнической племенной общностью и общностью территории. Эта идея близка к философии Версальского мира, творцы которого пытались провести в жизнь идею предоставления каждому народу своего государства. Практически это недостижимо, так как разные этнические группы живут совместно. Если некоторое этническое большинство сможет отделиться, то другие этнические группы, проживающие с ним, не смогут выделиться как субъекты. Следовательно, равноправие народов оказывается невозможным даже теоретически. В условиях СССР, где проживало 120 народов, идея формирования государства по национальному признаку не могла быть реализована. Во многих случаях даже нации, которые считались коренными, находились в меньшинстве. Представители одного и того же народа могли занимать разные территории, где ранее проживали разные народы, находились разные государства. Тем самым политика государственного устройства внутри бывшего СССР сталкивалась с невозможностью определить, какой народ должен быть субъектом на соответствующей территории. Во многих национальных автономиях РСФСР русские составляли более 80% населения. *Право наций на самоопределение непосредственно толкает к конфликтам, так как фактически оно дает право тем, кто сильнее. Выход заключается в ориентации на права личности, что в перспективе — возможно, отдаленной — ослабит фактор манипулирования границами, возможностью отделения и присоединения как способа решения проблем отдельных этнических групп, народов.*

Победа большевизма готовилась и была достигнута на основе истолкования массовых представлений о мире как столкновения космических сил, как борьбе бедных и богатых. Этот язык оттеснял на задний план истолкование конфликта Правды и кривды на основе этнических признаков. Однако идеология национальной унификации оказывалась в противоречии с ростом национального сознания в тем большей степени, чем активнее это сознание развивалось. При этом язык, связанный с этническими признаками, мог стать языком оппозиции, критики псевдосинкретизма. Социальная перестройка, сопровождавшая становление советского общества, не могла не активизировать рост национального самосознания. После 1917 года центр тяжести ценностей власти имел тенденцию смещаться от абстрактных интернациональных ценностей к ценностям племенным, что можно видеть, в частности, в победе Сталина над Троцким. Право наций на самоопределение в полной мере выявило свой фиктивный характер. После Сталина высшая власть приняла бесспорно одноплеменный (моноэтнический) характер, что, однако, не отменяло необходимости считаться с многонациональным (многоэтническим) характером общества. В этих условиях, как и раньше, стремление к порядку неизбежно приобретало характер унификации на основе ценностей народа, составляющего большинство.

В моей рукописи 1979 года было сказано: *«Ориентация псевдосинкретизма на русскую культуру не означает, однако, что эта культура процветает в ущерб другой. Господство псевдосинкретизма грозит русской культуре даже больше, чем культурам если не всех, то многих из народов, населяющих СССР. Эти народы могут черпать силы в борьбе с препятствиями, чинимыми культуре извне, тогда как русская культура, ее господствующая версия находится под гипнозом своей застывшей силы»*².

Массовое сознание России способно принять в свою среду любого человека независимо от его расы и национальности. Но оно не обладает развитой способностью устанавливать диалогические отношения с народами, стойко придерживающимися своих национальных ценностей. Об этом говорит И. Шафаревич: «Есть и типично русский порок в нашем отношении к другим народам... отсутствие внутреннего убеждения в их праве существовать именно в их самобытности». Шафаревич подметил, что русский человек считает всех людей равными себе в том смысле, что «сразу записывает их в русские», что свидетельствует о «неумении видеть границу, отделяющую нас от

² См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 2. С. 345.

других наций»³. Главный недостаток такого отношения заключается в том, что оно не содержит ответа на вопрос, как жить с другими народами тогда, когда выясняется, что они стремятся жить не как русские. Очевидно, *способность повседневного общения с другими народами на основании признания самоценности их самобытности формируется на протяжении длительного времени в городах, в условиях интенсивной торговли, взаимопроникновения сложных форм деятельности. Это имеет место в процессе урбанизации, роста, углубления специфической городской культуры.* В России, однако, этот процесс сильно задержался и носил характер псевдоурбанизации. Конфликт между абстрактным интернационализмом и ростом национального самосознания оказался неизбежным.

Далее я отмечал в 1979 году: *«Рост национального самосознания народов, населяющих СССР, несет опасность конфликта, если этот процесс не будет дополняться одновременно развитием способности к диалогу. Стрессовая ситуация, обострение борьбы за дефицит может послужить фактором, сталкивающим республики, фактором роста центробежных тенденций. Эти действия могут, в свою очередь, быть восприняты в России как национальное унижение, как поругание высшей Правды, что может толкнуть высшее руководство на опрометчивые и непродуманные акции»*⁴.

Этот прогноз 1979 года в принципе подтвердился. Изучение национального самосознания в Институте этнологии и антропологии АН СССР показало, что «державное сознание в условиях перестройки, ознаменовавшейся взрывом национальных чувств поначалу у нерусских народов, для русских стало опорной точкой в росте массового национального самосознания...»⁵

Далее в прогнозе предполагалось: *«Растущее национальное самосознание разных народов сталкивается с унификацией, с системой распределения дефицита. Каждая республика вынуждена постоянно вырывать для себя товары, ресурсы, капиталовложения и т. д. у правящей элиты. Истощение дефицита с железной необходимостью поведет за собой перераспределение кривой дефицита и, следовательно, некоторые республики, территории и т. п. окажутся ущемленными. Обделенные не согласятся страдать больше других. Система распределения дефицита для них остается иррациональной. В данном случае опасность конфликта коренится не в на-*

³ Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее?// Из-под глыб. Париж, 1974. С. 111.

⁴ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 345-346.

⁵ Дробизева Л. Кто завоюет русское большинство? Самосознание русских в годы перестройки// Независимая газета. 1991. 15 июня.

циональном самосознании, но в расколотом обществе, в раздирающей медиатор всеобщей борьбе за дефицит. Но поскольку решающее право распределения дефицита принадлежит высшему руководству, которое является властью России, борьба за дефицит неизбежно принимает формы конфликта между бюрократической элитой центра и национальных республик. Обострение положения, кризис дефицита на фоне роста национального самосознания может повести к углублению конфликта»⁶. Из этого в 1991 году делался вывод: «В связи с этим сохранение сложившегося порядка не представляется возможным»⁷.

Глубокое разнообразие народов, населяющих страну, столь велико, что они находятся фактически в разных цивилизациях. Одни из них в культурном отношении уже перешли границу либеральной суперцивилизации, тогда как другие находятся на дофеодальной стадии. Попытка каждого народа вырваться из тисков унификации, активизировать свои собственные ценности несет в себе опасность конфликтов, связанных с отличиями в ценностях. Это особенно ярко проявляется в условиях, когда одни народы развивают товарно-денежные отношения, тогда как другие рассматривают этот процесс как активизацию сил зла, как рост дискомфорта. В этом случае этнический конфликт может выступать как результат конфликта ценностей натуральных и товарно-денежных отношений. Об этом, кстати говоря, свидетельствует конфликт с цыганами в Алапаевске, по поводу которого начальник милиции сказал, что если бы вместо цыган в городе проживала колония русских предпринимателей, то конфликт все равно имел бы место⁸.

РАСПАД ЦЕЛОГО

Молниеносный катастрофический распад СССР — свидетельство существования мощных сил распада, которые работали на разрыв, несмотря на, казалось бы, существовавшее хозяйственное единство страны. Это были прежде всего силы локализма, направленные на изоляцию регионов и сообществ, попытки стран и народов на волне роста национального самосознания встать на путь самостоятельного государственного развития. Это свидетельство того, что за время существования советской системы не было достигнуто реальных успехов в

⁶ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 346.

⁷ Там же.

⁸ Пашков А. Выстрелы в Алапаевске // Известия. 1991. 29 июня.

формировании механизма внутренней интеграции. Она практически осуществлялась в основном административными мерами, вплоть до террора, не были преодолены исторически сложившиеся колебания России между двумя крайними точками — максимальным сосредоточением власти у первого лица и максимальным сосредоточением власти в локальных мирах. Реальная сила механизмов интеграции на основе доэкономических, натуральных хозяйственных связей, на основе принудительного распределения государством ресурсов оказалась эфемерной. Все распалось почти мгновенно в момент катастрофического ослабления центральной власти.

Однако разрушение сложившегося порядка не сняло вопрос о том, какая система отношений должна установиться между бывшими советскими республиками. Очевидны определенные тенденции к сохранению отношений, в частности в сфере хозяйственных связей, проблем безопасности, получения выгодных дотаций, очевидно стремление сохранить привычные формы жизни, избегать конфликтов и т. д. Тем не менее этого оказалось мало для того, чтобы вдохнуть реальную жизнь в эфемерный СНГ. Локализм всегда несет в себе преобладание конфликта над сотрудничеством. Локализм — всегда реванш за издержки авторитаризма, как, впрочем, и наоборот. Наверх всплыли конфликтные ситуации по крайней мере двух типов. Во-первых, обострились исторически сложившиеся взаимные претензии, в том числе и территориальные. Во-вторых, в условиях синкретической государственности при отсутствии рыночных отношений, реальных стоимостных оценок в принципе невозможно рациональным образом найти всеобщий принцип перераспределения ресурсов, т. е. такой критерий, с которым все могли бы быть согласны. Это создает определенные предпосылки для конфликтов в каждой точке. В социально-психологическом плане в среде многих народов бывшего СССР часто проявляются представления, что все иные народы СНГ жили или живут за их счет. Начался новый цикл поиска меры между центром и периферией, где высокую значимость имеет стремление, хотя и имеющее разные формы и степень развития, возвысить племенные ценности, положить их в основу государственности. Поиск меры между стремлением абсолютизировать самобытность каждого народа и исторически сложившейся общей судьбой может не сопровождаться необходимым для эффективного решения ростом общей ответственности друг за друга, плюрализма, взаимной терпимости, самокритики собственной культуры и собственной истории. Невозможно игнорировать, что отставание в этой сфере, особенно при переходе от одного периода к другому, как и возможная насильст-

венная унификация, вдохновляемая имперскими амбициями, старыми обидами и т. д., перейдя определенную границу, может иметь трагические последствия для всех.

РОСТ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Советский период был связан с формированием новой идеологии, претендующей на господство. Какова ситуация сейчас? В 1979 и 1982 годах я писал: *«Можно предположить, что новый идеал будет носить значительно более национальные черты, чем существующий. В пользу такого предположения говорят по крайней мере следующие факты. Во-первых, следует ожидать обратной инверсии по отношению к идеологии переворота 1917 года, т. е. отхода от интернационализма, перехода к идеологии скорее славянофильской, чем западной»* (1979). *«Опасность заключается в том, что рост национального самосознания примет формы крайнего национализма, стремящегося отбросить другие народы, что развитие национального самосознания пойдет по пути развития националистического варианта манихейства. На то, что есть тенденции в этом направлении, обратил внимание еще Бердяев. В 1940 году он писал, что „вражда к национализму — русская черта“. В 1947 году его точка зрения изменилась: „Есть опасность национализма, которая есть измена русскому универсализму и русскому призванию в мире“⁹»* (1982). *«Во-вторых, продолжается медленный рост национального самосознания русского народа. В-третьих, сложившийся в стране своеобразный вакуум культуры создает благоприятные условия для обращения к православию. Исторически сложилось так, что в России обращение к православию превращается в форму национального самосознания, что опять-таки усиливает стремление к древним ценностям России. В-четвертых, растут определенные настроения своеобразного национального изоляционизма, осознание тяжести для России существования многонационального государства, сохранения обременительных связей с другими странами, которые, по мнению определенной части населения, обходятся нам слишком дорого. Растет усталость от мессианизма, горечь от инцидентов, подобных тем, которые имели с Китаем и Египтом, представление о том, что нас все эксплуатируют»* (1982)¹⁰.

⁹ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991. С. 7, 305-306.

¹⁰ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 348-349.

С тех пор положение значительно усложнилось. «Недовольство ухудшением экономического положения в республиках и общей политической и морально-нравственной обстановкой (что особенно ощущалось в последние годы руководства страной Л. Брежневым и К. Черненко) проецировалось на Центр, который ассоциировался с русскими». В результате «у русских появились оборонительные, защитные, а у части и наступательные настроения... которые вызывали реакцию консолидации среди русских в самой России... Межнациональные установки русских ухудшились не только в республиках, но и в России... По опросам конца 80-х годов, доля русских с этническими предубеждениями возросла не менее чем в 1,5-2 раза»¹¹.

Существует опасная тенденция абсолютизации племенной культуры. Г. Шиманов давно защищал необходимость борьбы с диалогом между народами. Нации не должны «без нужды общаться с инородцами». «Национальные организмы должны быть замкнутыми и непроницаемыми друг для друга». Курьезно то, что эта программа крайнего национального локализма сочетается с идеей сохранения многонационального советского общества, которое рассматривалось как «мистический организм», состоящий из наций, «дополняющих взаимно друг друга и составляющих во главе с русским народом малое человечество — начало и духовный детектор для человечества большого». У Шиманова замкнутость наций каким-то образом сочетается с идеей всемирного православия. Налицо программа, которая прямой дорогой ведет к самоубийственным конфликтам между народами.

Подобные настроения могут найти отклик в национальных республиках. А. Амальрик предвидел, что в кризисной ситуации «крайне усилятся националистические тенденции у нерусских народов Советского Союза, прежде всего в Прибалтике, на Кавказе и на Украине, затем в Средней Азии и в Поволжье», что «в ряде случаев носителями таких тенденций могут стать национальные партийные кадры»¹². В конечном итоге можно предположить инверсионный переход от модификации идеологии извечной борьбы бедных и богатых к ее модификации как столкновения народов.

Автор «Снов земли» пишет: «Видимо, за попыткой догнать и перегнать Запад должен быть зигзаг обособления в себе, берложности и переваривания проглоченного... Кто знает? Может быть, почвенный зигзаг необходим» (Самиздат). Следователь-

¹¹ Дробижсва Л. Кто завоеует русское большинство?..

¹² Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? (Самиздат); см. также: Погружение в трясину (Анатомия застоя). М., 1991. С. 672—673.

но, мысль о возможности существенного поворота к национальным ценностям как своеобразной реакции на период господства псевдосинкретизма в разных формах имела хождение в стране.

Исследования показывают, что на первых шагах перестройки до 1989 года как команда Горбачева, так и леводемократический фланг «не были ориентированы, за редким исключением, на использование национальных идей. И в этом была одна из особенностей России...» Ситуация изменилась с середины 1989-1990 года. Исследования показывают, что, «хотя русская „национальная идея“ в интерпретации патриотического направления общественной мысли широкой популярностью в массах тоже не завоевала, в целом национальные чувства, особенно в связи со вскрывшимися пороками прошлого, недопустимыми условиями жизни, достигли того предела, за которым могли последовать популистские взрывы. И в этот момент произошёл кардинальный поворот в использовании идей российского патриотизма... В мае 1990 года радикальное демократическое направление само выступило с наиболее популярными идеями национально-патриотического движения... Б. Ельцин активно отстаивал в своих предвыборных выступлениях идею российского суверенитета... К весне 1990 года русскую идею взяли на вооружение не только национально-патриотическое, но и демократическое движение... Все заметнее становилась поляризация сил и их конфронтация... „Демократической России“ победу в значительной мере обеспечивали идеи защиты интересов русских и ориентация на возрождение России»¹³. Отсюда, в частности, и возможность обращения к антисемитизму как языку, на котором может быть выражен самый архаичный разрушительный вариант роста национального самосознания. «Исследования показали, что существуют „анти-семитские настроения“... у 1/5 населения в Европейской части России... отмечались такие настроения и в Белоруссии»¹⁴.

Антисемитизм по своей сути играет важную роль как язык крайних форм традиционалистского движения, на котором разные группы пытаются установить контакт вовсе не только по поводу евреев, но по всем основополагающим вопросам судьбы страны, прежде всего по вопросам отношения к власти, к различным группам, их отношениям между собой. Для этих людей еврей — это воплощение мирового зла, это вовсе не тот, кто еврей «по крови», «по паспорту», а тот, кто еврей «на деле», т. е. фактически любой человек, любая группа с иными установками. Антисемитизм не есть только отношение к ев-

¹³ Дробизева Л. Кто завоеует русское большинство?..

¹⁴ Там же.

реям. Это форма постоянного тренажа манихейской идеологии, постоянного сохранения готовности на место евреев поставить любую другую этническую или социальную группу.

В этой связи важен анализ событий в середине июня 1992 года вокруг Останкинской телебашни. Здесь собралась толпа с антисемитскими плакатами, с требованиями предоставления эфирного времени. Разумеется, можно было бы не упоминать эту кучку хулиганов, если бы не симптоматичность этих событий. Они показали, что, во-первых, имеется потенциал активизации деструктивных элементов, которые склонны к поискам самых крайних форм выражения своего эмоционального неприятия власти. Во-вторых, во главе этого движения становятся, как всегда, некоторые интеллигенты. Они могут использовать такое архаичное движение для своих политических целей как некое утилитарное средство, даже в том случае, если идеология этой толпы не совпадает с их собственными идеалами. Например, во главе этого сборища стал коммунист В. Анпилов, который пытался искать компромисс и договориться с властью. Однако идея компромисса не была поддержана толпой. Очевидно, только бескомпромиссное манихейство, поиск бесповоротно конфликтной манихейской интерпретации общества адекватны этой толпе. Раскол народа и интеллигенции постоянно толкает интеллигенцию приспособляться к волнам массового сознания. Данный слой интеллигенции вовсе не смущает, что он при этом теряет свою идентификацию. В-третьих, события в Останкине показали, что власть, по крайней мере ее часть, слабо представляет себе ситуацию. Она несколько дней делала вид, что экстремистский хулиганский шабаш с применением насилия против милиции — всего лишь одна из форм проявления демократии. Представители власти в ранге руководителя телевидения и министра правительства России вступили в переговоры с делегатами толпы. Все это свидетельствует о том, что по крайней мере часть представителей либеральной власти вполне способна под давлением архаичной разрушительной толпы сползти к любым самым крайним идеям, т. е. эта часть может согласиться на поддержку националистической инверсии. При этом речь ведь шла не о массовом движении, а о ничтожном сборище, для разгона которого достаточно было 50 милиционеров.

Этот небольшой эпизод свидетельствует, что все доходящие до глубин жизни России пронесшиеся над ней бури, начиная с Великих реформ прошлого века, не смогли изменить существенные параметры общества, и прежде всего не преодолели раскол. Он вновь и вновь время от времени ставит интеллигенцию и власть, каких бы идей они ни придерживались, на край

метафизической бездны, толкает и тех, и других к смене своих парадигм, к маскараду, и они слишком часто идут на этот маскарад, теряя себя, свое лицо, попирая элементарную нравственность.

РОССИЯ И ЗАПАД

Промежуточное положение России неизбежно делало ее отношения с Западом как носителем либеральной цивилизации проблемой первостепенной важности. Советская система при своем возникновении бросила Западу великий вызов. Западная цивилизация должна была погибнуть под ударами мировой революции, при свете наконец проснувшейся высшей Правды. Впечатление о справедливости этой точки зрения усиливалось тем, что Запад, пытаясь решить свои задачи, искал ответы, апеллируя подчас к иным культурам, включая культуру России. Обращение к ценностям Востока — старая традиция Запада. Еще с древности, с IV века до н. э., в античном мире нарастала тенденция идеализации скифов, которая существовала до самой его гибели. Вольтер ставил в пример Европе Индию, Китай, Россию, преувеличивая позитивные стороны политики русских царей. По его словам, Петр I «в двадцать лет изменил нравы, законы, дух самой обширной на земле монархии» и т. п. Существует целая история попыток западной интеллигенции отыскать альтернативу фашизму, в силу чего она закрывала глаза на то, что происходило в сталинской России. *Это стремление Запада искать Правду на Востоке сослужило плохую службу как России, так и самому Западу.* Инакомыслие России оказалось в изоляции не только внутри страны, но и в мировом масштабе. Противники Сталина не пользовались поддержкой на Западе. Мир боялся взглянуть в глаза реальности XX века и тем самым обезоружил себя перед совершенно новыми явлениями. Запад не осознавал действительного смысла великого вызова, не увидел позади кучки большевиков гигантской многомиллионной силы, не понял взрывоопасности раскола для России, для человечества. Очевидно, и сегодня Россия — стимул для сочинения на Западе некоторых мифов, в частности, используемых там в спорах о справедливости.

Запад выступает для России в разных модальностях. Он прежде всего — некоторое неизбежное условие нашей жизни, которое одновременно является воплощением мирового зла как средоточие и источник разложения, средоточие ложных учений и ложной жизни. Вектор конструктивной напряженности оппозиции «Россия — Запад» указывает, что от Запада к

нам идет зло. Это стимулирует страх, активность субъекта к защите наших ценностей, высшей Правды, усиливает страх перед отпадением, которое автоматически ведет к приобщению ко злу Запада. Эта интерпретация может приобрести жесткий манихейский характер, что влечет за собой рассмотрение оппозиции «Мы — Запад» как извечной борьбы космических сил.

Вместе с тем дуальная оппозиция «Мы — Запад» может рассматриваться *через интерпретацию Запада как непревзойденного источника реальных и потенциальных средств, образцов для наших целей*: техники, науки и т. д., которые могут быть утилитарно использованы буквально во всех сферах нашей деятельности, как источника кредитов и прямой помощи. Здесь вектор конструктивной напряженности меняет свою направленность на противоположную. Либеральный Запад может оцениваться и как источник целей, включающих, например, освобождение личности, права человека, достижение изобилия, справедливости, высокого уровня творчества и т. д.

Запад, с одной стороны,— это зеркало, в котором мы видим убожество наших условий, средств и целей, но, с другой — это культура, к которой мы постоянно обращаемся за помощью. Это мера всех вещей, воплощенная справедливость. На разных этапах развития общества Запад как полюс дуальной оппозиции может играть различную роль. Например, в условиях господства сталинизма манихейская модель была единственно возможной, тогда как на следующем этапе получила преобладание интерпретация Запада как неиссякаемого источника средств. Российский либерализм тяготеет к рассмотрению Запада как источника высших ценностей.

В самой либеральной цивилизации, однако, имели место существенные сдвиги. Запад при возникновении советского общества повернулся к России прежде всего своей негативной стороной, авторитарными режимами, фашизмом, который предпринял опустошительную войну против СССР. Все это подогревало, укрепляло манихейские представления массового сознания, питало манихейскую идеологию, оправдывало существование официального насилия, подавления человека. Теперь положение коренным образом изменилось. Выяснилось, что западный либерализм реально осуществил и осуществляет те идеалы, которые были вкраплены в официальную советскую идеологию, те ее аспекты, которые обещали народу блага в результате победы «социалистического» строя. Выяснилось, что именно либеральная цивилизация имеет ключ к научному, техническому прогрессу, к гуманизму, тогда как традиционализм мог сделать шаг вперед, лишь опираясь на научно-тех-

нические достижения Запада. *Образ алчного капиталиста, превращающего людей в золото, померк на фоне сталинских лагерей. В великом споре, который постоянно вели между собой традиционная и либеральная цивилизации, последняя одержала решающую победу.* Это не было еще достаточно ясно во время составления прогноза 1979 года, когда могло казаться, что Западу не хватит жизненных сил, чтобы парализовать внешнюю агрессию и враждебность традиционализма. Однако и тогда уже было очевидно, что, например, оккупация Западной Европы Советским Союзом, если бы она имела место, привела бы к катастрофическим для России последствиям в связи с ее неспособностью переварить достижения либеральной цивилизации.

Оказалось, что ценности либерализма, связанные с ростом значимости личности, благосостоянием, гуманизмом, свободой и творчеством, были не обманом, как это заявляла антизападная пропаганда, но реальными достижениями. Они оказались жизненно важными не только для либеральных стран, но и для всего мира. Либеральная цивилизация победила в кровавой войне те режимы и государства, которые использовали средства, наработанные либерализмом, для укрепления традиционализма, утверждения антигуманизма, восстановления племенных ценностей в масштабе большого общества.

Победа либерализма получила свое яркое выражение в войне против Ирака в 1991 году, которая стала в некоторых аспектах поворотным пунктом в международных отношениях. Во-первых, она со всей отчетливостью показала, что военные силы либерализма в состоянии парализовать возможность агрессивных войн, покарать, заставить отступить мощного агрессора. Во-вторых, можно говорить о том, что либеральная цивилизация практически достигла такого уровня военного превосходства, опираясь на свои нравственные, организационные, культурные, технические возможности, который не позволяет ее возможным противникам рассчитывать на решающую военную победу.

Развитие либеральной цивилизации совпадает с *формированием первой универсальной культуры человечества*, которая оказалась сильнее всех мировых религий по своей массовости, широте и глубине охвата, по своей способности превращаться в основу не только церкви, но и государства. Эта культура носит *плюралистический, диалогический характер*, позволяя одновременно культивировать и исторически сложившиеся культуры, т. е. сохранять самобытность, разнообразие культур. Она носит *динамичный характер*, имеет тенденцию опираться на науку. Эта культура во многом позволила либеральной ци-

визации в конечном итоге неуклонно повышать уровень сложных решений, затрагивающих судьбы стран и человечества, оставляя позади жалкие потуги провинциальных и невежественных лидеров России решать судьбы стран и народов. Именно в способности повышать эффективность принимаемых решений и лежит решающее преимущество либеральной цивилизации. Это стало особенно очевидно начиная с нового курса президента США Ф. Рузвельта, с разработки эффективных антикризисных механизмов. *Историческая практика либеральных обществ показала, что высокий уровень культуры и творческий потенциал дают эффект не только в локальных масштабах, но и на уровне больших обществ, гигантских объединений стран и народов, о чем свидетельствует развитие единой Европы.* Растущее число стран и народов поворачивается лицом к либерализму, традиционный Восток — прежде всего Япония, «четыре дракона» и еще ряд стран — все дальше отходят от господства традиционализма. Создалась новая ситуация, которая характеризуется *осознанием, что именно Запад и есть современное общество, что сильно ухудшило условия для попыток традиционализма бороться против либерализма.* Однако опыт истории учит, что массовые движения, положение которых ослабляется, например, слабеющие религиозные секты, тем не менее могут вступать в бой с удвоенной, удесятеренной энергией. Традиционализм подчас взрывообразным способом бросается на защиту своих ценностей. Об этом свидетельствует и антимодернизаторский взрыв в Иране, ожесточение традиционализма в разных концах мира, *терроризм*, который можно рассматривать как *последний бастион традиционализма.*

Следует отметить, что при взгляде из России победа либеральной цивилизации стала особенно очевидной в результате событий в странах Восточной Европы в 1989-1990 годах. В ответ на кризис они с разной степенью последовательности пытались встать на путь либеральной цивилизации, обратиться к потенциалу Запада. Человечество не выработало альтернативы этому пути разрешения проблем выше определенного уровня сложности, нахождения новых смыслов социальных проблем высокой сложности, поиска реальной «цветущей сложности» (понятие К. Леонтьева).

Сегодня, в третьем этапе нашей истории, значение Запада возрастает — как эталона, образца для всех, кто стремится к высокой эффективности. Мы, кажется, хотим быть Западом. Запад, однако, — это не только полные магазины, но и способность постоянно повышать эффективность воспроизводства во всех его формах. Истощение реальных воспроизводственных

ресурсов стимулирует нас видеть в Западе еще недостаточно используемый источник ресурсов в виде гуманитарной помощи. Основная помощь, которая нужна России, — это прежде всего рост конструктивной самокритики, рефлексии. Она нужна в достаточно глубоких и скрытых сферах, где возможности помощи, да еще в массовом масштабе, представляются ограниченными и даже нереальными.

Положение России как «застрявшей» между двумя суперцивилизациями, *возможность перехода к либеральной цивилизации не означает, однако, превращения России в Запад. Запад не тождествен либеральной цивилизации.* Предполагаемый переход России к либеральной цивилизации возможен как углубление, а не нивелировка российской специфики, углубление аспектов своей культуры, своей жизнедеятельности, которые ведут к либерализму. Существование Запада для России — постоянный стимул новых возможностей собственного развития, стимул критики собственного исторического опыта.

РОССИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Крах государственности в конце второго периода означал одновременно и крах КПСС, и полный развал мирового коммунистического движения. Тем не менее оно не исчезло. В России существует целый ряд коммунистических партий, которые считают себя преемницами КПСС с теми или иными оговорками. Кроме того, очевидно, что коммунистическое движение имело свои традиции, идущие от древней веры людей в возможность, вопреки росту государственности и социальной дифференциации, сохранить некоторые первобытные идеалы. Это стремление в тех или иных формах, по-видимому, никогда не исчезнет.

Важнейший аспект взаимоотношений Советской России с Западом заключался в том, что она при своем возникновении стала центром мирового коммунистического движения. Это само по себе идеологически как бы подтверждало, что наша Правда является и всеобщей Правдой. Вместе с тем существование этого движения в мировом масштабе свидетельствовало об определенных его объективных предпосылках и в других странах. Существование мирового коммунистического движения — довод в пользу того, что при всей самобытности России ее путь свидетельствует о некоторых общих закономерностях. *В принципе можно сказать, что коммунистическое движение эпохи либеральной цивилизации заключается в стремлении создать особую форму промежуточной цивилизации, соединить определенные элементы традиционных и либеральных*

ценностей, рассматривая последние в качестве средств. Причем это соединение должно отвечать решению медиационной задачи, соединению массового сознания с государственностью на основе утилитаризма. Этим коммунистическое движение отличается от эволюционного стремления на почве либерализма выйти за рамки капитализма и от прямого синкретического бунта, непосредственного стремления вернуться к старым временам. Оно отличается и от социал-демократии, которая идет по пути либерализма, но одновременно пытается создать мощную социальную защиту для тех, кто не способен воспринять либеральные ценности и потому с трудом вовлекается в сферу их действия или вовсе выпадает из этой сферы. Коммунистическое движение несет в себе определенный элемент модернизации и, следовательно, тяготеет к соответствующей идеологии, включающей не только отрицание либерализма, но и признание некоторых его ценностей. Эта двойственность придает ему определенную гибкость, но одновременно подвергает его опасности с двух сторон — со стороны как либерализма, так и традиционализма. Коммунистическое движение связано с переходом от традиционной суперцивилизации к либеральной. Оно достигало максимума энергии где-то в средних эшелонах стран и ослаблялось в первых и последних. Во всех эшелонах коммунистическое движение опиралось на идею руководящей роли рабочего класса как силы, реально, организовано воплощающей единство традиционализма и технических элементов либеральной цивилизации, идеи роста. Однако представления о рабочем классе в разных эшелонах стран были различны. В первых эшелонах возникла традиция включать в рабочий класс всех трудящихся, тогда как в последних — всех бедняков.

В первом эшелоне коммунистическое движение получило слабое развитие, так как стремление к либеральной цивилизации переварило традиционализм изнутри. Там не создалось мощной силы, которая стремилась бы решительно повернуть вспять, массовая база традиционализма неуклонно разлагалась. Крестьянские войны были уже позади. Вспышки недовольства рабочих не могли изменить общего направления развития. Кроме того, их борьба постепенно приняла характер столкновений на почве порядка, основанного на частной инициативе. Тем не менее в критическом отношении массового сознания к либеральному строю есть элементы, идущие от традиционализма. Он не исчез, но отступил на нижние уровни культуры.

Возникновение коммунистического движения связано со вторым эшелонам стран, где либерализм, чье развитие уско-

рялось внешними импульсами, пытался утвердиться, не приобщив в должной степени к своим ценностям весь народ. Возникновение марксизма в Германии было стимулировано страданиями рабочих — слоя населения, в то время еще близкого традиционализму, но попавшему в новые условия. Однако традиционалистский пафос Маркса преодолевался признанием относительной прогрессивности капитализма. Следы традиционализма можно видеть у Маркса, например, в рассмотрении денег как «всеобщего извращения индивидуальностей», но одновременно это не мешало Марксу оценивать их как «подлинно творческую силу» («Экономическо-философские рукописи 1844 года»). Во втором эшелоне, прежде всего в Германии, Италии, возможно, Франции, коммунистическое движение получило значительное развитие, так как существовали слои, опасавшиеся дальнейшего движения вперед на либеральной основе. Идеал коммунизма здесь рисовался как использование всех достижений либеральной цивилизации путем соединения их с ценностями города, городского рабочего.

В третьем эшелоне, т. е. в России, коммунистическое движение пыталось изменить западный идеал коммунизма, с тем чтобы соединить ценности науки и техники, машинной цивилизации с общинными идеалами крестьянства, чтобы создать общество-общину. Кажущееся равновесие между традиционализмом и элементами либеральной цивилизации скрывало преобладание традиционализма, однако до глубины пораженного утилитаризмом. Коммунистическое движение в этом эшелоне, как и во всех последующих, отошло от точки зрения Маркса, что «коммунистическое движение никогда не может исходить из деревни, а всегда только из городов»¹⁵. Большевик делал ставку на город, но сами города с их слаборазвитой городской культурой оказались захлестнуты деревней, и сами господствующие идеалы не порывали с традиционализмом деревни.

Возможно, к последнему эшелону можно отнести Кампучию, где была сделана попытка в максимальной степени вернуться к древним формам цивилизации, истребить утилитаризм, городскую культуру, интеллигенцию, квалифицированных рабочих, всех, кто как-то возвысился над средним уровнем. Использование средств либеральной цивилизации сводилось практически к военной технике. Тем самым это движение лишь с определенной натяжкой можно расценивать как коммунистическое.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 350.

Из прогноза 1979 года: «Хотя коммунистическим движениям всех этих эшелонов присущи общие черты, тем не менее склонность к монологу заставляет их опасаться друг друга. Особенно опасны близкие формы. Если вектор конструктивной напряженности Маркса повернут вперед, т. е. к прорыву через капитализм, то Кампучия Пол Пота стремилась к восстановлению догородского первобытного традиционного общества. Весь спектр векторов компартий расположен между этими двумя точками. В сущности, на своих флангах оно теряет свою специфику. На одном фланге (Кампучия) оно сливается с чистым синкретизмом, на другом (еврокоммунизм) — становится формой либерализма. В последнем случае возникает опасность антилиберальной реакции в самих партиях.

Трагедия коммунизма заключается в том, что его цели отвечают определенным формам промежуточного сознания, образа жизни, но не отвечают принципиальным возможностям социальной деятельности и социальной организации. Это движение может овладеть совершенной техникой, но не может соединить в одно два разнородных типа общества, как невозможны способные к воспроизводству биологические гибриды далеко отстоящих друг от друга видов»¹⁶.

Коммунистическое движение третьего эшелона (т. е. России) в условиях раскола приобрело специфическую форму большевизма, так называемой партии нового типа. Эта партия в силу своего ошеломляющего успеха в 1917 году создала образец для всех иных партий, ставших на путь имитации большевизма в самых различных конкретно-исторических условиях. Коммунистическое движение в своей большевистской версии опиралось на способность людей создавать интеллектуальные построения, внутренняя логика движения которых способна постоянно амбивалентно ориентироваться не только на некоторый принцип, но одновременно на его отрицание, ориентироваться одновременно на отрицающие друг друга ценности двух цивилизаций, на постоянный устойчивый поиск их отношений, на формирование общества, основанного на хроматических решениях. Большевизм направлен на формирование государственности особого типа, которая в процессе решения медиационной задачи была способна манипулировать государственным аппаратом, армией, самой партией, профсоюзами, церковью и т. д. Большевистская версия коммунистического движения ставит своей задачей быть выразителем настроений и интересов миллионов людей, что делает его утилитарную

¹⁶ См.: Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 357-358.

беспринципность результатом мозаики культурной ситуации общества, стремления сохранить цель в бурном море социокультурных перемен. Это, между прочим, означает, что коммунистическое движение в исторической перспективе открыто и либерализму, как, впрочем, и традиционализму, т. е. двум противоположным вариантам своего самоотрицания. Именно этим объясняется возможность возникновения либеральных коммунистических правящих элит, способных добровольно или почти добровольно отойти от власти в критических ситуациях в тех случаях, когда именно этот шаг позволяет уменьшить опасность дезинтеграции общества. Это явление можно было наблюдать в ряде стран Восточной Европы. В условиях перестройки в СССР можно было наблюдать попытку сознательного смещения центра власти от партийных структур к государственным, что завершилось крахом партии как инструмента власти и победой либерализма.

В целом коммунистическое движение не имеет четких границ и выступает как диапазон утопических движений, стремящихся интегрировать общество на основе того или иного варианта синтеза эрозированного традиционализма, вооруженного либеральными средствами, с усеченным либерализмом. Коммунистическое движение в конечном итоге — всего лишь проявление попыток традиционализма приспособиться к новым процессам, к различным эклектически вырванным элементам либеральной суперцивилизации, к новому уровню потребностей, но при одновременной парадоксальной попытке низвести эти элементы до собственного уровня. Поэтому культурное и идеологическое содержание этого движения в разных странах (включая бывшие республики СССР) существенно различно, что сознательно или неосознанно вуалировалось унификаторскими устремлениями центрального руководства КПСС.

Значение коммунистического движения заключается также в том, что оно показало: на переломе между двумя суперцивилизациями возникают мощные движения, препятствующие этому переходу. Они могут носить разный идеологический характер, включая национализм, фундаментализм, формировать различные идеологические гибриды.

Коммунистическое движение, само его название оказалось сильно дискредитировано (везде, кроме России) не только в результате его краха в СССР, открывшего картины неслыханных преступлений, но и ярко выраженной его повсеместной нефункциональности, повсеместной неспособности решать реальные проблемы. Однако опыт этого движения, прежде всего его способность создавать веер сочетаний традиционализма и усеченного либерализма, гибридных сочетаний нравственных

идеалов, одобренных утилитаризмом, открывает путь для понимания сути бесконечных аналогичных движений, которые ищут другую идеологическую окраску, в частности религиозную, для подобных эклектических сочетаний.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Борьба за высшую Правду в мировом масштабе придавала внешней политике псевдосинкретизма совершенно особый метафизический смысл. Люди, ее проводившие, чувствовали себя носителями Правды, что освобождало их от всяких нравственных норм, что, впрочем, не мешало им соединять свое представление о Правде с утилитарными целями, подчас примитивными и узкими.

Высшая Правда, в условиях господства псевдосинкретизма вписывавшаяся в манихейский миф, требовала вражды к Западу. Идея высшей Правды постепенно проникалась утилитаризмом — некоторым неопределенным представлением о необходимости максимизации пользы для нас и максимизации вреда для наших реальных и потенциальных противников. Разумеется, сами критерии пользы и вреда носили случайный характер и не поднимались выше уровня обыденного сознания. Поэтому просчеты во внешней политике стали повседневным делом. Внешнеполитическая тактика позволяла получать маленькие выигрыши, но постоянно вела к проигрышу в главном, вела к ослаблению связей с миром, подрывала интеграцию мира. Если утилитаризм в своих расчетах не в состоянии опереться на реальные тенденции, он неизбежно порывает связь с глубоким ходом истории и поэтому в конечном итоге проигрывает.

«Например, захват Афганистана остался бы просчетом даже в случае быстрого военного решения, так как он является вызовом крепнущему нравственному идеалу человечества, отвергающему вооруженное вторжение одной страны в другую. Это вторжение приводит к проигрышу в главном, оно усиливает военную опасность, ослабляет страну, увеличивая число народов, которые будут ждать удобного момента, чтобы освободиться от оккупации» (фрагмент 1980 года)¹⁷.

Просчетом была довоенная внешняя политика, закрывавшая глаза на агрессивность и авантюризм фашизма, политика, которая уничтожила буферные государства между СССР и Германией и открыла врагу путь в страну, манихейская поли-

¹⁷ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 359.

тика, питаемая враждой к либерализму и приведшая к катастрофе 1941 года.

Из прогноза 1979 года: *«Просчетом является современная внешняя политика, которая в определенном смысле — инверсия на довоенную. Она направлена на подготовку к войне в таких масштабах и такими методами, что приводит к росту военной опасности. Внешняя политика, основанная на псевдосинкретизме, неуклонно разрушает сама себя. Можно лишь удивляться тому, насколько утилитарная политика, оценивающая себя как основанную на расчете и анализе реальности, в действительности склонна действовать вопреки ситуации, поддаваться инверсионным силам, инверсионной реакции на прошлые неудачи, действовать по аналогии с прошлыми удачами, не замечая, что мир уже стал другим.*

Современный утилитаризм не учитывает, что сила сеет страх во всем мире, а страх не только вызывает ответную подготовку к войне, но и сам по себе является грозной опасностью. Страна, постоянно увеличивающая свой военный наступательный потенциал, страна, которая за последние несколько десятилетий постоянно увеличивала свои территории, зону, занятую войсками, склонная оказывать „братскую помощь“, включающую ввод войск, не может не внушать возрастающего страха, а эскалация страха — путь к войне»¹⁸.

Внешняя политика шестого «застойного» этапа поставила страну в изоляцию, превратила ее в глазах всего мира в опасного агрессора. Общий отказ от манихейской идеологии на седьмом этапе привел к отказу от манихейской внешней политики. Это, несомненно, было результатом не только принципиального изменения господствующего нравственного идеала, но и понимания явной невыгодности с точки зрения утилитаризма, безусловного стремления к максимизации пользы «нам» и вреда «им», даже если критерии утилитаризма формируются на основе манихейских представлений. Успех внешней политики на седьмом этапе — свидетельство патологического характера прошлой внешней политики. Тем не менее опасность возвращения к манихейству существует. Эта возможность вытекает из более общей возможности краха господствующего антиманихейского нравственного идеала, что неизбежно вызывает мощную потребность в смене идеологии, в возврате к представлению о существовании различных внешних и внутренних врагов, т. е. создает иную культурную основу для внешней политики. Это может быть новая версия всемирного

заговора против России «руссофобов», которые окажутся «виноваты» во всех бедах. Не исключен такой поворот в результате внутренних конфликтов, в которые могут оказаться втянуты пограничные, а возможно, и более отдаленные страны. Не исключен и вариант прихода к власти сил с имперскими амбициями, пытающихся поднять племенное сознание до масштабов большого общества. Одним из стимулов этого является катастрофический распад СССР и растущая в результате этого унижения национального чувства обида за непризнанную Правду, за «неблагодарность» и т. д.

Здесь нет, разумеется, автоматизма. Возможен разрыв между оголтелым идеологическим манихейством и относительно спокойной внешней политикой. Опыт прошлого, однако, не свидетельствует в пользу высокой способности правящей элиты на такое опосредованное мышление.

Внешняя политика — не только результат внутренних процессов. Она зависит от партнеров, от их знаний правил, по которым ведется наша внешняя политика. Очевидно, что если партнеры поведут себя таким образом, что сделают манихейскую политику утилитарно невыгодной, т. е., например, слишком дорогой, то это послужит фактором отхода от манихейства утилитарной внешней политики. Внешняя политика до этапа перестройки постоянно колебалась, с одной стороны, между манихейским стремлением предотвратить опасность сближения и, в конечном итоге, перехода к либеральной цивилизации, с другой стороны — достижением того, что в тот момент считалось пользой. Внешняя политика, следуя логике хромающих решений, металась между «принципиальностью» и «реализмом».

Горбачев отказался от рассмотрения войны с мировым империализмом как естественного результата раскола мира на лагери социализма и капитализма. Это был отказ от идеи внешнего врага как определяющего фактора всей жизнедеятельности общества, от возможности черпать энергию для интеграции общества в страхе перед мифическим злом, в запугивании общества жупелами империализма, сионизма и иных внешних врагов. Сменилась модель мира, но в итоге расколотое общество лишилось важного интегратора, что снизило массовое признание ценности государственности, способность ее воспроизводства.

Одновременно изменился геополитический взгляд на мир. Манихейская картина мира была проста: весь мир делился на два антагонистических лагеря, готовящихся к очередной смертельной схватке. Между ними могла иметь место промежуточная сфера, части которой следовало различными тайными и

явными средствами перетягивать на нашу сторону, чтобы усилить свою позицию перед неизбежной схваткой. Теперь же мир распался на великое множество особых стран и народов. К ним неожиданно присоединились и бывшие республики СССР со своими многочисленными и сложными проблемами и претензиями к России. Здесь нужна была новая внешнеполитическая философия, новый взгляд на геополитику, принципиально отличную от прошлой. Изменилась не только философия, модель мира, но фундаментальные факторы геополитического положения России. Добиваясь суверенитета, руководство России фактически возглавило на республиканском уровне борьбу за ослабление и уничтожение СССР. Составные части СССР из внутренних частей империи превратились для России в «ближнее зарубежье», отношение с элементами которого стало сложной проблемой. Объективно Россия оказалась отодвинута от Запада, от нее в первую очередь отделились западные республики, что усиливало в стране незападнические элементы и вместе с тем парадоксальным образом сочеталось с поворотом внутренней и внешней политики страны к западничеству. Попытка заключить устойчивое соглашение между тремя славянскими государствами, превратить их союз в некий костяк нового содружества окончилась неудачей, так как силы локализма, недостаточная потребность бывших республик друг в друге в условиях активизации локализма, всеобщее стремление каждой из стран, выделившихся из СССР, усилить свои позиции в борьбе за монополию на дефицит противостояли различным формам этого объединения. Между тем хозяйственная дезорганизация, опасность взаимных конфликтов по бесчисленным поводам, отсутствие пригодных и освященных опытом способов разрешения взаимных проблем толкали в противоположную сторону. Но силы локализма, страх перед тем, что руководство России займет место имперского центра, до сих пор стимулируют безоглядный распад, включая разрушение хозяйственных связей.

Оценка современной геополитической ситуации и превращение этой оценки во внешнюю политику при давлении различного рода доктринарских представлений являются важной проблемой. Существует явное стремление ориентировать внешнюю политику на борьбу за возвращение к СССР, что является практически либо маниловской абстрактной мечтой, ностальгией по прежним временам, либо стремлением к ослабленному варианту объединения славянских республик, что также не встречает у них реального отклика.

Важнейшая особенность новой геополитической ситуации заключается в опасности распада страны и в возникновении

реального давления на южных границах. Миграционные потоки, которые раньше шли из центра на периферию во всех доступных направлениях, столкнувшись с препятствием, повернули в противоположную сторону. Окончился многовековой процесс колонизации окружающей территории. Не пойдет ли следом миграция страдающих от перенаселения народов?

Сложность реальной внешней политики усиливается сегодня необходимостью выработки определенной внешнеполитической позиции по множеству проблем, возникающих в результате распада СССР. Важнейшая из них — отношение к представителям русскоязычного населения, которые оказались в различных государствах, в различных, подчас конфликтных ситуациях. Всякие попытки притеснения этого населения по языковому и этническому признаку в новых государствах могут иметь и для этих государств, и для общей ситуации крайне негативные, дестабилизирующие последствия. В связи с этим перед Россией стоит сложная задача четкого разделения международного права и защиты этих людей.

Нельзя закрывать глаза и на то, что глубочайший упадок, в котором сегодня находится страна, является важнейшим фактором отношений с внешним миром, так как без нормальных отношений с Западом нет реальных надежд преодоления хозяйственной разрухи. Разумная внешняя политика поэтому должна ориентироваться на страны, которые могли бы в этих трагических для России обстоятельствах оказывать ей максимальную поддержку. Среди таких стран следует указать не в последнюю очередь на Японию, культурно-исторический и экономический потенциал которой, заинтересованность в совместных проектах могут оказаться исключительно важными не только с экономической точки зрения. Большое значение могут иметь отношения с Израилем, так как многие из израильских бизнесменов испытывают ностальгию по России и склонны оказывать поддержку различным проектам. Кроме того, израильские деятели лучше других знают не только то, как решать проблемы в специфических условиях России, — они могут легче других вступать в контакт с нашими предпринимателями и чиновниками.

Сложность положения России в современном мире требует развития связей с разными регионами мира, исключает одностороннюю ориентацию на Запад или на Восток и требует постоянных попыток установления двусторонних связей со всеми странами, в первую очередь с сопредельными, что должно тормозить всякие попытки изоляции.

Важной сферой внешней политики должна явиться попытка создать институционализированные механизмы решения некото-

---

рых общих проблем, оставшихся в наследство от бывшего СССР,— от хозяйственных до экологических и борьбы с преступностью. Особенно важным представляется создание механизмов, предотвращающих вооруженные конфликты.

Не следует забывать, что историческое банкротство заставляет нас с величайшим вниманием искать пути решения двоякой задачи: с одной стороны, совершать мучительную работу самоуглубления в диалоге с другими народами; с другой стороны, находить меру между собственной инерцией в использовании своего сложившегося опыта и следованием чужому опыту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОПЫТ РОССИИ

И СУДЬБА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

РОССИЯ — КРИЗИСНАЯ ТОЧКА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Быть может, каждый народ, прошедший длительный противоречивый путь, открывает какую-то тайну человеческой истории, некоторую сторону ранее скрытых движущих сил социокультурных изменений. За этот опыт народы расплачиваются подчас громадными жертвами, а иногда и гибелью. Но тем самым человечество открывает новые грани многообразия своего существования, новые опасности, наращивает качественно новые пласты исторического опыта.

Россия не может быть понята на основе дуальной оппозиции «Восток — Запад», хотя эти два полюса требуют своей социокультурной интерпретации на материалах России. Иные перспективы открываются при изучении страны в рамках оппозиции «либеральная — традиционная цивилизация». Эта оппозиция носит исторический характер, т. е. раскрывает определенную последовательность времени возникновения цивилизаций. Однако эта оппозиция имеет не только диахронный, но и синхронный характер. Соотношение этих двух цивилизаций раскрывается как соотношение стран и народов, разных суперцивилизаций, отношение элементов разных суперцивилизаций в рамках одного общества, одного народа, одной культуры.

Возникновение либеральной суперцивилизации поставило перед человечеством, перед каждым народом проблему поиска своего места среди суперцивилизаций, проблему перехода между ними. Этот переход можно преодолеть различным образом. Он может быть относительно безболезненным. Но он может привести к ситуации, когда общество как бы застревает в промежуточном состоянии, оказываясь неспособным ни перейти к новой цивилизации, ни вернуться назад. Эта трагическая ситуация ставит какие-то новые, ранее неизвестные про-

блемы не только перед этой страной, но и перед всем человечеством. Этот переход, по сути дела, — проблема всей человеческой истории, так как речь идет о переходе между двумя основными суперцивилизациями¹, о возможности застрять на этом пути, перестать быть страной традиционного типа при неспособности перейти к либеральной суперцивилизации. *Основная проблема промежуточной цивилизации — это исключительная трудность совершения коперниковского переворота, т. е. перехода от традиционной к либеральной цивилизации.*

В России циклические формы социальных изменений расколотого общества привели к выходу на поверхность скрытых механизмов человеческой истории, которые в этой стране проявлялись с особой отчетливостью, что входит в картину самобытности российского общества. Специфика исторического пути России привела к расколу, к чудовищному внутреннему напряжению, разрядка которого могла иметь катастрофические последствия не только для России, но и для человечества. Отсюда возникает особая задача науки — анализ механизмов перехода между обеими цивилизациями, способов избежать на этом пути катастроф, учитывая, что в современном мире они могут разрастись из локальных в мировые. Сегодня опасности, возникающие на переходе между суперцивилизациями, являются одновременно опасностью для человечества, потенциальным источником мирового конфликта. Расколота страна, попавшая в положение «застрявшей», может стать похожей на атомную бомбу, где от соединения две части заряда предохраняет некоторая прокладка. Ее нарушение создает необходимую для взрыва критическую массу.

С момента появления либеральной цивилизации человечество стало развиваться как постоянное взаимопроникновение и конфликт между двумя основными суперцивилизациями. При этом каждая из них постоянно в явном и скрытом виде обращается к другой в поисках способов решения собственных проблем. Соотношения их культур в каждой из стран существенно различны.

В первом эшелоне стран, вступивших на путь либеральной цивилизации, прежде всего в Англии и в США, процесс вытравления новой суперцивилизации шел медленно и не без потрясений. Он не застрял на своих архаичных формах, но поднялся на высшие ступени традиционной цивилизации, чем создал условия для максимально безболезненного перехода к либерализму. Постепенно преодоление традиционализма дало

¹ Ахиезер А. С., Матвеева С. Я. «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку...» // Атмода (Рига). 1989. 29 апр.

возможность избежать серьезных опасных попыток повернуть назад, подавить либеральные ценности как таковые. Борьба переместилась в сферу диалога на почве либеральных ценностей. Традиционализм, разумеется, не исчез, но постепенно терял массовую базу.

Во втором эшелоне, прежде всего в Германии, положение усложнилось. Германия по своей культуре и историческим судьбам оказалась втянута в либеральный процесс. Однако ее общая отсталость в условиях серьезного внутреннего кризиса привела к чудовищному бунту традиционализма, приобретшего форму фашизма. Фашизм, апеллируя к древним, прежде всего племенным ценностям, показал разрушительную силу движения, пытающегося всеми силами найти комфортное состояние в национальной исключительности, в насилии над всем, что вызывает дискомфортное состояние, в расизме. Это движение подавило, оттеснило на задний план иные формы традиционализма. Фашизм исторически возник где-то при переходе к развитым формам западного либерализма и был, по видимому, попыткой консервативных элементов предотвратить этот переход. Он возник в период социального кризиса западного капитализма, в период его перестройки, приспособления к системе массового производства, при переходе на более высокий и глубокий уровень всеобщей внутренней связи в обществе. Фашизм был попыткой широких масс приостановить развитие организационной революции, сохранить сложившийся уровень частной инициативы и не расширять его. Сложившиеся ценности, как казалось тем, кто составлял основную силу фашистского движения, находились под угрозой двух факторов — крупного капитала, угрожавшего вытеснить мелкое производство, и коммунизма, ставившего под угрозу любую личную инициативу, самую возможность существования организационных форм частной инициативы. Фашизм опирался на социальные слои, осознавшие связь между динамикой собственного труда и благосостоянием. В России же именно этот слой был жертвой социального переворота. Опасность фашизма, следовательно, связана не столько с промежуточной цивилизацией, хотя и при ней она существует, например, в форме черносотенного движения в России, сколько с переходом к зрелым формам либерализма.

Россия оказалась третьим эшелоном среди стран, вступивших на путь перехода к либеральной суперцивилизации, где традиционализм в результате заколдованного круга, раскола задержался на своих архаичных формах, где либеральные силы не смогли сделать свои ценности господствующими,

где антилиберальная реакция привела к краху государственности, к катастрофе.

В системе этих эшелонов Россия находится в некотором центре, характеризуемом тем, что ни одна из двух суперцивилизаций не заняла в нем господствующее положение. Россия находится в кризисной точке истории. В отличие от всех других эшелонов здесь сложилось некоторое подобие патовой ситуации, когда, с одной стороны, традиционализм сохранил свою мощную массовую базу, но, с другой — столь же массовое влияние умеренного утилитаризма создало почву для постоянного культивирования либеральных ценностей, хотя и в одностороннем, усеченном виде. В России взаимное отрицание традиционализма и либерализма привело к расколу. Сложность перехода к либеральной суперцивилизации заключается в том, что для этого нужен неуклонный подъем творчества, рост массовой личной инициативы в сфере труда, экономики и социально-политической жизни, переход к новому типу воспроизводства на основе нового менталитета. При этом возникает опасность того, что будет нарушена мера деятельности по защите локальных интересов и одновременно большого общества.

Специфика первых, двух эшелонов заключается в том, что рост утилитаризма, городов, весь социально-культурный процесс обеспечил медленное приобщение всего общества к ценностям либерализма, медленно менял характер социальных интеграторов. Практически это означало, что власть постепенно, хотя и не без конфликтов, склонялась к либеральному развитию, иногда отставая, иногда обгоняя почвенный процесс либерализации. Вспышки традиционализма, прежде всего крестьянские восстания, включая знаменитую Вандею, не могли затормозить усиление либерализма, развитие срединной культуры.

Миллионы людей, которые умеют защищать себя, свои локальные интересы, одновременно осознанно совершенствуя целое, развивая государство, являются величайшим достижением западной цивилизации, выработанным в процессе длительного развития культуры, бесконечных проб и ошибок. Развитие ответственности за целое, осознание того, что государство — результат непосредственного творчества миллионов, а не грозная внешняя капризная сила, — мучительный процесс. Он не закончен нигде, даже в самых развитых либеральных странах. Переход стран Запада ко второй суперцивилизации сопровождался периодическими возмущениями каких-то групп, которые могли быть направлены как против тягостного и изживающего себя старого строя, так и

против новой системы, которая еще не научилась в должной степени учитывать их ценности. Однако практически стабилизация в конечном итоге опиралась на растущие, пронизывающие основную массу населения ценности развитого утилитаризма и либерализма. Для средневекового Запада было характерно свободное правовое равновесие между разными слоями, уменьшение односторонней зависимости, что снижало вероятность раскола. Великая победа Запада заключалась в том, что «западные страны модернизировались в целом, всей системой переходя от эпохи к эпохе, успевая „просветиться“ до низов, до санкюлотов»². Это создавало путь для превращения низа в верх, для возрастающего влияния низов на власть, но уже не через восстания, а посредством либерально-демократической системы.

Этого результата нельзя достичь инверсионным скачком, уничтожением в единый миг старой власти. Правящей элите, например, в *старом Китае*, не всегда удавалось противостоять разрушению уравнительности. В таких случаях начинали действовать скрытые мощные механизмы, призванные восстановить прежнее положение. В качестве такого рода механизмов выступали крестьянские восстания, сметавшие старую правящую элиту и выдвигавшие новую, преданную уравнительным идеалам. *Новая элита, почвенная по происхождению, получившая власть в результате крестьянского восстания, неуклонно следовала уравнительному принципу в распределении земли, в налоговой системе. Тем самым большинство населения Китая — крестьянство успешно обеспечивало прочность государства, призванного хранить традиционные ценности.* Следовательно, локальное творчество в моменты национальных кризисов, выплескиваясь вверх, оказывалось способным обновить правящую элиту и сохранить государственность. Это могло иметь место лишь в результате однородности конструктивной напряженности на всех этапах общества, в результате отсутствия раскола, что позволяло пастуху стать императором. Хвастовство Хрущева, что в детстве он пас гусей, имело за собой определенную древнюю историческую традицию, стремление правящей элиты обосновывать свои права приверженностью народным ценностям.

Сохранению на всех этапах общества древнего Китая единой конструктивной напряженности способствовал механизм постоянного обновления правящей элиты. Система экзаменов, требуемых для занятия официальных должностей, в принципе делала возможным для человека, занявшего первое

² Померанц Г. С. Модернизация// Самосознание. Нью-Йорк, 1976 (курсив мой.— А. А.).

место на экзаменах, независимо или почти независимо от его происхождения стать затем императором. *Такая система постоянно укрепляла государство, стимулируя движение вверх свежих консервативных сил, что предотвращало раскол.*

В России крестьянские восстания также пытались смести правящую элиту, разрушить государство, заменить его системой однотипных общин, использовать опыт казацкого круга. Однако раскол, неспособность управлять обществом, где уже получил существенное развитие новый тип конструктивной напряженности, привели к тому, что восставшие не могли интегрировать расколотое общество. Это обуславливало их поражение. В этом, казалось бы, было явное преимущество России, так как здесь выявлялась неспособность архаичных сил затормозить поступательное развитие, остановить развитие новых ценностей, что открывало путь прогрессивному развитию, просвещению, модернизации. Но одновременно и элита не могла подчинить народ новым ценностям, не могла обеспечить поступательное развитие либерального типа. Эта обоюдная неспособность усиливала раскол, приводила к росту взаимного отчуждения и страха, ненависти почвы к элитарным слоям. В результате накапливался взрывоопасный материал, что с неизбежностью приводило к периодическим разрушениям государственности.

Специфика России заключается прежде всего в том, что она пытается приспособиться к переходному состоянию, закрепитесь в нем, в крайней болезненности этого процесса. Специфика России в том, что раскол, будучи результатом неспособности завершить этот переход, стимулирует, создает, формирует специфическую систему неорганических явлений (например, беспочвенность интеллигенции, хромающие решения и т. д.). Это позволяет *рассматривать Россию как некоторый особый неорганический цивилизационный тип. Ее исторический опыт может служить основой для изучения опасностей перехода от традиционной к либеральной цивилизации, пролить свет на определенные процессы, протекающие и в других странах.*

ОПЫТ ИСТОРИИ РОССИИ

В рукописи 1981 года мною был зафиксирован следующий вывод: *«Первый модифицированный инверсионный цикл, который можно назвать также первым глобальным периодом, состоял из семи этапов. Второй инверсионный цикл прошел пять полных этапов, аналогичных соответствующим этапам первого периода.*

Сопоставление двух глобальных периодов позволяет говорить о некоторых важных закономерностях истории России. Последовательно сменяют друг друга нечетные идеалы в обоих глобальных периодах (первый, третий, пятый, а в первом глобальном периоде — и седьмой), ориентированные на народную Правду, на ценности земли. Они несли в себе опасность победы локальных принципов, победы анархической воли над целым, опасность того, что общество, по словам Г. Федотова, будет „сожжено”. Неконструктивность этого движения приводила в конечном итоге к инверсионной смене ценностей, к идеалам Правды большеака, первого лица в государстве (второй, четвертый и шестой идеалы). Этот тип идеала, однако, также оказывался в конечном итоге неконструктивным, так как перекрывал все источники творчества, „замораживал” все живое тело страны. Модифицированные инверсионные циклы, оба глобальных периода делятся на два полупериода. Граница их находится в середине четвертого этапа, в момент апогея крайнего авторитаризма и начала его упадка. Первый полупериод связан с колебательным движением от соборного идеала к авторитарному, история второго — колебательное движение в противоположном направлении и представляется в известном смысле зеркальным отражением первого. Многое в нем приобретает противоположную направленность. В первом полупериоде общество двигалось от разочарования в хаосе народной Правды, от разочарования народа в собственных силах к крайнему авторитаризму. Преобладающее настроение, хотя и не без колебаний, тяготело к вере в „Моисеев жезл” власти. Во втором полупериоде общество двигалось от разочарования в деятельности власти к локальным ценностям народной Правды. Власть в этих условиях вела скорее оборонительную, чем наступательную политику. В обоих полупериодах основная линия развития страны не выступала в явном виде из-за существования промежуточных вялых инверсий...

Сходство между двумя модифицированными циклами можно признать значительным, доходящим подчас до второстепенных деталей. В сущности, второй (модифицированный) инверсионный цикл стал новым этапом, проявлением этого противоборства двух типов цивилизации, ведущих борьбу в рамках единого тела России...

Само совпадение последовательности смены этапов, смены нравственных идеалов — свидетельство всеобъемлющей власти над советским обществом, как и над ему предшествующим, сил исторической инерции. В этом смысле советское общество, окутанное густым туманом мифологии, из-

влекло крайне ограниченные уроки из прошлого России. Оно не смогло пока выйти из-под власти древней необходимости, преодолеть ее творческими усилиями миллионов. Власть сил исторической инерции над обществом говорит о том, что псевдосинкретизм в своих скитаниях заключен в определенные рамки, т. е. существует вполне определенное конечное количество его вариантов, которые могут в России занять господствующее положение. Эта конечность есть неизбежный результат циклического развития мозаичного идеала»³.

Теперь (написано в 1992 году) к этому обобщению можно добавить, что наше общество прошло также шестой и седьмой этапы, так что окончился второй модифицированный инверсионный цикл. История не остановилась на этом, перенося с собой старые проблемы и выдвигая новые. Прошедшие циклы позволяют сформулировать некоторые обобщающие идеи, в частности касающиеся специфики второго периода. В истории России в ответ на нарушения уравнительности не происходило, как, например, в истории Китая, победоносных крестьянских восстаний, которые восстанавливали архаичную государственность на основе уравнительности. Можно сказать, что в России имела место задержка в разгроме государства, переставшего охранять уравнительность. Это произошло в 1917 году, но в существенно особых условиях, т. е. тогда, когда в обществе уже распространился массовый утилитаризм. Умеренный утилитаризм также получил определенное распространение. Где-то на шестом этапе появилось ходячее выражение, невозможное для традиционализма: «Это ваши заботы», резко отделяющее, противопоставляющее интересы и ценности разных суверенных личностей. В результате роста возмущения против нарушения уравнительности возникла система, не предвиденная ни одной из участвующих в перевороте социальных сил. Это было общество промежуточной цивилизации, возникшей в результате глубокого раскола. Слабость этого общества заключалась в том, что оно не имело под собой прочного культурного основания. («Кто ваши учителя? Любой от вас шархнется»,— говорит один из героев Ю. Домбровского⁴.)

Промежуточность этого общества заключалась не только в том, что оно было переходным между двумя типами суперцивилизации, но и в том, что оно постоянно пыталось приспособиться к этой промежуточности, создавая патологические формы отношений, закреплявшие эту промежуточность. Древний

³ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 2. С. 319-320, 342, 320.

⁴ Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей.

синкретизм разрушал государственность, а культура, связанная с ростом и развитием, имела слабую одностороннюю поддержку. Общество оказалось без ориентиров, без достаточной способности понять себя, собственные слабости, нащупать свою ограниченность, свою изнанку. Это делало сложившуюся систему не только уязвимой для критики со всех сторон, но и чем-то противоестественным в глазах собственных сторонников. Последние утешались тем, что ее минусы — временное явление, болезнь роста. Новая система возникла как реакция на разнообразие, на диалог, как взрыв против «кадетов» и власти, которая была неспособна подавить либерализм. Отсюда стремление нового общества *создать иллюзию абсолютного единства, воплотить единую и единственную Правду, не знающую либерального плюрализма.*

Подавление разнообразия привело к иной, не менее грозной опасности. Разрушение наиболее творческих форм деятельности в культуре, в экономике, в политической жизни, снижение их до повсеместного торжества серого творчества лишило общество разума, красоты, веры, духовной силы. Тем самым общество снижало способность принимать удовлетворительные решения, лишало себя возможности ориентироваться во все более сложном мире. Между тем сами задачи, которые необходимо было решать, делались с каждым днем все более трудными. Положение России как застрявшего общества между двумя основными суперцивилизациями оказалось крайне опасным, так как оно привело к таким сочетаниям элементов мозаики псевдосинкретизма, которые могли оказаться неспособными обеспечить минимальный уровень самопознания, понимания мира и своего места в нем, а следовательно, неспособности обеспечить основу для борьбы со стихийными разрушительными процессами.

Переворот 1917 года не разрешил главной проблемы — он не ликвидировал раскол, не уничтожил разрыв между локальными ценностями и государственностью, между архаической волей и деспотической властью. Сверху Россию стремились заморозить, превратить в холодильник, а снизу — превратить в костер⁵. Анализируя поэму «Медный всадник» Пушкина, Г. П. Федотов писал, что персонаж этого произведения обыватель Евгений — несчастная жертва борьбы двух начал русской жизни. Он гибнет под копытами коня империи или в волнах революции. Называя всадника «кумиром», поэт подчеркивал языческую природу государства⁶.

⁵ Федотов Г. П. Русский человек// Федотов Г. П. Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981. С. 91.

⁶ Федотов Г. П. Новый град. Нью-Йорк, 1952. С. 249

Двойственность нравственных начал государственности обусловила слабую способность воспроизводить целостное общество, преодолевать несовместимость общих и локальных интересов, неспособность обеспечить достаточный уровень взаимопроникновения расколотых частей, соединить в гармоничное целое разные этажи социальной иерархии, город и деревню и т. д. Расколотое общество не могло преодолеть постоянное саморазрушение культуры и социальной организации, губительное противоречие между необходимостью решать лавины все более сложных задач, развивать высшие этажи культуры и страхом перед результатами этой деятельности, перед диалогом, разномыслием, подрывающими псевдосинкретизм.

Поворот привел к удивительному компромиссу между двумя исключаящими друг друга, одинаково губительными стремлениями — к разрушительной воле и удушающей сверхцентрализации. Этот компромисс был подвержен колебаниям, которые были важнейшим содержательным элементом истории страны. А. Янов показал, что циклы истории России связаны с *периодическим следованием контрреформ вслед за реформами*. Цикличность свойственна не только российской истории. Определенные циклы можно проследить, например, и в истории Китая. В циклах китайской истории можно выявить повторение четырех последовательных этапов: утверждение центральной власти в борьбе против децентрализации; кризис власти и отступление под напором частнособственнических сил; упадок центральной власти; и наконец, социальная катастрофа, связанная со вторжением иноземцев и крестьянскими восстаниями. Фактически эти циклы были проявлением стремления общества стабилизировать свою социально-политическую структуру в ответ на натиск разрушительных внутренних процессов. В Китае эти циклы являлись результатом более или менее нормально функционирующего механизма, восстанавливающего уравнительную систему и защищающего государственность.

В России раскол препятствовал периодическому обновлению общества и государства на основе древних уравнительных идеалов. В результате сохранялись противоборствующие традиционализму силы, т. е. силы роста и развития, которые и модифицировали инверсионные переходы. Поэтому инверсия не могла вернуть в исходное положение общество. Впрочем, следует отметить, что полного возврата в исходную точку не было и в Китае. *Существование циклов связано с тем, что господствующая сила в обществе, отступая под враждебным*

⁷ Янов А. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988.

натиском, под давлением неблагоприятных условий, не гибнет окончательно, но получает в своем поражении импульс для перегруппировки сил, для возрождения, для победы. Этим объясняется сложность цикла. Однако эта господствующая сила может не выдержать вторичного натиска враждебных сил, которые способны после своего поражения длительное время накапливать ресурсы. Подобную модель можно обнаружить в истории падения Рима. В средневековой Европе в результате ряда причин в XIV веке сеньории пришли в упадок. Но в середине XV века они одержали решающую победу в Италии, Англии, Испании. Однако за этой победой последовало их окончательное поражение. В России циклизм проявляется в том, что любое решение медиационной проблемы, любая нравственная основа для интеграции общества, любая организация этого единства относительно скоро приходили к своему банкротству.

Этот процесс давно обращал на себя внимание исследователей. Например, согласно марксизму, рост производительных сил постепенно вступает в конфликт с производственными отношениями, что требует создания новых отношений. А. Тойнби полагал, что цивилизации могут терять «жизненный порыв», своеобразную божественную санкцию (нечто вроде «богооставленности» по Бердяеву), что является результатом фундаментального несовершенства человека, не способного должным образом откликнуться на вызов истории. В результате наступает дезинтеграция общества, упадок цивилизации.

В разных комбинациях в этих доктринах улавливается важная мысль, что *судьбы цивилизаций решаются не внешним случайным сцеплением событий, произволом лиц, а на сущностном уровне, на уровне движущих сил исторического процесса. Эти движущие силы следует искать в повседневной деятельности миллионов, в их творческой способности развивать свои формы деятельности до уровня задач строительства государства, постоянного его воссоздания, в непрерывной, ни на миг не прекращающейся деятельности, созидающей и разрушающей организационные связи, в шепоте миллионов, созидающих и разрушающих нравственные ценности — основу интеграции общества, в развитии массовой творческой рефлексии.*

Движение, создаваемое этими силами, — воплощение стремления миллионов к утверждению своих ценностей. Но эти ценности сами носили двойственный и внутренне противоречивый характер. Поэтому любой вариант решения медиационной проблемы неизбежно в условиях раскола саморазрушался. Промежуточное положение стало перманентной трагедией. Жизнь уходила из любого идеала, ставшего господствующим.

Двойственность делала общество крайне неустойчивым, заставляло постоянно стремиться к каким-то новым формам жизни, которые всегда искались народом через инверсию, т. е. позади, в возврате к прошлому.

Постоянный уход жизненных сил из сложившихся форм организации создал уникальную ситуацию, когда государственность, вся общественная жизнь постоянно пребывали как будто не в своем доме, как нечто гонимое и бесприютное. Псевдосинкретизм всегда неизменен, но вместе с тем он постоянно дрейфует под влиянием скрытых сил. Он постоянно ищет себя, ищет спокойной идеальной формы, но, найдя, тут же ее теряет. Псевдосинкретизм — это Агасфер, который мог бы сказать о себе: «Темен мой день, бесконечен мой путь, и нет в мире дерева, чей шатер приютил бы страдальца». Если сравнивать историю страны с пружиной, каждый виток которой принять за особый специфический этап, за особую форму идеала, то кризисом 1917 года она была сжата в одну плоскость, иначе говоря, историческая последовательность системы идеалов не была уничтожена, но была загнана в подполье, в глубины сознания и подсознания. Идеалы эти оказались скрытой культурной подпочвой господствующего идеала.

Постоянные потрясения, острые противоречия системы привели в движение сжатую пружину, и последовательно начала появляться вся скрытая программа смены господствующих идеалов. Это повторение, как и повторение циклов в Китае, объяснялось тем, что принципиально не изменился характер движущих сил истории каждой из этих стран. В России это был постоянный конфликт между двумя типами ценностей, двумя типами социальных изменений. Сохранялось господство инверсионного типа социальных изменений. Но одновременно сохранялось и усиливалось стремление к прогрессу, к модернизации, что и модифицировало до неузнаваемости инверсионный цикл.

Цикличность исторического процесса, а также рост утилитаризма, существование элементов прогресса в совокупности порождали сложный результат, который постоянно опровергал любую предзаданную точку зрения на пути России, на ее самобытность. Невольно вспоминаются слова поэта: «Умом Россию не понять...» (1866)⁸. Часть историков, например, Н. Карамзин, пытались-таки понять историю с точки зрения развития самодержавия, игнорируя соборные институты. Славянофилы, раскрыв негосударственный характер массового сознания в стране, подошли к сути раскола, но они с порази-

⁸ Тютчев Ф. И. Сочинения в 2-х томах. М., 1980. Т. 1 С. 183.

тельным простодушием проглядели его глубокую опасность. Западники пытались рассмотреть историю страны через призму западного опыта. Эта тенденция углублялась в либеральном движении. Но Запад не знал раскола, и это мешало пониманию сути происходивших в стране событий, специфики культуры. На этой основе разрабатывался облегченный маниловский взгляд на развитие России, где история — сплошная цепь ошибок, упущений, преступлений правящего слоя, первого лица. И все ими наделанное легко исправить, если заметить плохую власть хорошей, антитотема-оборотня истинным тотемом.

Большевизм осуществил мощную практическую попытку преодолеть раскол, интерпретируя его в неадекватных представлениях классовой борьбы, манихейской борьбы космических сил. Новая власть пыталась найти синтез, обеспечить «морально-политическое единство народа», соединить традиционную уравнивательность с модернизацией, возглавив массовое избиение «носителей зла», и одновременно их использовать для вынесения сложных решений. Это движение переоценило значимость капиталистического элемента и пыталось формировать идеальное общество на основе соединения народной Правды с наукой, опирающейся на западную технику. Большевизм, как и славянофильство и западничество, инстинктивно пытался найти общее основание для преодоления раскола. Славянофилы и западники пытались решить эту проблему на основе абсолютизации одного из элементов русской культуры, связанного либо с традиционной, либо с либеральной суперцивилизацией. Большевизм пошел другим путем. Он встал на путь утилитаризма, эклектического комбинирования того и другого, не пренебрегая массовым избиением всего, что не включалось, не влезало в эти комбинации. Избиению подвергались и традиционное крестьянство, и сторонники либерализма, и приверженцы утилитаризма, и сама правящая элита, если она оказывалась недостаточно утилитарно-гибкой при очередном инверсионном повороте.

Крах этой политики в конце второго глобального периода означал нечто большее, чем поражение одного из многих политических движений, которое фактически уже само признало крушение своих идеалов и своей практики. Налицо очередное трагическое поражение попытки общества преодолеть раскол. Эта попытка была обречена уже тем, что общество пыталось стать лишь одной ногой в либеральной цивилизации, оставаясь другой ногой в традиционной. Поэтому оно вынуждено было имитировать интенсивное развитие экстенсивными методами, истребляя очаги прогресса, собственное разнообразие, всякую

живую мысль в большом и малом. Поэтому оно встречало все более мощные вызовы истории в условиях одновременного возрастания оскудения способности разрешать эти все более сложные проблемы своего воспроизводства. Оно пыталось жить за счет перераспределения доставшихся в наследство ресурсов, за счет экспроприации всех, кто возвышался над средним уровнем, за счет крестьянства, за счет военных трофеев, за счет продажи естественных ресурсов, за счет будущих поколений, за счет иностранной помощи. Исчерпав все доступные ресурсы, общество нашло в себе силы не упорствовать в своих заблуждениях, но вопрос заключается в том, не заменит ли оно старые утопии новыми, найдет ли оно в себе силы для своего пути, не попадая под власть множества новых иллюзий, новых, а вернее, старых форм прожектерства.

Следует отметить, что западная наука не показала своей способности найти методологическую позицию, которая позволила бы дать убедительный прогноз развития России. Об этом свидетельствуют, например, западные оценки советского строя с 1917 года, преобладающее рассмотрение правления Л. Брежнева как долго ожидаемой стабилизации общества.

Постоянный поиск объяснения сложного исторического процесса — естественное движение человеческой мысли, которая склонна в своем историческом развитии двигаться, периодически обращаясь к крайним вариантам и отвергая их. Эта специфика мышления постоянно толкает к поиску крайностей, к полюсам дуальных оппозиций «Восток — Запад», «„Мы" — „Они"» и т. д. В конечном итоге они превратились в оппозицию «социализм — капитализм».

Все эти противопоставления при анализе истории имели тенденцию принимать абсолютный, манихейский характер, что лишало их научной ценности, закрывало путь к пониманию сложного противоречивого развития страны, к поиску меры взаимопроникновения между полюсами систем оппозиций. *История страны представляет собой сложный конфликтный циклический процесс, который одновременно включает прогрессивное развитие.* Это с полной определенностью выявилось уже в первом глобальном периоде. Во втором периоде общество создало систему власти, которая пыталась освоить эти процессы, но не теоретически, а лишь на эмпирическом уровне. Теоретический разум даже не приблизился к пониманию этой сложной социокультурной реальности, она осваивалась посредством утилитаризма. Анализ этого сложного процесса требует особой методологии, отличной от методов традиционной исторической науки, необходимо направить главное внимание исследователя на движущие силы социальных изме-

нений, социокультурной динамики. Их следует искать в постоянно возникающих социокультурных противоречиях, т. е. в противоречиях между массовыми ценностями и сложившимися отношениями, в способности человека их преодолевать, следовать социокультурному закону. В центр внимания, следовательно, становится человек как субъект, его нарабатанная культурная способность преодолевать эти противоречия в своей рефлексивной воспроизводственной деятельности, преодолевать свою историческую ограниченность, повышать уровень и масштабы творческого потенциала. Для историка, социолога, реформатора на первый план выходит задача поиска реального субъекта, его способностей и возможностей при рассмотрении любого реального, предполагаемого, прогнозируемого социально-культурного изменения.

Рост способности субъекта к рефлексии, связанной с накоплением исторического опыта, однако, может вызвать рост стрессового дискомфортного состояния, так как толкает к осознанию необходимости коренного изменения воспроизводственной деятельности. Это может привести к антимедиации, к попыткам ее разрушить. Люди периодически ищут выход из исторически сложившихся противоречий, сменяя один крайний вариант интерпретации исторического опыта другим, и это происходит не только в логике мысли, но и в логике действия.

Поиск альтернативы требует изучения механизма, который может привести к преодолению циклического развития, к возможности преодолеть инверсионные силы.

Социокультурные противоречия, которые лежат в основе понимания механизма раскола, должны рассматриваться не только как противоречия между воспроизводством культуры и воспроизводством социальных отношений, но и как противоречия самой культуры. Именно такие противоречия сложились в самой структуре культуры России, определяя хромающий характер решений. Раскол внедряется в каждую клеточку российской культуры, усиливая таким образом ее дезорганизацию, а через нее — и дезорганизацию воспроизводственной деятельности, рост социальной энтропии. По сути дела, здесь налицо социокультурная патология, которая требует диагноза и лечения. Внимание должен привлечь прежде всего раскол как предпосылка дезорганизации культуры на микро- и макроуровне.

Причины кризиса достаточно глубоки: исторически сложившаяся массовая культура оказалась плохо приспособленной к миру в той его форме, какую он приобрел с давних времен, и особенно в новое время. Очевидно, что изменения, которые имели место в мире, оказались неблагоприятными для массо-

вой русской культуры и, следовательно, для всей воспроизводственной деятельности. Эти изменения охватили не только Запад, но и Восток. Все попытки изоляции, которые не удалось даже маленькой Албании, были бесплодны и лишь снижали потенциал жизнеспособности. Одна часть общества попыталась перестроиться и перестроить общество, тогда как другая противостояла этим изменениям, активизируя свои ценности под нарастающим внешним давлением. Насильственная модернизация, проводившаяся правящей элитой, привела лишь к активизации древних ценностей, что особенно явно выявилось при Петре I, все элементы модернизации превратились в сознании большинства общества в воплощение зла. Новые ценности не повели за собой большинство народа, но, наоборот, стали импульсом для усиления влияния противоположных ценностей. Сложился заколдованный круг. Возникла негативная ситуация: позитивные ценности власти рассматривались народом как негативные, и, наоборот, позитивные ценности народа рассматривались властью как негативные. Раскол между народом и властью приобрел логически завершенную форму.

Социальные сообщества изменяются по иным законам, нежели биологические. Культура никогда не остается неизменной, и механизм этого процесса включает в себя рефлексию, т. е. способность каждой личности, всего народа делать культуру, собственную деятельность, противоречие между ними предметом собственной деятельности. Это открывает путь творческому процессу самоизменения народа: культурного, социального, политического и т. д. Следовательно, спор о судьбе общества и народа как о чем-то заданном извне должен перемещаться в сферу способности самоизменения, роста ответственности за собственную судьбу в постоянно меняющемся мире, во все более сложных условиях.

Мы создали общество «низшего класса», где преобладало стремление решать сложные проблемы на максимально низком уровне, обращаясь к архаичному культурному богатству. В основе таких решений лежало пресловутое «авось». Результатом наших решений была прогрессирующая дистрофия всех хозяйственных, культурных, нравственных процессов, нашей природы и здоровья. Мы с энтузиазмом шли к катастрофе, постоянно истощая себя никогда не прекращающимися «тушением пожаров», пока не подорвали в себе способность их предотвращать. Разумеется, были люди, которые пытались что-то сказать, но мы не хотели их слушать, разрушать свои комфортные иллюзии и преодолевать свои фобии, создавая собственным равнодушием и страхом атмосферу перманентной

борьбы с «кулачеством» во всех сферах жизни. *Неспособность найти выход из тупика — расплата за ту бешеную борьбу во имя уравнительности не только в доходах, труде, но и в мысли. Именно поэтому страна встретила критическую ситуацию конца второго, как, впрочем, и первого, глобального периода недостаточным для преодоления раскола культурным потенциалом.*

НОВЕЙШИЙ ОПЫТ ИСТОРИИ РОССИИ

Примерно годичный опыт истории России с момента предположительного вступления в третий глобальный период, что практически совпадает с годом с момента выхода первого издания книги, позволяет привлечь новый опыт для возможных обобщений. Он позволяет углубить гипотезу, что не только этапы, но и периоды могут находиться друг по отношению к другу в состоянии инверсии. Эта гипотеза опирается на факт возведения в третьем периоде раздавленного в прошлом либерализма в господствующую ценностную систему страны. Опыт 1991 года позволяет сделать вывод, что циклическая динамика остается господствующей формой изменений. Однако господство либерализма в начале третьего периода накладывает свой отпечаток на содержание этого процесса. Общество на новом этапе в новом периоде, очевидно, продолжает нести всю тяжесть раскола и не повысило в должной степени свою способность решать проблемы на уровне сложности расколотого общества. Об этом свидетельствует катастрофическая неспособность воспроизводить и распределять необходимый минимум ресурсов с точки зрения достигнутых обществом потребностей. Сохранился инверсионно-катастрофический путь решения проблем. Сохранилось также господство иллюзорных представлений общества о самом себе, битва мифов как форма столкновений различных групп. Теперь, однако, содержание этих представлений носит абстрактно-либеральный характер. Сделана попытка, значение которой нельзя недооценивать, — преодолеть манихейскую идеологию. Это свидетельство глубоких сдвигов в массовых настроениях, усталости от манихейской непримиримости.

Новый опыт позволяет сделать новые обобщения, найти новые смыслы в прошедшей истории. Четвертая катастрофа, связанная с исчезновением СССР, дает дополнительный материал для гипотезы, что *все четыре имевшие место в истории страны, катастрофы органически связаны с крутыми сдвигами в уровне товарно-денежных отношений.* После первой катастрофы, происшедшей в результате гибели Киевской Руси

еще до ее покорения Батыем, развитое меновое хозяйство сменяется натуральным⁹. Московское государство, в противоположность Киевской Руси, развивалось на чисто натуральной основе, что было шагом назад от европейского пути, ведущего к либеральной цивилизации. Катастрофе Смутного времени начала XVII века предшествовал перевод натуральных повинностей в денежные, что означало усиление давления государства в пользу развития товарно-денежных отношений¹⁰. М. Н. Покровский прямо связывал этот процесс с последующей Смутой. Третья катастрофа, начавшаяся в феврале 1917 года, имела место после самого значительного развития рынка в России — с конца XIX века до 1914 года. После реформы 1861 года денежные платежи крестьянских хозяйств возросли не менее чем вдвое. Вести помещичье хозяйство без крепостных крестьян, т. е. оплачивая труд, стало вообще невыгодно¹¹. Напор товарно-денежных отношений вызвал бурный рост уравнительности, приведшей к неслыханной в истории натурализации не только сельского хозяйства, но и промышленности. Наконец, катастрофа, приведшая к краху советской государственности и распаду СССР, разразилась на волне попыток экономических реформ, развития рыночных отношений. *Следовательно, катастрофы во всех случаях могут рассматриваться как та или иная степень реакции общества на сдвиги в товарно-денежных отношениях, как попытка приспособления к новым условиям.* Необходим анализ влияния товарно-денежных отношений на социокультурную динамику России, о чем мало задумывались реформаторы на разных этапах нашей истории.

Необходимо искать свой путь общественного развития. Этот путь, как полагают некоторые, «можно эффективно пройти „по-восточному“, за счет принципиальной модернизации самой корпоративности и скачка в фазу, где именно „корпорация“, а не атомизированный индивид выступает субъектом вещных, товарных связей». Об этом говорит опыт Японии, Южной Кореи, некоторых стран Юго-Восточной Азии¹². Такие возможности должны тщательно изучаться. Тем не менее уникальный исторический опыт России свидетельствует, что развитие утилитаризма в стране пошло по пути индивидуализма,

⁹ *Огановский Н.* Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1911. Т. 2. С. 9.

¹⁰ См.: *Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 234, 263, 264.

¹¹ См.: *Лященко П. И.* Очерки аграрной эволюции России. Л., 1924. С. 136, 138.

¹² *Кара-Мурза А. А.* Непродуктивная индивидуальность и продуктивная корпоративность?// Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 77.

разрушения соборности, коллективизма. Поражение России при попытках решения современных проблем должно стать стимулом для того, чтобы общество собралось с силами, сделало выводы из прошлого, переосмыслило свое настоящее, вышло на новые горизонты будущего. Есть выводы, которые необходимы сейчас, сию минуту. Сегодня Россия не смогла удержаться в статусе супердержавы. Отсюда вытекает необходимость психологической перестройки, перехода на значительно более низкий уровень претензий (в частности, имперских) во многих областях жизни. В этом есть опасность усиления равнодушия к жизни, пассивности, нового упования на внешние силы. Реальный выход один — постоянный поиск меры, поиск соответствия потребностей реальным возможностям, способностям, реальной динамике взаимопроникновения способностей и возможностей, поиск путей развития этих способностей.

Историческое значение опыта России в том, что в ней как в фокусе мировых проблем трагически отразился переход к либеральной суперцивилизации, который для иных стран и народов прошел по российским меркам безболезненно. *Человечество переломилось надвое в теле и духе России. Россия может быть по своей сути мостом между народами, но может быть и пороховым погребом, который находится в слабом месте мирового сообщества.* Отсюда необходимость возрастающего внимания к проблемам России, которые, по сути, затрагивают весь мир.

В 1979 году я писал: *«Переход к промежуточной цивилизации новых стран и народов с разнообразными культурами может усилить опасность локальных взрывов, возникновения бесчеловечных и агрессивных режимов, гибельного манихейского раскола внутри народа и между народами.*

Не следует забывать, что с точки зрения всей человеческой истории либеральные ценности — тонкая пленка на толще традиционализма. Поэтому серьезные непорядки в самой либеральной цивилизации, даже в ее твердых могут привести к активизации древних ценностей. Существование левых экстремистских групп — доказательство того, что традиционализм не сложил оружия в борьбе с либерализмом. Возможно, впрочем, что именно стремление использовать крайние террористические методы — свидетельство агонии теряющего остатки почвы политически активного традиционализма в странах развитого либерализма.

Люди Земли должны перейти от больших обществ к сверхбольшому, к обществу всего человечества, либо оно рискует погибнуть в мировой катастрофе, вызванной взаимным

страхом, неспособностью видеть людей в тех, кто живет и думает по-другому.

Существуют спонтанные процессы, ведущие к интеграции единого человечества. Это прежде всего духовные и экономические связи, рост контактов и обмен ценностями. Но эти же процессы в моменты стресса могут вызвать эффект бумеранга, т. е. судорожную дезинтеграцию, активизацию древних, разрушительных для современного общества ценностей. Отсюда как никогда выросшая опасность катастрофических событий в результате слепых сил исторической инерции, необходимость активного поиска новой, более глубокой исторической необходимости в масштабе человечества. Большинство культур человечества содержат для этого предпосылки.

Интеграция мира возможна лишь в процессе выработки более высокой культуры, которая создаст основу для роста внутренней интеграции при росте разнообразия, культуры, способной избежать дезинтеграции в результате роста разнообразия и унификации. Эта культура не может быть результатом одновременного изобретения гения. Она может быть выработана в диалоге народов, в диалоге разных культур, в процессе совместной выработки общих ценностей.

Положительный результат может быть достигнут лишь в самоуглублении каждой из культур, в процессе преодоления внутренней ограниченности каждой из них без исключения. Все культуры должны внести вклад в этот творческий процесс. Например, в западной культуре существуют важнейшие ценности, без которых невозможна интеграция человечества. В ней выработано представление о творческой личности, способной саморазвиваться, самоуглубляться, создавать ассоциации, перестраивать социальные отношения. Одновременно на Западе возникла идея прогресса, было понято существование законов социального развития, которые являются законами развития самого человека, идеи диалога и плюрализма.

В этой выработке высшей культуры важное место занимает Восток, где была открыта система преобразования индивидуального сознания, без чего невозможна переориентация человечества на новые ценности.

Русской культуре есть что внести в этот диалог народов. Это прежде всего идея мирового всеединства. Великий мыслитель России В. Соловьев искал силы, стремящиеся собрать хаос в единство, организационно и духовно объединить человечество на основе диалектического саморазвития истории. Идея единства разделенного постоянно мучит русскую куль-

туру. Еще преподобный Сергей Радонежский воплотил в соборе Пресвятой Троицы символ борьбы с ненавистью разделенного мира, призыв к единству. Поэт Вячеслав Иванов высказал глубокую мысль, что основная причина раздробленности мира заключается не столько в драматическом взаимоотталкивании ненавистного, сколько в трагедии противоречивой, убийственной расправы сопряженного, друг друга восполняющего. Н. Бердяев писал: „Человек должен принять на себя ответственность не только за свою судьбу и судьбу своего народа, человечества и мира“. „Самая большая религиозная и нравственная истина, до которой должен дорасти человек, это — что нельзя спастись индивидуально. Мое спасение предполагает и спасение других, моих близких, всеобщее спасение, спасение всего мира, преображение мира“. Он говорил о необходимости постигнуть человеческую историю как „до глубины мою историю, как до глубины мою судьбу... Все исторические эпохи, начиная с самых первоначальных эпох и кончая самой вершиной истории, эпохой нынешней, — все есть моя историческая судьба, все есть мое“¹³. Ответственность личности за весь мир и всего мира за личность — вот путь к интеграции человечества.

В стране продолжается работа, углубляющая ценности культуры. Идет скрытая борьба между манихейской идеей классовой борьбы, раскалывающей мир, рассматривающей даже общий интерес, цельность как результат победы одной формы локальности, одного класса над другим, и идеей тотальности, где преобладает ценность целого. Первая линия является дальнейшим развитием, модификацией древнего синкретизма, языческой веры в извечную борьбу космических сил. Вторая ведет свое происхождение от высшей русской и европейской культуры, противостоящей попыткам понять мир на основе низших, локальных форм культуры. Она формирует новые, все более глубокие подходы к пониманию цельности мира, ищет пути преодоления его расколотости, антиномичности, противоречий. Эта линия идет, в частности, от Достоевского. В своей скрытой полемике с Кантом он искал пути нахождения преодоления дуализма. У старца Зосимы („Братья Карамазовы“) дуализм преодолен. У него „мир потусторонний и мир посюсторонний не разделены: они соприкасаются, объединены, один переходит в другой, горе снова сменяется радостью“¹⁴. Элитарная мысль России продолжает работать в этом направлении, формируя сре-

¹³ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 15.

¹⁴ Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. М., 1963. С. 83.

данную культуру»¹⁵. Все эти разные пути и формы истины могут развиваться, лишь взаимопроникаясь друг другом, вступая в диалог. Этот духовно взаимообогащающий процесс является по своей сути одновременно поиском пути воспроизводства мира, преодоления опасностей катастроф, ростом способностей человека.

Будущее — результат не внешнего влияния, но массового творческого процесса, идущего из глубин народной почвы, который включает непрерывный диалог с иными народами и цивилизациями, с собственной духовной элитой. Это будущее строится сегодня обществом не только в сфере духа, но и через способность каждого из нас делать предметом диалога критику нашей истории. Ценность этой критики определяется нашей способностью обеспечить ее единство с формированием мира, несущего в себе условия, средства и цели, открывающие жизнеутверждающий путь России, всему человечеству.

Исторический опыт России является одновременно особым опытом мировой истории, который должен быть осмыслен как важнейший элемент культурного богатства человечества. Этот опыт показывает, что идея замкнутых цивилизаций потеряла всякий реальный смысл, если она вообще его имела когда-либо. По сути дела, каждая культура — лишь особый фокус мировой культуры, где на первый план выдвигается некоторое особое сочетание ее элементов, обобщается особый специфический опыт мировой истории. Каждая культура существует лишь в процессе взаимопроникновения, постоянного диалога с человечеством, диалога специфических культур. Опыт истории России показывает, что это взаимопроникновение культур приобретает особую остроту в процессе перехода от традиционной суперцивилизации к либеральной.

РЕФЛЕКСИЯ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ

Опыт истории России показывает, что общество потерпело сокрушительное поражение на дорогах истории, что оно, повернув на путь модернизации, утилитаризма, на путь освоения ценностей либеральной цивилизации, ценностей повышения эффективности воспроизводственной деятельности, углубления рефлексии, оказалось отброшенным вспять. Это поражение выразилось прежде всего в том, что Россия, пытаясь преодолеть господство ценностей традиционализма, не сумела, как это произошло в некоторых других странах, со-

¹⁵ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 375-378.

единить это стремление со своей самобытностью. Общество оказалось уязвимым в самом главном пункте — в наращивании своей способности решать свои все более сложные проблемы, отвечать на вызов истории опережающим самосовершенствованием своих творческих возможностей, преодолевать противоречия между социальными отношениями и культурой. Попытаться решить вопрос о причинах этого явления можно на разных уровнях абстракции. Можно обвинять политиков в явных ошибках, указывать на общий упадок трудовой этики, на огромные затраты на подготовку к войне и т. д. Все это правильно, но недостаточно. Очевидно, должен быть какой-то наиболее общий ответ, сформулированный на категориальном уровне, который может показаться слишком абстрактным, но который, тем не менее, должен выявить глубинные процессы цивилизационного уровня, затрагивающего сами основы массовой деятельности. На этом уровне рассмотрения такой общий ответ не заменяет возможности других ответов, непосредственно затрагивающих более конкретные процессы, но создает для всех других ответов некоторую общеметодологическую базу. Этот категориальный ответ должен затрагивать основополагающие характеристики человека, т. е. касаться уровня его массовой творческой рефлексии, ее соотношения со сложностью проблем.

Рефлексия есть центральное, основополагающее определение человека, фундаментально отличающее его от животного. Учение о рефлексии развивалось в истории философии прежде всего как учение о способности самопознания, превращения субъектом самого себя в свой собственный объект. Однако такое понимание субъекта в эпоху бурных изменений следует рассматривать как недостаточное. Рефлексия есть способность субъекта к самоизменению, саморазвитию, к собственному воспроизводству и практической самокритике. *Рефлексия есть способность субъекта воспроизводить себя в постоянно усложняющихся условиях, что требует, в конечном итоге, постоянного самосовершенствования, совершенствования средств и целей, развития культуры и социальных отношений.* Рефлексия есть воспроизводственная категория, фиксирующая глубину, масштабы способности общества, сообщества, личности делать свои социальные отношения, свою культуру, соотношение между ними, их взаимопроникновение, отношение личности и общества своим собственным предметом. Предметом рефлексии является воспроизводство, совершенствование, развитие общества, сообщества, личности. Рефлексия по самой своей сути несет в себе способность кумулятивного развития, постоянного превращения достигнутого уровня ре-

флексии в предмет более высокого уровня рефлексии. Рефлексия определяется как творческий процесс. Она есть центральное определение человека, субстанциальная характеристика жизни общества. Рефлексия всегда есть творчество, она всегда возможна не как внешнее взаимодействие субъекта и объекта, не как конфликт двух монологов, но как постоянное взаимопроникновение противоположностей, одного полюса другим, постоянное превращение противоположности в содержание сознания и деятельности субъекта, в предмет постоянной интерпретации.

Проблема заключается в том, что глубина и масштабы рефлексии постоянно изменяются. В любой момент времени рефлексия может быть существенно различна в разных культурах. Культуры могут быть классифицированы по уровню рефлексии. Один полюс культуры соответствует возведению рефлексии в высшую ценность. На другом полюсе высшей ценностью является способность сохранить без изменения культуру, социальные отношения, собственную деятельность. Каждая конкретная (суб)культура находит свою меру между этими оппозициями.

Разнообразие культур велико. Оно включает и такие культуры, где развитая рефлексия жестко замкнута в сфере совершенствования личности лишь в рамках исторически сложившихся отношений.

Возможны общества, где уровень рефлексии с определенного момента перестает достигать необходимого минимума, что снижает эффективность воспроизводства вплоть до деструктивного уровня. Предотвращение этой опасности требует концентрации внимания на механизмах развития массовой рефлексии, на способности ответственно совершенствовать себя, все общество. Чем сложнее общество, тем сложнее должен быть механизм рефлексии. Он включает способность народа формировать духовную элиту, а также слой интеллигенции, социальная функция которой заключается в развитии рефлексии. Отставание воспроизводственной рефлексии от сложности подлежащих разрешению проблем может привести к росту дезорганизации общества, к отставанию всеобщего основания для разработки сложных решений, необходимых как ответ на вызов истории.

В России исторически сложились неблагоприятные условия для этого процесса: обширность пространства и ресурсов стимулировала экстенсивные методы воспроизводства, стремление сводить богатство к материальным ресурсам, которые можно получать путем простого приращения пространства и ресурсов. Опыт истории свидетельствует, что истинное богатство не то,

что находится в земле, но то, которое может быть воспроизведено в процессе деятельности людей. Именно *рефлективная способность повышать умение, квалификацию, эффективность воспроизводственной деятельности и есть, если угодно, единственное богатство человечества, так как все остальное можно иметь, удерживать, использовать и т. д. только лишь на основе рефлективной воспроизводственной способности субъекта.*

В этом смысле Россия пришла в современный мир как страна бедная. Мы «на протяжении нашей истории были народом голодным, не вышедшим из полосы хронических голодовок даже в 19 и 20 веках»¹⁶. Но при этом Россия была заморожена своим естественным богатством, своими безграничными просторами, своими победами над внешними врагами. Между тем достаточно опыта Японии с ее бедными природными ресурсами, чтобы понять, что именно способность к самосовершенствованию — определяющая для общества и человека.

Механизм рефлексии включает способность человека так изменяться, чтобы превращать свои потребности в воспроизводственные действия, проникаясь наиболее эффективными средствами. Слабость рефлексии может проявляться в том, что при этом не происходит в должных масштабах превращения потребности в вещи, благах в соответствующего уровня воспроизводство, формы труда, в создание и использование соответствующих средств. Это приводит к попыткам решать проблемы за счет экстенсивных методов. В условиях ограниченности ресурсов при этом усиливается раскол, возникают междоусобицы на разных уровнях общества. По сути дела, формирование советского общественного и идеологического строя во втором периоде российской истории было попыткой общества приспособиться к расколу почвы, к превращению экстенсивных методов воспроизводства ресурсов в борьбу держателей ресурсов между собой, прежде всего в деревне, к преодолению этой ситуации посредством доведения борьбы до логического конца, до крайности, посредством подавления, истребления части общества (т. е. богатых, всех, кого можно было подозревать в нарушении уравнительности, всех носителей опасных инноваций). Эта попытка завершилась крахом, так как интенсификация воспроизводства ресурсов происходила в формах псевдо, т. е. оставалась в рамках исторического опыта простого воспроизводства на основе уравнительных ценностей. Сегодня общество вновь стоит перед проблемой повышения эффективности воспроизводства, но без соответствующей

¹⁶ Сорокин П. А. Современное состояние России// Новый мир. 1992. №5. С. 161.

щего углубления массовой рефлексии решение этой проблемы невозможно.

Слабость рефлексии проявляется в неэффективности сложных решений, значимо затрагивающих динамику общества, т. е. прежде всего в неэффективности реформ, различного рода революционных перестроек, восстаний и забастовок как инструментов улучшения общества. Они не приводят к решению проблем путем проработки частей и целого, путем решений, охватывающих это целое, создающих для общества новое, более глубокое всеобщее культурное основание, но сводятся к разрушительным шараханьям от одной частицы истины к другой, от одного разрушительного прожекта (например, большевистского) к другому (например, абстрактно-либеральному), что делает нас предметом всемирного недоумения. По-российски нам надо сначала все разметать, в первую очередь саму организационную основу нашего существования, само государство, т. е. некоторый накопленный материализованный опыт, некоторую более или менее налаженную регулярность и оформленность, а затем, как детям, изумляться, почему же игрушка сломалась, почему отовсюду лезет хаос и разрушение. Это стремление к разрушению столь сильно, что оно охватывает и интеллигенцию, и часть духовной элиты, которые тем самым изменяют своей социальной функции — быть наиболее глубоким и ответственным субъектом критики исторического опыта, субъектом массового стремления к порядку через хаос, к форме через бесформенность, к добру через зло. Этот маршрут всегда оказывается для нас непроходимым, и мы застреваем в самом опасном месте.

Исторически сложившаяся рефлексия — всеобщее определение человека. Она проявляется в бесконечном количестве форм, например, в способности видеть в повседневности, во всех без исключения проблемах историческую составляющую, результат истории. Историческое видение противостоит неэффективным решениям, и это особенно важно при проведении реформ.

Слабость рефлексии — в недостаточной способности решать сложные проблемы через целое, т. е. через взаимопроникновение части и целого. Например, исторически сложилось так, что земледельцы и ремесленники в России стремились удовлетворить лишь свои личные потребности, не слишком заботясь об обществе в целом¹⁷. Сегодня в локализме наблюдаются эти же тенденции, что может быть губительным для общества.

¹⁷ *Соколовский П. А.* Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 21-32.

Развитие рефлексии не есть прерогатива какой-то отдельной сферы общества — это прежде всего развитие личности, и сегодня ее важнейшая форма проявления — массовая способность к частной инициативе, готовность брать на себя ответственные решения, организовывать разнообразную деятельность, вовлекать в нее многих людей, в тенденции — все общество.

Выход из создавшегося положения, если брать именно категориальный, а не частный уровень, следует искать *на пути повышения уровня массовой рефлексии как на личностном уровне, так и на основе перестройки всех институтов общества*. Здесь важнейшее значение имеет деятельность интеллигенции. В принципе, как более образованный слой общества, она должна быть некоей точкой роста, где рефлексия не только растет, но и втягивает в этот процесс все общество. Однако исторически сложилось так, что интеллигенция в своей значительной части стремилась абсолютизировать некоторый исторически сложившийся уровень рефлексии. Более того, она часто стремится устранить возможность повышать рефлексию, потворствуя тенденциям ликвидации источников беспокоящего большинство роста рефлексии.

Реакция общества на недостаточный уровень массовой рефлексии может выразиться в попытках отдельных социокультурных групп, прежде всего власти, с более развитой, хотя, возможно, односторонней рефлексией, заместить своей рефлексией ее общий недостаток в обществе. Но раскол между двумя уровнями рефлексии неизбежно приводит к тому, что рефлексия правящей элиты также приобретает расколотый, уродливый характер. Это расстройство рефлексии означает, что власть может увлечь за собой народ, лишь используя сложные, но ограниченные механизмы, прежде всего эмоционального характера, которые по своей природе могут постоянно доводить любое дело до крайностей, разрушая устойчивость длительного конструктивного процесса. Массовые инверсионные колебания неизбежно парализуют возможность развития рефлексии, в частности, подавляя, истребляя формы деятельности, критикующие свое существование, общепринятые нормы, формы труда, исторический опыт, уничтожая те точки роста, анклавов, где зарождается более высокий уровень рефлексии.

Идеологическая борьба, которая постоянно в различных формах идет в стране, кроме всего прочего, является борьбой за разный уровень, разный характер массовой рефлексии. Например, известное письмо 74 русских писателей¹⁸ является по-

¹⁸ См.: Литературная Россия. 1989.

пыткой убедить русского человека в его непогрешимости, в том, что то дерьмо, в котором сегодня он сидит, является результатом чьих-то злобных козней, внешних сил. Идеологи этноцентризма всю свою энергию тратят на то, чтобы убедить русского человека в том, что не нужно серьезно и глубоко критически относиться к себе, к своей истории, к своей причастности к бесчисленным преступлениям, которые творились в стране на протяжении ее истории и творятся сегодня.

Если какая-то группа действительно хотела бы сегодня навредить русскому народу, то, очевидно, самый лучший способ был бы убедить всех и каждого в его непричастности ко всем бедам собственной страны, в том, что он не только хорош, каков он есть, но и лучше всех других народов мира, что именно сегодня, как и всегда, весь мир должен учиться у русских. Успех проповеди такой неслыханной племенной гордыни означал бы, что народ вновь обрекается на разрушительное движение по кривой исторической инерции, что он лишен главного человеческого качества — творческой рефлексии. Люди, впавшие в грех гордыни, неспособны повернуть маховик исторической инерции, так как они не нацелены на самоусовершенствование, на очищение себя от всемирного срама. Они стали бы продолжать истреблять себя в процессе бесконечного поиска новых врагов, не только истощая свои жизненные силы в бесплодном самоподавлении, но и культивируя именно те аспекты своего культурного багажа, которые ведут к новому краху.

Бесчисленные племена и народы на протяжении человеческой истории исчезли с лица земли, так как, очевидно, их культура оказалась недостаточно способной изменяться, преодолевать собственные противоречия, приспособляться к изменившейся ситуации. Задержка в развитии рефлексии в целом, ее различных форм (например, ступени развития рефлексии, связанной с торговлей), запаздывание по сравнению с усложнением проблем в совершенствовании критики исторического опыта — вот главный тормоз прогресса жизнеспособности.

Попытка законсервировать или даже снизить исторически сложившийся уровень массовой рефлексии может выступать как обожествление народа, которому, как божеству, нет необходимости заниматься самокритикой. Вот почему для интеллигенции необходимо решать проблему теодицеи, т. е. объяснить существование зла в обществе. Впрочем, такая проблема существует лишь для монотеизма, например, для христианства, но ее нет для манихейского сознания. Для него зло — равноправная субстанция, и, следовательно, общество не мыслится без профессионалов зла. Все, что в стране было хорошо, — это ре-

зультат деятельности народа, а что плохо — результат козней не-народа, чужого народа, отщепенцев, врагов, антитотемов и т. д. Сам народ ни в чем не виноват и лишь воспроизводит зло в своей деятельности, зло, которое ему подсунули. Народ страдает от козней злодеев, которые, естественно, не включены в народ, но ему противостоят. Тем самым та часть интеллигенции, которая придерживается этой позиции, по сути, отказывается от критики народа, критики реального его исторического опыта, сложившегося уровня, характера рефлексии. В этой связи выдвигается ряд общих социологических идей, которые здесь нет возможности рассматривать. Важнейший их тезис: «Народы не отвечают за своих вождей»¹⁹. Эта удивительная инфантильность идет от древнего локализма и тотемизма, где тотем-отец подчинялся собственным капризам, а не «воле народа». Отсюда уверенность, что власть — нечто вроде языческого божества, которое может требовать человеческих жертв и вообще чего угодно. Ее можно сменить, как и тотем, но невозможно изменить ее природу.

В действительности народ всегда ответствен за власть, даже тогда, когда он этого и не знает, но когда он каждый день в своей деятельности воспроизводит ее в своем поведении, выполняет ее распоряжения, снабжает ресурсами. Ответственность включает в себя не только идеальный, но и функциональный аспект.

Культивировать идею безответственности народа за деятельность власти — значит культивировать старый обанкротившийся опыт истории, накопленный в локальных мирах в традиционном обществе, обладающем уровнем рефлексии, который неизмеримо ниже потребностей большого общества. Это значит сохранить историческую инерцию, вести дело к новым поискам «виноватых», новым пограммам, массовым избиениям «врагов», новым катастрофам. В том, что произошло с Россией, виновны все, даже те, кто родился позже, но кто не осудил в своем сердце преступления, кто делает себя неспособным строить мир, противостоящий этим преступлениям, пусть под иными знаменами. Спасение России, как и всего человечества, лишь в глубокой самокритике каждого, которая только и является единственным путем к критике мира и критике ошибок и преступлений других людей. Критика без самокритики разрушает мир.

Недостаточный уровень рефлексии означает, что за новые альтернативы принимаются очередные результаты следования инерции истории, безличным ее силам, **которым мы позволяем**

¹⁹ Гулыга А. В. Русский вопрос // Наш современник. 1990. № 1. С. 175.

вести нас либо ко всепожирающему молоху тоталитаризма, либо к катастрофической атомизации общества. Наше горе в том, что мы практики-фаталисты, т. е. поручаем себя внешним силам, на место которых обычно становится политик, озабоченный больше всего тем, чтобы говорить и делать то, что нам приятно, что вписывается в наш комфортный мир, но тем самым он лишь идет путем нашей серости и беспомощности. *Горе нашей интеллигенции и власти в том, что они пронизаны страхом перед периодическими вспышками народного гнева, направленного на их истребление. Поэтому они, забывая свой долг, обрушивают критику на мифических «врагов», одновременно льстя народу. Тем самым делается черное дело, закрепляется низкий уровень массовой рефлексии, подавляется реальная способность критики исторического опыта, тормозится развитие умения преодолевать инерцию. Горе нашего народа в том, что он побивает камнями своих пророков, предпочитая им людей, которые иллюзорно помещают наше собственное зло вовне, делая нас безгрешными в наших собственных глазах.*

С определенного уровня сложности исторического процесса, например, с перехода от статичных к динамичным ценностям, объяснение, как и понимание, исторического процесса должно перейти на качественно новый уровень. Необходимо теоретическое освоение новых, более глубоких и ранее скрытых пластов реальности. Раскол является мощным стимулом для выявления того, что в основе исторического процесса лежит особая социокультурная реальность, понятая прежде всего как способность людей соответствующей культуры, социокультурного субъекта формулировать свои проблемы и их практически разрешать, т. е. изменять себя, свою воспроизводственную деятельность, свою культуру, свои отношения, свои условия, средства и цели, результаты своей деятельности. Эта способность носит кумулятивный характер, она включает способность накапливать опыт и, следовательно, накапливать эффективность воспроизводственной деятельности людей. Тем не менее существует противоположный процесс, направленный на сохранение привычной комфортной картины мира, что может приводить к периодическим и систематическим уничтожениям достижений культуры, воспроизводственной деятельности. Существует постоянный соблазн сползания к примитиву манихейства, возложения ответственности за мир, за себя на внешнее зло, на тотем, на авось. Это не только препятствует повышению эффективности деятельности, но и снижает ее.

Следовательно, на первый план в изучении общества должна выйти реальность человеческих способностей, возможностей

преодолевать социальную энтропию, дезорганизацию, держать ее в определенных пределах, а также конструктивно выходить за рамки исторически сложившихся возможностей, социальных отношений, культуры. На первый план должна выйти способность преодолеть ограниченность социальных отношений, искать их культурную меру.

Возможно бесконечное множество комбинаций, где по одним параметрам общество оказывается на высоте положения, по другим — на уровне ниже необходимого. Россия представляет собой особо сложный случай, где на вызов другой цивилизации страна ответила расколом. Раскол сам по себе оказался мощным вызовом истории, который толкает страну к катастрофе. Это еще раз подчеркивает необходимость обращения к анализу механизмов, ведущих к преодолению ограниченности внутренних сил страны, к повышению эффективности воспроизводственной деятельности. Анализ показывает, что в каждой клеточке культуры и деятельности в результате дезорганизации воспроизводственной деятельности пересекаются разнонаправленные векторы конструктивной напряженности, что создает своеобразные силы кручения, «завихрения» деятельности. В расколотом обществе существует фундаментальное противоречие между социальными отношениями, которые носят странный характер псевдо, с одной стороны, и неадекватностью духовной культуры, которая лежит в основе освоения каждой личностью этих отношений, с другой стороны. Тем самым в обществе развивается неадекватная мысль, неадекватные отношения, неадекватность человека самому себе. В обществе властвуют фантомы. Все это невозможно сделать специально. Это результат сложного противоречивого исторического процесса. Для понимания этого явления необходимо отказ от сложившегося языка псевдонауки, от попыток описать сложные явления в терминах модернизированных мифов, от описания старых потребностей через абсолютизацию «хочу», от некритического восприятия собственных потребностей.

Необходимо отказаться от постоянного преувеличения значимости верхнего слоя культуры. Верхний уровень может принять лозунги и формы мировых религий, марксизма и чего угодно, что имеет мало значения для объяснения массового поведения, самого характера воспроизводства институтов, форм человеческих отношений и т. д. Для этого необходимо рассмотреть глубинные пласты массового сознания, народной культуры, имеющие подчас архаичные истоки, на которые могут накладываться новые слои. Задача науки как раз и заключается в выявлении отношений этих уровней между собой,

выявлении мучительных процессов приспособления всех высших уровней к сложным и неясным массовым процессам.

Судьба России не может быть объяснена тем, что в ней марксизм (марксизм ли?) стал на какое-то время господствующим учением, и поэтому вряд ли можно думать, что замена его православием спасет страну. Единственная разница будет заключаться в том, что раньше людей избивали за классовую принадлежность, которая может быть заменена на религиозно-национальную. Определяющее значение имеют массовые культурные стереотипы миллионов людей, их представления об условиях, средствах и целях своей жизни, основополагающие оппозиции их культуры, логика использования этих стереотипов в процессе осмысления явлений, способность миллионов на основе своего культурного богатства решать проблемы, воспроизводить себя и реальный мир. Стереотипы не неизменны, но вряд ли существенно изменятся от того, какую философию исповедует правящая элита.

Каждая страна, будучи особым фокусом человечества, переживает в известном смысле все трагедии мира, точно так же как все человечество неизбежно переживает локальные трагедии, которые тем самым становятся общими проблемами. *Сегодня этот фокус — прежде всего проблема отношения двух основополагающих цивилизаций. И от того, как она преломляется в каждом народе, зависит судьба этого народа, а возможно, и человечества в целом. Нарастание рефлексии или деградация — иного выхода нет ни у России, ни у всего человечества.*

ЦИКЛЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Господствующие нравственные идеалы этапов	Этапы первого цикла (с древних времен до 1917 года)	Этапы второго (советского) цикла (1917-1991 годы)	Третий цикл (с августа 1991
<p>I этап. Ранний соборный идеал</p> <p>II этап. Ранний умеренный авторитарный идеал</p> <p>III этап. Ранний идеал всеобщего согласия</p> <p>IV этап. Крайний авторитаризм</p> <p>V этап. Поздний идеал всеобщего согласия</p> <p>VI этап. Поздний умеренный авторитарный идеал</p> <p>VII этап. Поздний соборный идеал, приобретший форму соборно-либерального</p>	<p>Киевская и удельная Русь</p> <p>От Ивана I Калиты до Великой смуты</p> <p>От Великой смуты до царствования Алексея Михайловича</p> <p>От царствования Алексея Михайловича (примерно с середины 50-х годов XVII века) до Анны Иоанновны включительно</p> <p>От 1762 года (Указ о вольности дворянства) до 1825 года (восстание декабристов)</p> <p>Царствование Николая I</p> <p>Реформы (с 60-х годов XIX века по 1917 год)</p>	<p>С 1917 до середины 1918 года</p> <p>Военный коммунизм</p> <p>Нэп</p> <p>Правление И. Сталина</p> <p>Правление Н. Хрущева («оттепель»)</p> <p>Правление Л. Брежнева («застой»)</p> <p>«Перестройка»</p>	<p>Постперестройка (с ф е р а п р о г н о з а)</p>